

«Второй сын в семье Александра II и Марии Александровны Александр не рассматривался как возможный кандидат на российский престол. Сам он готовился к карьере гвардейского генерала и совершенно не желал становиться самодержцем и возлагать на себя бремя власти. И все же в апреле 1865 года великий князь Александр Александрович был объявлен цесаревичем-наследником.

Светлана **Бестужева-Лада** «Самый российский царь»

«Его имя широко известно лишь в связи с революцией 1917 года и последовавшими за нею событиями. Сначала — сугубо отрицательный персонаж, мрачная личность, потом — признание его человеком с нелегкой судьбой, способным даже на романтическую любовь, только вот выбравшим не ту сторону фронта во время гражданской войны. И только в самые последние годы открылась совсем другая сторона жизни этой уникальной личности — мореплавателя, путешественника, ученого и едва ли не в последнюю очередь военного. Все это — об адмирале Александре Васильевиче Колчаке.

Денис **Логинов** «Расстрелян без ссылки на правительство»

«Николай Гумилев посвящал Ахматовой стихи до самой своей смерти, а она, очень недолгое время побыв его женой, до самой своей смерти оставалась вдовой Гумилева и тоже посвящала ему стихи. «Все души милых — на высоких звездах...» — писала она. Но одна душа оставалась всю жизнь милее и ближе прочих. Не ужившиеся на Земле, Гумилев и Ахматова стали неразлучной «небесной парой», ибо, вспоминая одного, нельзя не упомянуть другую. И наоборот.

Майя **Орлова** «Рыцарь русского ренессанса»

«Фильм «Шербургские зонтики» в свое время неожиданно стал настоящим «хитом». Мало того, что мелодии из фильма звучали практически повсюду, так еще и все женщины в мире причисывались «под Женевьеву», одевались, как она, подражали ее походке... Но Катрин Денев была и остается неподражаемой. Во всем.

Денис **Логинов** «Молчаливая красавица»

«Окончание детектива **Андрея Дышева** «Классная дама»

О жизни и творчестве художника Пьеро делла Франческа читайте на стр. 65

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Тень мелькнувшая** 4

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Историк государства
российского** 20

Рассказ

Наталья Романова **Книга** 28

Евгений Карпук **... и орден Красной Звезды** 100

Минувшее

Денис Логинов **Святой флотоводец** 48

Шедевры

Ирина Опимах **Пьеро делла Франческа
«Воскресение Христа»** 65

Судьбы

Майя Орлова **Поэт, сын поэта** 76

Чем живем

Павел Крылатов **Герой нашего времени** 91

Наши публикации

Аркадий Бухов **Пасха будущего** 94

Детектив

Андрей Дышев **Классная дама** 120

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru**Арт-директор**

Веселова Надежда Александровна

Web-редакторКалиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru**Корректор**

Чекова Валентина Михайловна

**Директор
по распространению**Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru**Обложка**

фото Дениса Логинова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена»».**Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
e-mail: jurnal@smena-online.ruтел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»Исключительные права на текстовые и фотоматериалы,
публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал
«Смена» и охраняются в соответствии с законодательством
РФ и международными соглашениями.
Шрифт: ParaType**Отпечатано: Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №1102

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.04.2013

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям****Валерий Полетаев**

актер, г. Санкт-Петербург

Герои сорок пятогоИх меньше и меньше. Редют ряды.
Их меньше и меньше, пришедших с войны.В обычный день — обычный человек,
В костюме даже чуть помятом,
Живущий скромно в наш нескромный век, —
Он был героем в сорок пятом.
И в день Победы, ордена надев,
Являя вновь былую славу,
Он снова — необычный человек,
И через столько лет — герой по праву!Память о павших — забота живущих:
Памятник, Вечный огонь, Обелиск...
Главное, выжившим, рядом идущим,
Не забудь, человек, поклонись:
Тысячи верст прошагавшим в пыли,
Тысячи тонн перерывшим земли,
Тысячам бомб поклонившимся низко,
И расстрелявшим тысячи дисков.
Вынесшим боль, смерть друзей, отступленья,
Миру открывшим эру свершений!
Непокоренный Советский солдат —
Он спас планету, пройдя через ад!..Их меньше и меньше. Редют ряды.
Их меньше и меньше, пришедших с войны.

Светлана
Бестужева-Лада

ТЕНЬЮ МЕЛЬКНУВШАЯ

Эта женщина всего лишь изредка проскальзывает во всех исторических документах, связанных с Петром Великим, и представляется нам такой же безликой тенью, какую остается в истории Петра большая часть его сподвижников и сподвижниц. А ведь после любимой родной сестры Натальи Петр Алексеевич больше всего привечал именно свою невестку. Супруга его старшего сводного брата, рано овдовевшая царица Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова, занимает все-таки определенное место в истории российского государства...

По мере того как рос и мужал царь Петр, правительница царевна Софья в тайных советах с князем Василием Голицыным тщательно обдумывала план удержания за собой господства над братьями и власти над Россией. От насильственной расправы с «братцем Петрушей» царевну благоразумно удерживал фаворит, который, собственно, и предложил «оригинальное» решение вопроса: женить «брatца Ивана» и объявить законными наследниками престола потомство от этого брака.

По обычаю священной старины, в царские терема свезли дочерей высшей московской аристократии. Засуетились их родители, закипели страсти придворных честолюбцев. Нужды не было, что состояние здоровья царя Ивана оставляло желать лучшего: для брачной жизни медики признавали его вполне годным.

В толпе юных боярышень взгляд Ивана остановился на круглолицей, полной свежести брюнетке — Прасковье Салтыковой. Внешность ее один из современников описывает так: «невеста Ивана была высока, стройна, полна; длинные волосы густыми косами ниспадали на круглые плечи; круглый подбородок, ямки на щеках, косички, красиво завитые на невысоком лбу — все это представляло личность интересную, веселую и очень милостивую».

Двадцатилетняя Прасковья без дальнейших испытаний наречена была невестой восемнадцатилетнего царя Ивана. Есть сведения, что

она горько рыдала и кричала, что лучше умрет, нежели выйдет за царя Ивана, но вряд ли было именно так: воспитанной в старорусских обычаях боярышне в голову не могло прийти перечить воле родителей и царскому выбору.

9 января 1684 года патриарх Иоаким совершил обряд венчания в соборной церкви. Звон был в большой новый колокол, а с пришествия государя в собор — во все колокола, и не умолкал до молебна. После венчания и свадебного стола именитые гости, проведя царя и царицу в опочивальню, уселись за стол, выжидая час боевой, когда дружка принесет весть, что у царя «доброе совершилось»...

Родня у Прасковьи была обширная: Салтыковы принадлежали к древнейшим и именитейшим фамилиям — происхождение их восходило к XIII веку. Они рано стали играть весьма важные роли на политическом, военном и гражданском поприщах; многие из них были самыми доверенными и приближенными лицами московских государей, начиная с великого князя Василия Ивановича III.

Шесть Салтыковых были боярами и занимали важные должности при дворе царей Ивана и Петра; один из них убит по ошибке стрельцами 15 мая 1682 года, и пятнадцать из членов этой фамилии владели в то время в России большими населенными имениями. Родная сестра царицы Анастасия вышла впоследствии замуж за знаменитого князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодана-

новского, шутить с которым охотников находилось мало.

С выходом замуж жизнь Прасковьи пошла обычной колеей: вместе с державным супругом она выполняла церковные требы, не пропускала ни одной службы, посещала монастыри, делала вклады, участвовала в крестных ходах, раздавала милостыню нищей братии и колодникам. Жила царь и царица в особых теремах в Кремле, выстроенных уже при царице Софии Алексеевне.

Делами царица, подобно боярыням, не занималась — только своим «женским» делом: пересматривала полотна, скатерти и другие вещи, до-

И, разумеется, ждала прибавления семейства. Но беременность все не наступала, несмотря на страстные молитвы обоих супругов.

Прошло почти пять лет брачной жизни, и в конце 1688 года для всего двора сделалось известно, что царица Прасковья, наконец-то, «очреватела». Царь был счастлив, довольна была Софья, негодовали только родные и мать Петра, видевшие в этой беременности следствие интриг и козней правительницы. Ребенок-де появился вовсе не от царя, а невеста от кого.

21 марта 1689 года, через три месяца после свадьбы шестнадцатилетнего Петра, в четверг ночью, ца-

По обычаю священной старины, в царские терема свезли дочерей высшей московской аристократии. Засуетились их родители, закипели страсти придворных честолюбцев. Для брачной жизни медики признавали царя Ивана вполне годным. В толпе юных боярышень взгляд Ивана остановился на круглолицей, полной свежести брюнетке — Прасковье Салтыковой

ставляемые из слобод, работавших на дворец, заведовала рукоделами своих мастериц в светлицах, где производились всякие работы, даже шились куклы царским детям. Нередко и сама царица вышивала золотом и шелками в церкви и монастыре, изготовляла некоторые предметы из платья себе, государю и детям: ожерелья, воротники, сорочки, полотенца.

рица Прасковья разрешилась от бремени — дочерью, крещеной позже Марией. Рано утром благовест Успенского колокола возвестил Москве о приращении царственного семейства, власти съехались, пришел царь — и патриарх отслужил молебен.

С этого времени не проходило почти года, чтоб царица Прасковья не радовала мужа рождением оче-

редной дочери. 4 июня 1690 года родилась другая царевна Федосья, 29 октября 1691 года — Екатерина, 28 января 1693 года — Анна, в следующем, 1694 году, 24 сентября, царица разрешилась последнею дочерью — Прасковьей.

Супруги никогда не играли никакой роли в управлении Россией. За Иваном оставался только один титул — имя его упоминалось во всех государственных актах, он имел свой двор, своих царедворцев, являлся народу в торжественных случаях в полном цар-

его уже не стало: он скоропостижно скончался 29 января 1696 года.

Прасковья осталась вдовой с малютками, но особых печалей и забот ей не выпало. Царь-деверь оказывал невестке почет и уважение, выполнял ее просьбы, для управления хозяйством и для удовлетворения ее нужд отдал в полное распоряжение Василия Алексеевича Юшкова и предоставил выбрать место жительства.

Невестка выбрала село Измайлово. Еще при царе Федоре там был переделан дворец, построены разные служебные и хозяйственные здания и

С выходом замуж жизнь Прасковьи потекла обычной коле-ей: вместе с державным супругом она выполняла церковные требы, не пропускала ни одной службы, посещала монастыри, делала вклады, раздавала милостыню нищей братии и колодникам. Жили царь и царица в особых теремах в Кремле, выстроенных уже при царевне Софии Алексеевне

ском облачении, наконец, участвовал в торжественных приемах послов либо в церковных празднествах, но это и все.

План Софьи — стать регентшей при племяннике провалился за отсутствием такового, сама она оказалась в монастырском заключении, а царь Иван в 1696 году сильно простудился на Крещенских праздниках, но вместо того, чтобы соблюдать постельный режим, через день отстоял долгую панихиду по царице Наталье Кирилловне. Через три дня

по углам двора поставлены четыре каменные башни.

Петр, водворявший порядок в дворцовом хозяйстве, расстроенном при Софье из-за бесцеремонного обращения членов царской семьи с казной, назначил всем им, в том числе и Прасковье Федоровне, оклад содержания деньгами и запасами. Кроме царского оклада, Прасковья получала доходы со своих вотчин, которые находились в разных волостях Новгородского, Псковского и Копорского уездов и на Ставропольской сотне.

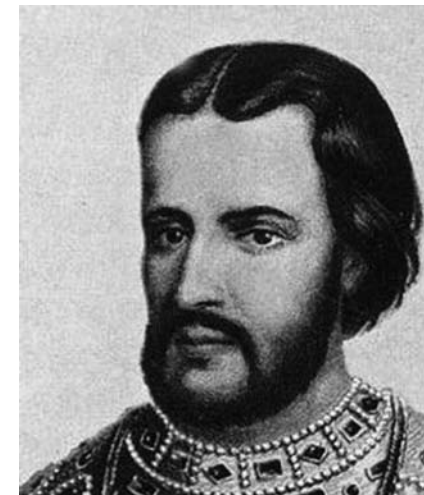

Прасковья Федоровна Салтыкова

Во владении ее находилось 2477 посадских и крестьянских дворов.

Помимо челяди царица окружала себя целой толпой дармоедов: нищие богомольцы и богомолицы, ханжи, гадальщицы, всякие калеки, уроды свободно разгуливали по Измайловскому дворцу в своих грязных изодранных рубищах, выставля напоказ свои увечья, гнусливо тянули песни, плясали, проделывали разные шутки. Только при посещении Петра, не терпевшего этих остатков старины, они прятались в дальние чуланы. Число их было так велико, что Татищев, часто посещавший Прасковью Федоровну, говорил, что «двор царицы от набожности был госпиталь для уродов, юродов, ханжей и шалунов».

Из них наибольшим уважением царицы пользовался полупомешанный

Иван Алексеевич Романов

подьячий Тимофей Архипович, выдававший себя за святого и пророка. Некогда он занимался иконописанием, но потом бросил, стал «юродствовать миру» — и прожил при дворе Прасковьи Федоровны 28 лет.

За царевнами ухаживало множество мамушек и нянек, они гуляли с ними в тенистых садах, посещали хозяйственные заведения, стеклянный завод, славный своими изделиями, молились по церквам, забавлялись на прудах, которых насчитывалось до двадцати. Пускали туда щук и стерлядей с золотыми сережками и сзывали рыбу на корм по колокольчику. Подрастая, они привыкали к шитью и вышиванию шелком и золотом, но рукоделье не далось им; по крайней мере, нет известий, чтоб какая-нибудь из сестер сделалась искусницей в этом деле.

Казни стрельцов и грозная опала, поразившая их в октябре 1698 года, сделали царицу осторожной в отношении к петровским реформам. Не отряхаясь вполне от святой для нее старины, она, в то же время, делала ряд уступок требованиям нового времени, и делала это не по принуждению, а единственно из желания сохранить расположение монарха.

Между тем, подрастали дочери царицы Прасковьи. Первоначальное обучение их, вероятно, было вверено одной из так называемых дворцовых «учительниц» или мастериц, в обязанности которых входило преподавание грамоты малолетним царевнам по «царскому букварю» (специальному роскошному изданию с картинками). Букварь этот перечитывался столько раз, что царевны выучили его наизусть.

В чем вообще состояло их обучение? Изучение русского языка заключалось в чтении и письме. Далее полагалось чтение Библии и Нового завета — уроки, на которых ученицы откровенно дремали. Сообщались также кое-какие сведения из истории и географии — в крайне извращенном и отрывочном виде. Одно несомненно, что они воспитывались в «страхе», так как строгость и розга считались первейшими педагогическими средствами.

Но время диктовало свои правила, поэтому в качестве учителя немецкого языка и гувернера при царевнах оказался заезжий немец Иоганн-Христофор-Дитрих Остерман, без-

дарный, ни к чему не способный — в отличие от младшего брата, занявшего впоследствии едва ли не самый высокий пост в государстве.

«Старший Остерман, — так отзывались люди, близко знавшие его, — был величайший глупец, что не мешало ему, однако, считать себя человеком с большими способностями, вследствие чего он всегда говорил загадками. Жил он очень уединенно и не пользовался уважением».

Но, кроме немца, для полного развития дочерей необходим был француз, и царица позаботилась принять в 1703 году французца Стефана Рамбурха, чтобы он «танцу учил и показывал зачало и основание языка французского». Новый наставник, как видно из собственноручных его писем, знал французский язык довольно плохо, то же было и с танцами. В результате девицы так и не постигли ни французского языка, ни танцевального искусства, что не мешало Рамбурху обучать царевен в течение пяти лет, до 1708 года.

Так что вряд ли они радовали дядюшку своими успехами, но их маменька умела ему угодить в другом: была к нему предупредительна, во многом делала уступки, и Петр снисходительно относился к ее предрассудкам. В его глазах невестка имела уже ту заслугу, что держалась вдали от его крамольных сестер и опостылевшей жены и была близка к его родной и всегда любимой сестре, добродушной и веселой царевне Наталье.

Из угождения государю царица Прасковья решила променять свое привольное Измайлово на неизвестный для нее Петербург. 22 марта 1708 года бесконечные вереницы колываг, повозок и подвод с царицами, царевнами, боярами и боярынями, с громадной прислугой и обозами с вещами потянулись в Петербург. Ехала царица Марфа Матвеевна, вдова царя Федора, сестры Петра: царевны Наталья, Марья и Федосья, князь Федор Юрье-

С царем не больно-то поспоришь...

Прасковье с дочерьми был отведен дом в полную ее собственность, едва ли не ее же людьми выстроенный на Петербургской стороне, близ Петровского домика. Рядом находился деревянный дом князя Меншикова, с виду похожий на церковь, мазанковые дома других знатных лиц русских и иноземцев. Перед окнами дома текла роскошная Нева, покрытая сотнями стругов из Лад-

Прасковья осталась вдовой с тремя малютками, но особых печалей и забот ей не выпало. Царь-деверь оказывал невестке почет и уважение, выполнял все ее просьбы, даже предоставил выбрать по своему усмотрению место жительства

вич Ромодановский, Иван Иванович Бутурлин и множество сановников. Конец путешествия совершен был водою из угождения царю, страстному любителю таких путешествий.

20 апреля 1708 года в Шлиссельбурге бесконечная флотилия была встречена державным хозяином.

«Я приучаю мою семью к воде, — говорил царь Петр Апраксину, — чтоб не боялись впредь моря, и чтоб понравилось им положение Петербурга, окруженного водой. Кто хочет жить со мною, тот должен бывать часто на воде».

ги, Новгорода и других городов с товарами и съестными припасами...

Город и его жалкие окрестности были опустошаемы пожарами, морозною язвою, наконец, голодом, так как за неустойчивостью путей сообщения подвоз провианта был крайне затруднителен, и цены на все стояли непомерные. Волки забегали в дома, скот падал, люди, опухшие от голода и холода, умирали в таком количестве, что в городских домах да в избах окрестных деревень оставалось в живых не более двух-трех душ.

Прасковье нелегко было содержать большую дворню трудно под-

Царевна Катерина Ивановна

возимыми припасами, пожары и наводнения пугали ее, и воспоминание о дорогом Измайлове не раз отравляло «петербургские удовольствия». Тем не менее, должно было покоряться необходимости: царица находилась в прямой зависимости от государя, ей дорога была его милость — и тем дороже, что надо было пристраивать подраставших дочерей.

Судьбу своих царевен Прасковья благоразумно предоставила Петру, а тот распорядился племянницами сообразно с планами своей политики. Желания и нежелания царевен не входили в расчет ни матушки, ни дядюшки: Петр хотя и освободил царевен от тюремного заточения, но настолько, чтоб они не выходили из-под его власти и предоставляли ему распоряжаться их жизнью.

Царевна Анна Ивановна

Первой замуж была выдана средняя сестра — царевна Анна. Ее руки попросил молодой герцог Курляндский Фридрих-Вильгельм, племянник короля Прусского. Герцогто, возможно, предпочел бы более привлекательную внешне Екатерину, но у могущественного дядюшки были на сей счет свои планы. В августе 1710 года жених лично прибыл в Санкт-Петербург.

Государь принял его с необыкновенным радушием: развлекал будущего родственника то фейерверками, то пальбой, то катанием в обществе дам, то просто гулянками, на которых спиртное лилось рекой. Надо сказать, герцог довольно быстро вписался в жизнь русского двора. А уж свадьба стала веским предлогом для нескончаемого ряда

Царевна Прасковья Ивановна

празднеств и на земле, и на воде — сутками напролет.

31 октября 1710 года Анна Иоанновна в белой бархатной робе, с золотыми городками и длинной мантией из красного бархата, подбитой горностаем, с короной на голове обвенчалась с герцогом, тоже пышно обряженным в белый, вытканый золотом, кафтан.

После венчания был пышный пир, затем — бал во вкусе Петра: с трубками, пивом, водкой, штрафными кубками, который прекратился только в третьем часу пополудни, чтобы возобновиться на следующий день.

Брачная жизнь Анны Ивановны продолжалась два месяца. В январе 1711 года она отправилась, наконец, с мужем в Митаву, но 9 чис-

ла, в сорока верстах от Петербурга, молодой герцог скончался. На основании некоторых версий, он умер от... похмелья после непомерного потребления крепких напитков.

Смерть мужа никак не повлияла на судьбу Анны: по приказанию дядюшки она поселилась в Митаве. Из письма Петра Сенату от 16 апреля 1712 года видно, что он думал водворить там все семейство покойного брата.

«Понеже невестка наша, — писал Петр, — царица Прасковья Федоровна с детьми своими в скором времени поедет отселе в Курляндию и будет там жить; а понеже у них людей мало, для того отпустите к ним Михайлу Салтыкова с женою, и чтоб он ехал с Москвы прямо в Ригу, не мешкав».

От этой участи царице Прасковье, женщине очень и очень неглупой, удалось как-то уклониться. Сначала она отговорила необходимостью присутствовать на свадьбе самого Петра с Екатериной Алексеевной, где была посаженной матерью. Потом отпросилась у деверя пожить какое-то время в любезном ее сердцу Измайлове. Поскольку сам Петр в это время преимущественно пребывал в разъездах, затею с переселением царицы Прасковьи Федоровны с дочерьми в Митаву оставили.

Но все равно пришлось со временем вернуться в Санкт-Петербург: встал вопрос о браке старшей дочери и любимицы царицы Прасковьи Екатерины.

Маленькая, преждевременно расплывшаяся до чрезмерности, черноглазая, с черною косою, белолицая — она не была красавицей, зато обращала на себя всеобщее внимание непомерною болтливостью, громким смехом, беззаботностью и особенно способностью говорить все, что только взбредет в ее ветреную голову.

На ассамблеях и всякого рода пиршествах «свет-Катюшка» танцевала гораздо больше, нежели ее болезненные и скучные сестры, вертелась, хохотала, болтала, отвечала на шутки впопад и невпопад.

«Катерина Ивановна, — отмечает

дарю, через нее заискивала перед новой государыней...

Но старшая дочь Прасковьи давно была в летах. Ей минуло 24 года, когда венценосный дядя решился, наконец, пристроить племянницу. За женихами дело не стало. В январе 1716 года явился к Петру посол герцога Мекленбургского. Он явил грамоту, в которой герцог в самых выпенренных выражениях просил руки одной из царевен, царских племянниц. Государь решил выдать царевну Катерину, брак этот входил в его политические планы.

Герцог принял это решение философски:

Помимо всей челяди царица окружала себя целой толпой дармоедов: нищие богомольцы и богомолицы, ханжи, гадальщики, всякие калеки и уроды свободно разгуливали по Измайловскому дворцу в своих грязных изодранных рубищах, гнусливо тянули свои песни, плясали, проделывали разные шутки, и только при посещении Петра прятались в дальние чуланы

в своем дневнике камер-юнкер Берхгольц, — женщина чрезвычайно веселая. Она постоянно говорит все, что только придет ей в голову, и потому зачастую выходят преуморительные вещи».

Катерина была утехой, другом, поверенным всех тайн матери. Царица нередко через нее обращалась со своими просьбами к госу-

«Что делать! Судьба назначила мне эту Катерину; надобно быть довольным; она, по крайней мере, любимица царицы».

«Свет-Катюшка» действительно была отрадой и утешением царицы Прасковьи. Она была старшей ее дочерью и с малых лет пользовалась материнскими ласками и самой теплой привязанностью. Катерина не

была особенно образованна: окруженная немцами-гувернерами, она не выучилась даже свободно говорить по-немецки и впоследствии только понимала этот язык, но изъяснялась на нем неохотно и невнятно. Но, в отличие от угрюмой и замкнутой Анны и вечно хворой, некрасивой и туповатой от рождения Прасковьи, Катерина всегда была весела, общительна и, несмотря на излишнюю полноту, почти хорошенькая.

Между тем, в Санкт-Петербурге был заключен брачный контракт, причем, согласно ему, царевна оставалась православною. На случай своей смерти герцог обязывался закрепить за женою замок Гистров с 25 тысячами ефимков ежегодного содержания. Дядюшка же обязался дать за племянницей два миллиона рублей и отобрать у шведов город Висмар, испокон веков принадлежавший герцогам Мекленбургским.

Жених явился в Данциг 8 марта 1716 года и здесь впервые увидел свою бойкую хохотунью-невесту. Первый день их знакомства закончился торжественной ассамблеей у князя Потоцкого, последующие дни, вплоть до свадьбы, прошли в осмотре достопамятных замков, местностей, церквей, в посещении музеев, вечера — в театрах и ассамблеях.

Свадьбу сыграли через месяц — точно во вкусе Петра Великого: с чрезмерным употреблением яств и напитков, ассамблеями и фейерверками. Молодые весело провели

медовый месяц, затем уехали в свои владения. 27 января 1716 года царица Прасковья проводила свою любимицу в дальнюю дорогу.

Жизнь Екатерины Ивановны в замужестве за герцогом Мекленбургским была очень даже несладкой, тем не менее, первые годы в письмах своих к Петру I и к царице Екатерине она не высказывала никаких жалоб на мужа.

7 декабря 1718 года Екатерина Ивановна родила дочь Анну, впоследствии правительница Анна Карловна, или, как у нас ее называли, Леопольдовна. Никто и представить себе не мог, какую роль эта девочка впоследствии сыграет в российской истории! Зато герцог был крайне недоволен тем, что супруга не родила ему сына и наследника, а отношения между герцогом и герцогиней стали стремительно портиться.

Радостная весть о рождении внучки была в том страшном для России году большим утешением для царицы Прасковьи. Все высшее общество долгие месяцы жило в страхе во время розыска по делу царевича Алексея Петровича. Примечательно, однако, что из огромного числа людей, прямо или косвенно замешанных в деле царевича Алексея и его матери, царица Прасковья Федоровна сумела остаться совершенно в стороне: ее даже не допрашивали.

Между тем, она была много лет знакома и даже переписывалась с казненным по делу царицы Евдокии Лопухиной епископом Досифеем.

Царевич Алексей на допросе, перечисляя своих сторонников, назвал и царицу Прасковью.

«Я ведал, — показал он, — что она ко мне добра гораздо, хотя и без большой конфиденции, чаял же к сему склонну».

Вряд ли кому другому, кроме «любезной невестушки», удалось бы в этом страшном розыске уцелеть при подобном «оговоре». Царица Прасковья отделалась, как говорится, легким испугом: отношение грозного царя к ней не изменилось ни на йоту.

Четыре года после рождения дочери прожила Екатерина Иоанновна под одним кровом с супругом, который обращался с ней отнюдь не как с герцогиней. На предостережения и советы грозного дядюшки-тестя он просто не обращал внимания.

Кроме того, роды неблагоприятно сказались на ее здоровье: первые годы после них она часто болела, и вести об этом сильно тревожили мать.

Царица Прасковья, сама уже тяжело больная, в письмах убеждала дочь посетить ее да хорошенько полечиться, посылала ей, а также герцогу и их дочери, в знак особенной своей любви и привязанности, разные подарки. То были, большей частью, дорогие меха — лисьи, собольи, горностаевы, грецкое мыло, дорогие камни, внучке игрушки и всякого рода гостинцы.

По просьбе царицы сам государь делал иногда подобные подарки,

но, разумеется, чаще доводилось ему одаривать племянницу деньгами, что было для герцогини гораздо важнее.

Наконец, надежды царицы Прасковьи свидеться с дочерью и внучкой начали осуществляться. Еще в январе 1722 года при дворе Петра стали поговаривать о скором приезде в Россию герцога Мекленбургского.

Пришла, наконец, весть, что дорогая гостья собралась в путь — с четырехлетней дочкой, но без мужа. Царица Прасковья, вернувшаяся к тому времени в родное Измайлово, ни капельки не огорчилась отсутствием зятя: любимой дочери и единственной внучки ей было вполне достаточно для того, чтобы возрадоваться, забыть на время о своих болезнях и встать с постели.

Катерина Ивановна приехала в Москву в августе месяца 1722 года, в довольно скучную пору. Государь с императрицей, а также многие из придворных отправились в Астрахань, в персидский поход. «Свет-Катюшка» заняла в Измайлове отведенные ей хоромы подле матушки и окунулась в хорошо знакомую с детства сытную, теплую, уютную, хотя и довольно грязную (в прямом смысле слова) жизнь. Хуже стало, когда пришлось с великим стоном и плачем перебираться обратно в стильный Санкт-Петербург.

Там царице Прасковье приходилось, несмотря на ухудшавшееся здоровье, вести довольно бурную

светскую жизнь. Женщина достаточно умная, она относилась к императору и его затеям с большим тактом. Глубоко религиозная, преданная старинным обычаям и обрядности, она, по первому царскому зову, облакалась в шутовской костюм и выступала со своими фрейлинами в любой потешной процессии, не пропускала ни торжества в правительствующем Сенате, ни публичного маскарада, ни свадьбы, и везде с большим усердием осушала бокалы наравне с остальными.

Так, на празднествах при спуске кораблей, празднествах, особенно любезных монарху, старушка, из

питков. Кто бы ни приезжал в привольное село Измайлово либо в ее дом в Петербурге, кто бы ни являлся к хлебосольной хозяйке, он редко уходил, не осушив нескольких стаканов крепчайшего вина, наливки или водки. Царица Прасковья всегда была так любезна и гостеприимна, что сама подавала заветный напиток, сама же и опорожняла стакан ради доброго гостя.

Даже выезжая куда-нибудь, царица приказывала брать с собой несколько бутылок вина... Впрочем, так же пили все, или почти все аристократки петровского двора, включая, кстати, и дочерей самого Петра, хотя

Чувствуя приближение кончины, Прасковья поручила своих дочерей «Катюшу и больную Парашу» материнскому попечению императрицы, настоятельно просила, чтобы с ней в гроб положили портрет мужа, наконец, потребовала зеркало, долго в него смотрелась, как бы прощаясь сама с собой, и испустила дух

внимания к нему, подъезжала к кораблю на барке, не будучи в состоянии выйти из нее, обыкновенно оттуда поздравляла государя и всех пирующих и там же осушала чарки, любезно посылаемые ей императором.

Кстати, болезни ее развивались не столько от возраста (ей шел шестой десяток лет), сколько от неумеренного употребления крепких на-

старшая все-таки чуралась слишком веселых попок.

В начале мая 1723 года, после возвращения императора из персидского похода, царица Прасковья с дочерьми и внучкой была вынуждена из Измайлова в Санкт-Петербург. Она прибыла туда без особых происшествий, совершив это последнее в своей жизни путешествие водю на судах, прислан-

ных в Новгород по высочайшему повелению.

Лето прошло спокойно и приятно, а еще 24 сентября Прасковья Федоровна была настолько бодрой, что принимала у себя императрицу, цесаревен и большое общество знати. Старушка в последний раз в жизни праздновала один из праздников своего семейства — день рождения царевны Прасковьи Ивановны, которой пошел 30-й год.

С этого времени царице с каждым днем становилось хуже и хуже, с часу на час ждали ее кончины. 8 октября ее навещал государь и пробыл у невестушки более двух часов. Императрица тоже часто проводывала больную, ободряла и утешала ее.

Между прочим, зная, что умирающая всегда была крайне немилостива к средней своей дочери, мало того — почти ее прокляла, Екатерина Алексеевна напомнила о необходимости полного прощения и примирения. Старушка согласилась и 11 октября 1723 года, для успокоения дочери и в угоду государыне-невестке, продиктовала следующее письмо:

«Любезнейшая моя царевна Анна Ивановна! Понеже ныне болезни во мне отчасу умножились, и тако от оных стражду, что уже весьма и жизнь свою отчаяла, того для, сим моим письмом напоминаю вам, чтоб вы молились обо мне Господу Богу, а ежели его, Творца моего, воля придет, что я от сего света отыду, то не

забывайте меня в поминовении. Также слышала я от моей вселюбознейшей невестушки, государыни императрицы Екатерины Алексеевны, что ты в великом сумнении и яко бы под запрещением — или паче рещи, проклятием — от меня пребываешь, и в том ныне не сумневайся; все вам отпускаю и прощаю вас во всем, хотя в чем вы предо мною и погрешили. Впрочем, предав вас в сохранение и милость Божию, остаюся мать ваша ц. Прасковья».

На рассвете 13 октября 1723 года, чувствуя приближение кончины, Прасковья поручила своих дочерей «Катюшку и больную Парашу» материнскому попечению императрицы, настоятельно просила, чтоб с ней в гроб положили портрет ее мужа, наконец потребовала зеркало, долго в него смотрелась, как бы прощаясь сама с собой, и испустила дух.

Императора не было: он еще несколько дней тому назад уехал с небольшой свитой осматривать Ладожский канал. Немедленно дали знать государю и отменили все увеселения. На следующий день двор и весь город облекся в траур.

16 числа государь вернулся в столицу, и начались распоряжения о пышных похоронах. Они были назначены на 22 октября 1723 года. Вдову Иоанна V торжественно похоронили в праздник Казанской иконы Божией Матери в Александро-Невском монастыре Петербурга под полом Благовещенской церкви перед алтарем. За похоронными церемониями сле-

дил сам Петр I, это были первые пышные и торжественные «царские похороны» в новой столице.

Позднее в общем склепе с нею были погребены: дочь Екатерина Иоанновна, скончавшаяся 24 июня 1733 года, и любимая внучка Анна Леопольдовна (погребена 1 марта 1746 года).

Последняя русская царица, незадолго до смерти взошедшая на историческую

сцену и всю жизнь проведшая в тени других «высоких персон», сошла с этой сцены со всей возможной в то время пышностью. Всего семи лет не дожила она до того момента, когда ее нелюбимая дочь Анна надеется на себя корону своих предков.

Впрочем, эти семь лет были так наполнены бурными и кровавыми событиями, что вряд ли стоит об этом сожалеть. □

Историк Государства

Евгения Гордиенко

Чем дальше от нас отстоит та или иная персона, тот или иной исторический персонаж, тем сложнее нам понять, где правда, а где — вымысел, где реальность, а где — приукрашенная историками или потомками действительность. И с каждым десятилетием мы все больше отдаляемся от великих эпох и великих людей, потому что уходят свидетели этих веков и событий, уходят современники, и некому больше поведать правду...

РОССИЙСКОГО

Николай Михайлович Карамзин родился еще в начале екатерининского правления — в 1766 году. Он происходил из далеко не бедной, по меркам того времени, семьи, жившей в городе Симбирске. Отец его был помещиком, дворянином, а фамилия «Карамзин» происходила от татарского князя Кара-Мурзы, бывшего далеким предком Николая Михайловича.

И доходы семьи, и дворянское происхождение позволили мальчику получить хорошее образование. С детских лет он прекрасно говорил на французском, немецком, английском и даже на итальянском языках.

Но родители благоразумно посчитали, что одного домашнего образования для ребенка будет недостаточно, и Николая отправили в Москву — в пансион профессора Шадена. Также ему было предписано посещать лекции в Московском университете.

По окончании своих «штудий» Карамзин должен был, как и многие дворянские сыновья, поступить в Преображенский полк, в который был записан еще ребенком. Поскольку полк стоял в Петербурге, Николаю пришлось сменить старую столицу

время оплачивались не наличными, а... книгами. То есть, некий студент приносил книгопродавцу перевод, а книгопродавец расплачивался с ним любой книгой из своей лавки по выбору (исключая, разумеется, раритеты и слишком уж дорогие издания).

Карамзин происходил из не бедной, по меркам того времени, семьи. Отец его был помещиком, дворянином, а фамилия «Карамзин» происходила от татарского князя Кара-Мурзы, бывшего далеким предком Николая Михайловича

на новую. Но это нисколько не огорчило его, напротив — в большом городе у юноши быстро появилось множество друзей.

К этому же времени относятся и первые заработки Карамзина — он стал переводить, а переводы в то

Юный книголюб был в восторге, оттого что труд его оплачивается, да еще таким приятным образом.

Однако нельзя сказать, что служба доставляла Карамзину такое же удовольствие, как и чтение. Именно поэтому после смерти отца в 1783

году Николай Михайлович в чине поручика вышел в отставку, и более никогда службой не занимался. Он вернулся в родные места и стал жить так, как ему виделось правильным. Это был спокойный и рассеянный образ жизни, ничем особенным, впрочем, не отличавшийся от обыкновенного помещичьего существования.

Но такая жизнь не могла через какое-то время не наскучить деятельной натуре Карамзина. Поворотным моментом для Николая Михайловича стало знакомство с литератором, сподвижником Новикова И.П. Тургеневым. Иван Петрович

ка, таинственность — не привлекали Карамзина, его интересовала только просветительская деятельность «вольных каменщиков». Через некоторое время он без сожаления распрощался с масонами и отправился в заграничное путешествие. Сам Карамзин с юмором вспоминал об этом «расставании»: «Сожалели, но не удерживали, и на прощание дали мне обед. Мы расстались дружелюбно».

Во время путешествия Николай Михайлович побывал во многих странах Европы, в том числе, и во Франции, где как раз безумствовала Великая Французская революция,

вых и решил, что будет издавать журнал, где, помимо «критического рассматривания русских книг, вышедших и тех, которые впредь выйдут», планировал печатать и свои «Письма...», из номера в номер, как роман с продолжением.

Именно в издании, вышедшем под названием «Московский журнал», Карамзин впервые обозначил свой интерес к истории как таковой: «Я люблю остатки древностей, люблю знаки минувших столетий... Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием...»

У карамзинского журнала было порядка трехсот «субсрибентов», то есть подписчиков, что по тем временам считалось весьма солидной цифрой. Издатель строил далеко идущие планы относительно своего журнала: планировал, как увеличить

число читателей, какие «литеры» стоит выписать из Петербурга или из Лейпцига для придания интереса «наружности» издания.

Но этим планам не суждено было сбыться. В 1792 году арестовали бывших соратников Карамзина по масонской ложе — Тургенева и Новикова. Сам он тоже находился под подозрением, поэтому был вынужден закрыть журнал и уехать из Москвы.

Друзья Плещеевы снова предложили ему кров, но теперь уже за городом, в своей усадьбе.

С хозяйкой дома, Настасьей Ивановной, у Карамзина сложилась теплая дружба, никогда, впрочем, не выходившая за рамки приличий. Он посвящал ей свои произведения, скрывая ее за именем «Аглая», при этом всячески подчеркивал, что чувства между ними чисто платонические.

Впрочем, можно предположить, что Николай Михайлович чуть-чуть лукавил, ведь через несколько лет, в 1801 году, он женился... на млад-

В Россию Николай Михайлович вернулся «большим роялистом, чем сам император» и решил, что будет издавать журнал, где, помимо «критического рассматривания русских книг», планировал печатать и свои «Письма...», из номера в номер, как роман с продолжением

«вернул» его в Москву и ввел во многие тайные и явные общества.

К этому периоду относятся и первые литературные опыты Карамзина, из которых исследователи вывели потом целое направление — «сентиментализм». Сам он с иронией относился к тому, что его стиль считали слезливым и сентиментальным, так как на самом деле был гораздо менее слезлив, чем его последователи, писавшие в том же стиле.

Он входил даже в масонский кружок Новикова «Золотой венец», но эта сторона масонства — мисти-

которая произвела на Карамзина гнетущее впечатление. Возможно, еще и потому, что и его семья, когда он был еще маленьким, пережила ужасы пугачевского восстания. Тогда взбунтовавшиеся орды громили помещичьи усадьбы, а семью Карамзиных спрятали от этого кошмара собственные крестьяне... Итогом этой поездки стали «Письма русского путешественника».

В Россию Карамзин вернулся «большим роялистом, чем сам император». Он поселился на Тверской улице в доме своих друзей Плещее-

шей сестре Настасье Ивановны, Елизавете Ивановне Протасовой. Однако счастье их было недолгим: родив через год дочь Софью, Елизавета Ивановна умерла.

Карамзин страдал. Он писал брату: «*Все для меня исчезло, любезный брат, и в предмете остается одна могила. Стану заниматься трудами, сколько смогу: Лизанька того хотела*».

Николай Михайлович был человеком не только слова, но и дела. Решив заниматься трудами, он в 1802 году основал литературно-политический журнал «Вестник Европы». Сразу стало понятно, что именно политика является для главного редактора наиболее интересной в данном журнале. И снова число подписчиков было невероятно большим для того времени — 1200 человек.

Как Карамзин считал самодержавие наиболее правильной формой правления, так и у себя в журнале правил единолично. Читатели и критики, однако, подчеркивали, что «строгий вкус присутствовал при выборе почти каждой статьи» журнала.

Но через некоторое время ему стало...скучно. В возрасте 37 лет он принял важное для себя решение: просить при дворе должности историографа. Поначалу это казалось ему невыполнимым, однако император подписал указ о его назначении, и Николай Михайлович Карамзин стал третьим — и последним — историографом России. После его смерти это звание никому не присваивалось.

По меткому выражению князя Вяземского, Карамзин «постригся в историки».

Перед ним была поставлена задача — написать полную историю России, и он получил доступ ко всем архивам, книжным собраниям, древним рукописям монастырей. По его просьбам поиски велись не только в нашей стране, но и в зарубежных архивах.

Лично им было найдено огромное количество исторических документов: Остромирово Евангелие, Ипатьевская, Троицкая, Волынская летописи, Судебник Ивана Грозного, — и это далеко не все.

Позже Пушкин написал: «*Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом*».

Николай Михайлович понимал, какой нелегкий путь его ждет: по сути, историю Государства Российского действительно надо было открывать. Карамзину же, с его честностью и совестью, привычно было перелопачивать «тонны словесной руды» в поисках одного единственно истинного слова. Он сам вспоминал после обнаружения Волынской летописи, когда ему пришлось много переправить в истории XII и XIII веков: «*Рукопись спасла меня от стыда, но стоила мне шести месяцев работы*».

Он не ждал признания, не старался сделать факты более привлекательными для читателя: «*История не роман, ложь всегда может быть красива, а истина в простом своем одеянии нравится только некото-*

рым умам опытным и зрелым. Если бог даст, то добрые россияне скажут спасибо или мне, или моему праху».

Найдя, наконец, дело по душе, Карамзин устроил и личную жизнь: женился на Екатерине Андреевне Колывановой, побочной дочери князя Вяземского. Он был счастлив, так как нашел не только верную жену, но и друга, готового разделить с ним все тяготы непростых для него времен. Он писал: «*Жизнь мила, когда человек счастлив домашними и умеет работать без скуки*».

В этот период Карамзины жили просто, но не в финансовом плане — как историографу, Карамзину пола-

В возрасте 37 лет Карамзин принял важное для себя решение: просить при дворе должности историографа. Император подписал указ о его назначении, и Николай Михайлович стал третьим — и последним — историографом России. После его смерти это звание больше никому не присваивалось.

галось две тысячи рублей дохода, — а в духовном: много гуляли пешком, ездили верхом, ели немного и всегда в одно и то же время. Карамзин работал, а жена помогала ему переписывать рукописи. За последующие годы в семье родилось 9 детей, что сделало Николая Михайловича и Екатерину Андреевну еще более счастливыми.

В 1811 году Карамзин, по просьбе сестры императора Екатерины

Павловны, составил «Записку о древней и новой России в ее политическом состоянии» и представил ее государю.

Екатерина Павловна надеялась, что с помощью влиятельного историографа ей удастся повлиять на брата, проводящего, как ей казалось, слишком уж либеральные реформы.

Карамзин, который придерживался точки зрения, что самодержавие есть спасение для России,

«Записку» написал в соответствии со своими убеждениями, но государь принял ее довольно холодно.

Во время войны 1812 года Николай Михайлович не покидал Москву до последнего, считая, что в этом состоит его вклад в борьбу с Наполеоном. Но уехать все же пришлось: вручив жене полный вариант «Истории Государства Российского», он отвез второй экземпляр в Архив иностранной коллегии. На вывоз собственной уникальной библиотеки времени уже не осталось.

После войны на семью, одно за другим, стали сыпаться несчастья:

сначала умер сын Андрей, затем — дочь Наталья. Карамзин старался поддерживать жену, но и самого его терзала душевная боль. Превозмогая ее, он все же вернулся к работе.

К 1816 году были написаны и одобрены Александром I к публикации первые 8 томов «Истории Государства Российского». Издали их только через 2 года трехтысячным тиражом. И вновь Карамзин был на волне успеха — 3000 экземпляров разошлись за 25 дней!

Возможно, причина такой популярности заключалась в том, что Карамзин первым из русских авторов стал писать с заботой о читателе. Вместо сложного и непонятного «трехштилевого» литературного языка XVIII столетия появился ясный и легкий язык века XIX-го.

Николай Михайлович по предложению императора продолжил работу над «Историей», переехав в Петербург. Поскольку жить в столице было дорого, ему и его семье был выделен дом в Царском Селе, где они и прожили почти год.

Разумеется, после выхода «Истории» наряду с восторженными отзывами появлялись и едкие высказывания, авторы которых обвиняли Карамзина в преклонении перед самодержавием, в «царедворной подлости».

Ходила даже эпиграмма, авторство которой приписывают Пушкину:

*В его «Истории» изящность,
простота
Доказывают нам без всякого
пристрастья*

*Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

Карамзин сомневался, отдавая в печать IX том, потому что почти весь он был посвящен Ивану Грозному: «В нем ужасы, а цензурою моя совесть». От «общей» цензуры Карамзин, как государственный историограф, был освобожден.

Опасения Николая Михайловича оказались напрасны: девятый том имел огромный успех. Может, дело в том, что читать про ужасы

дворец в день присяги Николаю, смотрел на Сенатскую площадь, не веря своим глазам. «Нелепая трагедия наших безумных Либералистов! Дай Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ними не так много!»

После ночи, проведенной на Сенатской, Карамзин серьезно простудился. Болезнь настолько подорвала его здоровье, что ему было рекомендовано ехать на лечение в Европу. Николай Михайлович согласился, и государь выделил для него козляк, на котором он мог бы от-

Он не ждал признания, не старался делать факты более привлекательными для читателя: «История не роман, ложь всегда может быть красива, а истина в простом своем одеянии нравится только некоторым умам, опытным и зрелым. Если Бог даст, то добрые россияне скажут спасибо или мне, или моему праху»

прошлого нашему народу всего приятней?

В 1824 году, когда вышли X и XI тома, Карамзин получил титул действительного статского советника. Александр I подчеркивал, что награда эта дана Карамзину не как личности, а как историографу. Он никоим образом не хотел обидеть Николая Михайловича: просто знал, как сильно тот не любит награды, и подчеркивал лишь его приверженность делу.

После смерти Александра именно Карамзин по просьбе Николая I написал манифест о его восшествии на престол. И именно он, прибыв во

плоть, а также пансион в размере 50 тысяч рублей в год. Николай Михайлович был тронут высочайшей заботой, но сил отправиться в путешествие у него уже не было. 22 мая 1826 года он скончался.

XII-й том «Истории Государства Российского» был издан уже после смерти автора.

Заслуга Николая Михайловича Карамзина перед страной и потомками неопределима. Он сделал все возможное, чтобы у нас осталось как можно больше знаний и свидетельств — нет, не о его собственной жизни, — а об истории великого Государства Российского. □

Книга

Наталья Романова

*Памяти
Льва Николаевича
Толстого и якут-
ских
стрелков
посвящается*

На самом деле якута звали не Пьером, а Петром Досифеевым, а по-якутски — Бэргэном, что в переводе означает «меткий». Бэргэн не обижался, когда его окликали французским именем. Пьером его называли, конечно же, не за внешнюю схожесть с французом, а из-за того, что он был неразлучен с третьим томом «Войны и мира». Бэргэн очень любил читать. Как только выпадала свободная минута, доставал из полевого мешка свой самый ценный груз, открывал его наугад и принимался читать вслух. Читал он серьезным голосом, но это было так смешно и несуразно, что его однополчане покатывались со смеху.

— Чего смеетесь? Великий вещь! — отрывисто говорил якут и продолжал чтение.

Когда Бэргэн читал от имени Пьера, его голос становился не таким резким, как обычно.

— Хороший человек! Тоже якут, наверное, — закрывая книгу, каждый раз повторял он.

Книгу Бэргэн берег. Если кто-то просил дать ее почитать, он отвечал:

— Потеряешь вдруг, сам тебе почитаю. Садись, слушать будешь. — И, открывая книгу, принимал

важный вид и неспешно читал: — «Пьер оглядывался на первый дым, который он оставил округлым плотным мячиком, и уже на месте его были шары дыма, тянущегося в сторону, и пуф... (с оставкой) пуф-пуф — зарождались еще три, еще четыре, и на каждый, с теми же расстановками, бум... бум-бум-бум — отвечали красивые, твердые, верные звуки. Казалось то, что дымы эти бежали, то, что они стояли, и мимо них бежали леса, поля и блестящие штыки. С левой стороны, по полям и кустам, беспрестанно зарождались эти большие дымы с своими торжественными отголосками, и ближе еще, по низам и лесам, вспыхивали маленькие, не успевавшие округляться дымки ружей и точно так же давали свои маленькие отголоски. Трах-та-та-тах — трещали ружья хотя и часто, но неправильно и бедно в сравнении с орудийными выстрелами. Пьеру захотелось быть там, где были эти дымы, эти блестящие штыки и пушки, это движение, эти звуки. Он оглянулся на Кутузова и на его свиту, чтобы сверить свое впечатление с другими. Все точно так же, как и он, и, как ему казалось, с тем же чувством смотрели вперед, на поле сражения. На всех лицах светилась теперь та скрытая теплота... чувства, которое Пьер замечал вчера, и которое он понял совершенно после своего разговора с князем Андреем.

— Поезжай, голубчик, поезжай, Христос с тобой, — говорил Кутузов, не спуская глаз с поля сражения, генералу, стоявшему подле него».

Солдаты гоготали во весь голос, когда якут произносил «пуф-пуф» и «бум-бум-бум», а тяжеловатый в движениях Бэргэн медленно поднимал руку со сжатым кулаком и грозил им.

— Пьер, говорят, что вы, якуты, совсем не различаете цвета, — произнес вдруг рядовой Уланов.

— Какие? — сощурился якут.

— Синий, голубой, зеленый. У вас даже и названий-то таких нет.

— Что от меня хочешь?

— Ты вправду не видишь, что небо и трава разного цвета? — подивился солдат. — Вы все дальтоники, что ли?

— Плохой слово. Чего дразнишься? Отстань, — насупился якут, — книжку читать не буду.

Было не ясно, то ли он и впрямь не различает эти цвета, то ли обиделся, что обозвали непонятным словом.

— Пьеро, а где ты взял эту книгу? Из юрты привез? — не унимался Уланов и тут же получил увесистый подзатыльник от старшины Ермакова.

Якут молчал.

— Не обращай внимания на дурака, — кивнул в сторону притихшего Уланова Ермаков, — а Толстого мы любим, не меньше твоего.

— Ээ! — встрял рядовой Пятов. — Кто это его, безбожника, любит? Его этой... афеме предали. Против Бога он был. А ты — любим!

— Много ты понимаешь! — закипел Ермаков. — При чем тут религия? Мне хоть десять раз его анафеме предали, а вот «Войну и мир» кто бы так смог написать? Кто? Якута вон даже не оторвать.

— Аи-тоен не любит эту книгу? — часто-часто заморгал ресницами Бэргэн.

— Это еще кто? — не расслышал Пятов.

— Бог! Самый главный! Он землю придумал.

— Не Бог же его анафеме предал, — буркнул Ермаков.

— Значит, Аи-тоен любит книгу? — не успокаивался якут. — Хочет, чтобы я книгу читал?

— Хочет, хочет, — проворчал Ермаков. — А ты, якут, сам-то чего хочешь?

— Я? — заулыбался Бэргэн. — Хочу ничего не делать, пить кумыс, есть кобылье мясо и стать толстым.

— И написать «Войну и мир»! — добавил Пятов под дружный смех однополчан.

— Опять смеются! — покачал головой якут.

— А вот возьмет и напишет! — вступился за Бэргэна Ермаков. — Там была одна война, теперь другая. Кто-то же должен о нас написать.

— Напишут, — горько вздохнул Пятов, — правду бы только писали.

Книгу якут нашел в Новгороде. Город тогда еще не был занят немцами. Теплым августовским вечером рядовой Досифеев бродил по Антониевому монастырю, расположенному на правом берегу Волхова. Когда-то здесь находилась Духовная семинария, а затем в бывших монастырских по-

стройках обосновался учительский институт. В то время здесь было шумно, весело, а сегодня, несмотря на войну, в человека вторгалась тишина. Бэргэн слушал ее сердцем и никак не мог поверить, что музыка тишины, разливавшаяся по его телу, слишком временна. Скоро снова начнется стрельба, грохот, будет опять шумно, но по-другому. Этот шум весельем не называется. А пока только шумит полусвежая листва, ветер взломачивает гривы деревьев и распускает веером страницы лежащих на земле журналов. Якут склонился над журналами и среди них увидел книгу. На бледно-зеленом фоне обложки золотом горели тесненные буквы в синей рамке с вензелями по углам.

— «Лев Николаевич Толстой», — прочитал Бэргэн, — «Война и мир». Ух, как!

«Сейчас вот война, — подумал он, — а здесь, как будто и нет войны, покой. Мир, получается. А на самом деле есть война. Выходит, война и мир».

Досифеев взял книгу. Увесистый томик был чуть больше его ладони. Бэргэн посмотрел на обложку, где под заглавием значился год издания — 1939. «Мало успела в мирное время пожить». Провел ладонью по книге, словно глядя маленького ребенка, и бережно открыл. Текст предворяла картинка со скачущими всадниками. Петр, рассмотрев ее, принялся искать другие рисунки, но в книге их было всего три, только перед частями. Досифеев нашел в конце тома оглавление, ознакомился с ним и, пролистав книгу, открывая ее в разных местах, сунул за пазуху.

С этого дня с книгой Толстого якут не расставался.

— Пьер, когда Толстого прочитаешь, кого будешь следующего читать, Маркса? — подтрунивали над ним.

— Я буду забивать свой священный мозг ерундой? — искренне удивлялся Бэргэн.

Его чтение приходилось и к месту, и не к месту. Иной раз Досифеева гнали, стоило ему лишь открыть том.

— Мы от своей войны устали, — говорил кое-кто из бойцов на привале, — а он нам еще одну подсовывает.

— Так та тоже наша была, наших отцов и дедов, — заступался Петр за книгу.

— Читай, читай, — поддерживало его большинство солдат.

«Один раненый старый солдат с подвязанной рукой, шедший за телегой, взялся за нее здоровой рукой и оглянулся на Пьера.

— Что ж, землячок, тут положат нас, что ль? Али до Москвы? — сказал он.

Пьер так задумался, что не расслышал вопроса. Он смотрел то на кавалерийский, повстречавшийся теперь с поездом раненых полк, то на ту телегу, у которой он стоял, и на которой сидели двое раненых, и лежал один, и ему казалось, что тут, в них, заключается разрешение занимавшего его вопроса. Один из сидевших на телеге солдат был, вероятно, ранен в щеку. Вся голова его была обвязана тряпками, и одна щека раздулась с детскую голову.

Рот и нос у него были на сторону. Этот солдат глядел на собор и крестился. Другой, молодой мальчик, рекрут, белокурый и белый, как бы совершенно без крови в тонком лице, с остановившейся доброй улыбкой смотрел на Пьера; третий лежал ничком, и лица его не было видно. Кавалеристы-песельники проходили над самой телегой.

— Ах, запропала... да ежова голова...

— Да на чужой стороне живучи... — выделывали они плясовую солдатскую песню.

Как бы вторя им, но в другом роде веселья, перебивались в вышине металлические звуки трезвона. И, еще в другом роде веселья, обливали вершину противоположного откоса жаркие лучи солнца. Но под откосом, у телеги с ранеными, подле запыхавшейся лошаденки, у которой стоял Пьер, было сыро, пасмурно и грустно».

А в одном из боев рядовой Досифеев и сам получил ранение. Пуля угодила якуту в живот, его отправили в госпиталь. Пролежал он долго, рана никак не хотела заживать. В госпитале Петр узнал, что его полк расформировали, так как от полка мало что осталось. Уцелели немногие. Погиб старшина Ермаков, погибли рядовые Пятов и Уланов, погибли другие боевые товарищи. В те минуты, когда горечь захлестывала якута, он открывал книгу и сквозь набегавшие слезы, затуманивавшие зор, читал «Войну и мир».

«Та странная мысль, что из числа тех тысяч людей живых, здоровых, молодых и старых, которые с веселым удивлением смотрели на его шля-

пу, было, наверное, двадцать тысяч обреченных на раны и смерть (может быть, те самые, которых он видел), — поразила Пьера.

Они, может быть, умрут завтра, зачем они думают о чем-нибудь другом, кроме смерти? И ему вдруг по какой-то тайной связи мыслей живо представился спуск с Можайской горы, телеги с ранеными, трезвон, косые лучи солнца и песня кавалеристов».

Накануне выписки Бэргэну сообщили, что из Сибири на Северо-Западный фронт направлены несколько бригад, наполовину сформированных из охотников-якутов. Рядовой Досифеев написал командованию просьбу включить его в состав того корпуса, в котором будут выполнять боевые задания земляки. Возвращать якута после ранения было некуда, поэтому его просьбу удовлетворили и направили в 19-ю отдельную лыжную бригаду 12-го гвардейского стрелкового корпуса.

Бригада получилась интернациональной — полторы тысячи русских, шестьсот якутов, двести пятьдесят украинцев, сто татар, семьдесят белорусов и около двухсот человек других национальностей. Тем не менее, это была по существу воинская часть, сформированная в основном из посланцев Якутской республики.

19-я лыжная бригада прибыла на Северо-Западный фронт 15 февраля.

— Сегодня праздник, — весело сказал Петр, обнимаясь с земляками и с наслаждением говоря по-якутски, — Сретенье Господне.

— Что значит Сретенье?

— Встреча. Вот и мы встретились.

— Ты Бога-то с нами не равняй.

— Не равняю. У него своя была встреча, у нас своя.

Рота, к которой был приписан рядовой Досифеев, находилась в подчинении капитана Подпорова

Тимофея Ивановича, человека с дерзким лицом, железным взглядом и негибкой волей. Белокурый статный Подпоров был внешне симпатичен, но глаза чуть навывкате придавали ему не то рыбий, не то жабий вид, и, когда он злился, то смотрел не мигая, выкатывая и без того выпученные глаза. Но, в то же время, в этих глазах сквозила такая решимость и отвага, что взгляд Подпорова заставлял выпрямиться и солдата, и старшего по званию. В редкие мгновения Тимофея Ивановича пронзала беспросветная тоска, а именно тогда, когда он писал письма домой. У него в тылу находилась жена с двойняшками, родившимися накануне войны, в мае. Подпоров был кадровым военным. Его, как и других, мотало по всему Советскому Союзу. Ярославль, Тула, Харьков. За полгода до начала войны он попал в лагерь, и жена родила детей без него. За что его туда определили? А поменьше бы языком молот не при тех. Личная бдительность все же должна присутствовать. А то давай говорить, что война скоро начнется, чутье, видите ли, у него на этот счет. Хорошо еще, не расстреляли за такие речи, за подрыв авторитета армии и все такое. Его выпустили через год после начала войны и дали в командование штрафную роту. Капитан Подпоров доблестно выполнял свой долг пред Родиной и к началу 43-го командовал уже не штрафниками. А дома он так и не побывал и своих почти двухлетних детей ни разу не видел, только на фотографиях. Сына называли в честь Подпорова Тимошей, а дочь, как и жену, — Алечкой.

Подпоров был внутренне раздосадован, что в его роте почти одни якуты. Трудное дело. Нет, против якутов он ничего не имел. Трудность состояла в том, что многие не говорили по-русски, а капитан не говорил по-якутски. И времени не было научиться кумекать на этом языке. Якуты прибыли вчера, а через несколько дней идти на боевое задание. Будут ли они хорошими воинами, не зная языка?.. Утешало то, что хоть кто-то среди них все же понимает русскую речь. Досифеев, например.

Капитан взглянул на Петра. Сидит, читает.словно не на войне, а в библиотеке, подумалось ему.

— Рядовой Досифеев!

Тот вскочил, натянулся, словно тетива в луке.

— Что читаете? Позвольте взглянуть.

Петр протянул ротному книгу.

— Та-ак. «Война и мир». Откуда русский хорошо знаете?

— Учил.

— Сам?

— Сам учил. В школе учил. Мама, отец знают русский. Хороший знание русского языка может привести к возвышению якутского народа, так нам говорят.

— О как! — подивился сознательности якута Подпоров, отдавая книгу.

В своей роте Бэргэна сразу зауважали. Давно на фронте, даже ранение есть. Он был среди бойцов гидом по тропам войны. Рассказывал про боевых друзей, про то, как воевали. Его слушали, словно он пришел в их мир из другого мира — из мира войны. К тому же, Бэргэн в оставшиеся дни пытался хоть немного научить русскому своих соотечественников. И постоянно читал. Вслух.

«24-го было сражение при Шевардинском редуте, 25-го не было пущено ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны, 26-го произошло Бородинское сражение. Для чего и как были даны и приняты сражения при Шевардине и при Бородине? Для чего было дано Бородинское сражение? Ни для французов, ни для русских оно не имело ни малейшего смысла. Результатом ближайшим было и должно было быть — для русских то, что мы приблизились к гибели Москвы (чего мы боялись больше всего в мире), а для французов то, что они приблизились к гибели всей армии (чего они тоже боялись больше всего в мире). Результат этот был тогда же совершенно очевиден, а между тем Наполеон дал, а Кутузов принял это сражение».

Некоторым бойцам выдали снайперские винтовки. Объяснили, как стрелять, и дали всем по три пули. Каково же было удивление, когда все до одной мишени в самые сердцевины поразили именно якуты.

— Так они же охотники, — бурчали те, кто промахнулся.

Якуты отличались от всех своей наблюдательностью.

— Какая им разница кто зверь — фашист или волк, — шутили над ними.

Приближалось 23-е февраля. Командование 27-й армии Северо-Западного фронта готовило к празднику наступление на Старую Руссу. Настро-

ение в ротах было приподнятое. Ждали, когда же начнется это наступление.

— «Что ж мы на зимние квартиры, не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские штыки?» — весьма грамотный якут Семка Яровой готов был хоть сейчас пуститься в бой.

— Не торопи события, поживи еще, — отвечали ему, а мысли всех только и были о наступлении.

— Ждать и догонять — хуже некуда, — вздыхали солдаты.

За эти несколько дней Бэргэн успел со многими сойтись, но больше всех подружился с рядовым Андреем Бусыгиным. Несмотря на то, что якуты приняли православие и носили христианские имена и фамилии, они сохраняли также и свои традиционные имена. Андрея Бусыгина по-якутски звали Эркином, что означает «честный». Эркин был безграмотен. Недавно ему исполнилось восемнадцать, вдвое моложе тридцатилетнего Петра Досифеева. С виду крепкий, но в глазах сидели детская наивность и любопытство, словно не на войну пришел, а поиграться в войну. А вот молодцовая прыть, жажда охоты не сидели в нем, а настоятельно просились наружу.

— Родился бы чуть попозже, — как-то заметил Бэргэн, — дома был. Мы бы и без тебя управились.

— Якут сам решает, когда ему родиться, — хмурил брови Эркин.

— Прыткий ты больно, горячий.

— Холодно, вот и приходится прыгать.

Эркин любил слушать, когда Бэргэн читал ему русскую книгу. Он почти ничего не понимал, но его завораживало само чтение.

— Почему я плохо знаю русский? — расстраивался он.

— Успеешь выучить. Жизнь длинная, а ты только вчера на свет появился.

— Почитай еще, — просил Эркин.

К ним подсаживался Семка Яровой, якут с русыми волосами.

«Как ни тесна и никому не нужна и ни тяжка теперь казалась князю Андрею его жизнь, он так же, как и семь лет тому назад в Аустерлице накануне сражения, чувствовал себя взволнованным и раздраженным».

Приказания на завтрашнее сражение были отданы и получены им. Делать ему было больше нечего. Но мысли самые простые, ясные и потому страшные мысли не оставляли его в покое. Он знал, что завтрашнее сражение должно было быть самое страшное из всех тех, в которых он участвовал, и возможность смерти в первый раз в его жизни, без всякого отношения к житейскому, без соображений о том, как она подействует на других, а только по отношению к нему самому, к его душе, с живостью,

почти с достоверностью, просто и ужасно, представилась ему. И с высоты этого представления все, что прежде мучило и занимало его, вдруг осветилось холодным белым светом, без теней, без перспективы, без различия очертаний. Вся жизнь представилась ему волшебным фонарем, в который он долго смотрел сквозь стекло и при искусственном освещении. Теперь он увидел вдруг, без стекла, при ярком дневном свете, эти дурно намалеванные картины. «Да, да, вот они те волновавшие и восхищавшие и мучившие меня ложные образы, — говорил он себе, перебирая в своем воображении главные картины своего волшебного фонаря жизни, глядя теперь на них при этом холодном белом свете дня — ясной мысли о смерти. — Вот они, эти грубо намалеванные фигуры, которые представлялись чем-то прекрасным и таинственным. Слава, общественное благо, любовь к женщине, самое отечество — как велики казались мне эти картины, какого глубокого смысла казались они исполненными! И все это так просто, бледно и грубо при холодном белом свете того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня». Три главные горя его жизни в особенности останавливали его внимание. Его любовь к женщине, смерть его отца и французское нашествие, захватившее половину России. «Любовь!.. Эта девочка, мне казавшаяся преисполненною таинственных сил. Как же я любил ее! я делал поэтические планы о любви, о счастья с нею. О, милый мальчик! — со злостью вслух проговорил он. — Как же! я верил в какую-то идеальную любовь, которая должна была мне сохранить ее верность за целый год моего отсутствия! Как нежный голубок басни, она должна была зачахнуть в разлуке со мной. А все это гораздо проще... Все это ужасно просто, гадко!

Отец тоже строил в Лысых Горах и думал, что это его место, его земля, его воздух, его мужики; а пришел Наполеон и, не зная об его существовании, как щепку с дороги, столкнул его, и развалились его Лысые Горы и вся его жизнь. А княжна Марья говорит, что это испытание, посланное свыше. Для чего же испытание, когда его уже нет, и не будет? никогда больше не будет! Его нет! Так кому же это испытание? Отечество, гибель Москвы! А завтра меня убьет — и не француз даже, а свой, как вчера разрядил солдат ружье около моего уха, и придут французы, возьмут меня за ноги и за голову и швырнут в яму, чтоб я не вонял им под носом, и сложатся новые условия жизни, которые будут также привычны для других, и я не буду знать про них, и меня не будет».

Он поглядел на полосу берез с их неподвижной желтизной, зеленью и белой корой, блестящих на солнце. «Умереть, чтобы меня убили завтра, чтобы меня не было... чтобы все это было, а меня бы не было». Он живо представил себе отсутствие себя в этой жизни. И эти березы с их светом и тенью, и эти курчавые облака, и этот дым костров — все вокруг преобразилось для него и показалось чем-то страшным и угрожающим. Мороз пробежал по его спине. Быстро встав, он вышел из сарая и стал ходить».

— Про что написано? О чем читаешь? — перебил Бусыгин.

— О чем, о чем. О нас. Не слышишь, что ли? — ответил Семка.

Иногда Андрей просил книгу у Петра, но тот хмурился и не давал.

— Поддержать только, — не отставал Андрей.

Конечно же, он ее открывал и с умным видом пытался прочитать хотя бы строчку.

— Книгу не так держишь! Переверни, — усмехался Досифеев, — грамотей!

Февраль славился своими метелями. Без устали сутки напролет стонала над окрестностью вьюга. А этой ночью она так нестерпимо выла, словно собака перед покойником, да не перед одним... Поэтому Подпоров долго не мог уснуть, а когда уснул, ему приснилось, будто он дома, а дочь и сын зовут его не папой, а дядей, и с таким зазнайством к нему относятся. Тимофей Иванович проснулся с бешено колотящимся сердцем и подумал: «Доведется ли увидеть детишек-то?» Потом закурил и сел писать письмо жене.

«Здравствуй, родная жена. Шлю горячий красноармейский привет и нежно целую тебя и наших деток. Как вы там? Только что видел сон про них. Не желали знаться со мной. Горюю, что ни разу их не видел, но думаю о них часто. Ничего, выгоним фашистов с нашей земли, я вернусь с фрон-

та, и будем жить все вместе весело и счастливо. Но пока вы так от меня далеко.... а до смерти четыре шага».

Он преувеличил. До смерти ему оставалось тридцать километров.

На следующий день метель стихла. А в ночь на двадцать третье февраля 1943 года бойцы нескольких отдельных лыжных бригад, в том числе и 19-й, костяк которой составляли призывники из Якутии, вышли на задание. Перед ними была поставлена боевая задача: форсировать озеро Ильмень и овладеть его южным побережьем. Пользуясь внезапностью удара, лыжный десант должен был взять под контроль дорогу Старая Русса-Шимск, перерезать коммуникации, ведущие на Шимск, и тем самым обеспечить успех главной группировке 27-й армии, которая готовила наступление на Старую Руссу с севера и юго-запада. Идти предстояло тридцать километров по льду Ильменского озера от острова Маяк Железный до берега. В полночь бригады прибыли к Железному Маяку, который являлся пунктом сосредоточения.

— Средняя полоса России и маяк. Странно как-то, — недоверчиво разглядывал высокую конструкцию Семка Яровой.

— Не смотри, что лед кругом. Маяк-то на острове стоит, — ответил Подпоров.

— Понятно, — протянул якут, — чтоб корабли об остров не бились.

— С Богом, — тихо произнес Досифеев, выкатываясь на Ильменский лед.

Лыжники шли в белых маскировочных халатах, которые надежно укрывали их в крошечной тьме. Советские бойцы несли на себе автоматы, артиллерийские орудия и снаряды.

— Мы привыкли к снегу. Выросли на лыжах, — храбрились якуты, двигаясь по замершему озеру.

— Большой этот Ильмень, — подивился кто-то.

— Длина сорок пять километров, ширина тридцать пять, глубина десять, — отчеканил молоденький боец по фамилии Бояров.

— Почему знаешь?

— Я с этих мест.

— Хорошая будет могила, просторная, — сказал кто-то в темноте.

— Отставить упаднические настроения! — грозно скомандовал капитан Подпоров.

— Лед-то тонкий, однако, — заметил рядовой Бусыгин, но его слова ротному не перевели.

С той минуты бойцы молча разрезали темноту. Так получилось, что 19-я отделилась от остальных частей корпуса. Бездорожье, глухая ночь, ориентир только по компасу....

К пяти утра был замечен высокий берег.

— Это Ильменский глинт, — сказал Бояров.

— Какая же это глина? — удивился Петр Досифеев.

— Обрыв значит.

— Гэта па якому? — спросил Смолич, белорус с пышными усами.

— Чего-о? — не понял Бояров.

— По-каковски это, тебя спрашивают, — вступил в разговор ефрейтор Бабич.

— По-датски.

Однако Бабичу послышалось «по-бабски», и он страшно удивился.

Идти до глинта предстояло километра три. На высоком берегу стояли несколько деревень, занятых немцами. Из них ближе всех — деревня Ретле. Первыми дойдя до берега, второй батальон и часть третьего бросились на деревню. После короткого боя, немцы, ошеломленные внезапностью, отступили.

В том коротком бою погиб Семка Яровой, гранатой взорвав дзот фашистов. Своей гибелью якут расчистил дорогу наступавшей роте.

Первый батальон и большая часть третьего пытались атаковать деревни Устрека и Заднее поле. Эти населенные пункты, занятые противником, представляли собой отдельные опорные укрепления с целым рядом дзотов и хорошими наблюдательными пунктами.

Бойцы не успели захватить деревни до рассвета. Враг оказал жесточайшее сопротивление. Фактор внезапности нападения был упущен.... Противник прижал наших массированным артиллерийским огнем ко льду. Немцы удобно расположились на высоком берегу Ильменя, и бойцы на открытом ледяном пространстве были у них, как на ладони. Одновременно шла бомбежка с воздуха.

Бойцы же 2-го батальона и части 3-го, развивая наступление из деревни Ретле, отбили у немцев деревни Горка и Конечек. Воины дрались с беспримерной отвагой, вступая в рукопашные схватки с противником. Никто и ничто не могло остановить их.

Подвиг якута Ярового повторил белорус Смолич, бросившись с гранатой на дзот.

Завладев Горкой и Конечком, бойцы кинулись нашим на подмогу, предприняв атаку с фланга на немецкие позиции в деревне Устрэка. Однако эта попытка была сорвана немецкой контратакой.

Во второй половине дня немцы, подтянув резервы, и теперь значительно превосходя наших в численности, предприняли новую атаку. При поддержке авиации в бой вступили артиллерия и минометы. Немцам удалось занять освобожденные деревни и оттеснить советских бойцов к озеру. Остатки 2-го и 3-го батальонов, истратившие боеприпасы, оказались прижаты к берегу.

Немецкие самолеты бомбили наших. Одновременно в небе кружили по двадцать пять — тридцать бомбардировщиков. Было сброшено свыше десяти тысяч авиабомб. Белая территория превращалась в кровавую равнину.

Людям негде было укрыться на голом льду. Погибали и от пуль, и от осколков, и под ломающимся льдом тонули в водах Ильмена. Был убит ротный Подпоров, мечта которого увидеть своих детей так и осталось мечтой. Погиб на своей малой родине молодой, неженатый Бояров. Бабича поглотили воды озера, и могилой ему стало ильменское дно. Потери оказались огромные, но советские воины держались стойко.

Боец 2-го батальона рядовой Петр Досифеев умирал на «огненном» льду. К нему,

уклоняясь от пуль, подобрался Андрей Бусыгин. Белый маскировочный халат Петра на животе был окрашен в кровавый цвет.

— Все в живот мне пули норовят, — с трудом проговорил якут, — русские говорят, не жалеть живота своего. Правильно говорят. — И отрывисто добавил: — Я умираю.

— Бэргэн, живи, живи, Бэргэн! — Бусыгин, видя столько смертей за сегодняшний день, не допускал мысли, что Досифеев может умереть.

— Послушай меня. Не перебивай. Навести моих, — умирающий якут назвал место, — скажи, где погиб. — Силы покидали его, он еле выговаривал слова. — Подними.

Бусыгин выполнил просьбу, и Бэргэн, застонав от боли, прошептал:

— На спине у меня под халатом книга. Достань.

Кругом свистели пули, рвались снаряды, и Бусыгин не расслышал его.

— Книга. Достань. На спине.

Бусыгин медлил.

— Ну!

Андрей вспорол Петру ножом маскхалат на спине и вынул книгу.

— «Война и мир». Тебе, Эркин. Читай. А теперь уходи!

Эркин начал отползать.

— Эркин! — вдруг громко позвал Бусыгина умирающий якут. — Непотухающего огня тебе. — Это были последние слова рядового Петра Досифеева.

Нет, Петр Досифеев перед смертью не пожелал рядовому Андрею Бусыгину долгой войны. Бэргэн завещал Эркину другое. Ведь пожелать тажежному человеку непотухающего огня — значит, пожелать долго жить.

Бой шел целый день, к вечеру лед оказался усыпан павшими. В ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое февраля остатки войск отошли к Железному Маяку. А двадцать пятого перед уцелевшими бойцами была поставлена новая задача — овладеть деревней Взвяд Старорусского района. Эта деревня казалась крепким орешком, до зубов вооруженные гитлеровцы укрепили ее — водная преграда, широкие минные поля, проводочные заграждения с током делали место неприступным. Однако бойцы 19-й отдельной лыжной бригады овладели сначала соседними деревнями, а затем, окружив с юго-запада Взвяд, заняли и его. Но какой ценой! Бригада понесла невосполнимые потери. Старая Русса еще год оставалась в лапах фашистов и была освобождена только в феврале 1944-го. В том памятном бою при взятии деревни Взвяд особо отличился рядовой Андрей Бусыгин, уложив дюжину фашистов.

— Разбудили в парне зверя, — говорили о нем солдаты.

Эркин мстил за Бэргэна, за якутов, за всех тех, кому никогда уже не суждено прийти в свой дом и обнять родных.

Через две недели остатки бригады расформировали. Андрей Бусыгин вместе с горсткой оставшихся бойцов влился в 150-ю стрелковую дивизию. Дивизия дошла до Берлина. Ей выпала честь штурмовать рейхстаг.

Бусыгин был хорошим солдатом. Выносливым и храбрым. К концу войны он выучил русский язык. Не так чтобы уж совсем хорошо, но все же объясняться мог, а кроме того, понемногу овладевал грамотой. С ним все время была книга. Та самая, которую перед смертью ему отдал Досифеев. Поначалу, когда Эркин лишь мечтал о том, как прочтет первую страницу, он просил почитать боевых товарищей. На удивление, никто не отказывал. Солдаты садились кружком и слушали, о чем поведывал им Лев Николаевич Толстой из прошлого века.

«Сражение выиграет тот, кто твердо решил его выиграть. Отчего мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение, — и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться: поскорее хотелось уйти с поля сражения. «Проиграли — ну, так бежать!» — мы и побежали. Ежели бы до вечера мы не говорили этого, бог знает, что бы было. А завтра мы этого не скажем. Ты говоришь: наша позиция, левый фланг слаб, правый фланг растянут, — продолжал он, — все это вздор, ничего этого нет. А что нам предстоит завтра? Сто миллионов самых разнообразных случайностей, которые будут решаться мгновенно тем, что побежали или побегут они или

наши, что убьют того, убьют другого; а то, что делается теперь, — все это забава. Дело в том, что те, с кем ты ездил по позиции, не только не содействуют общему ходу дел, но мешают ему. Они заняты только своими маленькими интересами.

— В такую минуту? — укоризненно сказал Пьер.

— В такую минуту, — повторил князь Андрей, — для них это только такая минута, в которую можно подкопаться под врага и получить лишний крестик или ленточку. Для меня на завтра вот что: стотысячное русское и стотысячное французское войско сошлись драться, и факт в том, что эти двести тысяч дерутся, и кто будет злей драться и себя меньше жалеть, тот победит. И хочешь, я тебе скажу, что, что бы там ни было, что бы ни путали там вверху, мы выиграем сражение завтра. Завтра, что бы там ни было, мы выиграем сражение!»

Несмотря на войну, книга выглядела образцово. Только на обложке в слове «война» осыпалась позолота, и теперь это тяжелое слово не переливалось в лучах солнца. Его буквы мрачного болотного цвета выглядели блеклыми и состарившимися.

Эркин помнил ту минуту, когда смог прочитать первый абзац книги «Война и мир»: «С конца 1811-го года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы, и в 1812 году силы эти — миллионы людей (считая тех, которые перевозили и кормили армию) двинулись с Запада на Восток, к границам России, к которым точно так же с 1811-го года стягивались силы России. 12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг, против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления».

Домой Эркин пришел в орденах и медалях. Все награды достались потом и кровью, но дороже всех старшине Бусыгину была самая первая — «За отвагу!», полученная в Ледовом побоище на Ильменских просторах.

Первым делом он навестил родственников Петра Досифеева. Они знали о том, что Бэргэн погиб — на имя матери пришла похоронка: «Здравствуйте неизвестная Мария Никитична. Сообщаем вам, что ваш сын Петр Васильевич погиб на озере Ильмень в сражении с немецкими оккупантами 23 февраля 1943 года. Он упорно сражался за освобождение оккупированного района с фашистскими гадинами, немецкими изуверами, кото-

рые напали на нашу страну». Далее сообщалось, где похоронен рядовой Досифеев. Эркин рассказал матери и жене Бэргэна, о том, как доблестно сражался сын якутского народа, о его последних минутах. Обе женщины, внимательно слушая, сначала сидели с каменными лицами, а потом в голос разрыдались. У Бэргэна осталось четверо детей — два сына и две дочери. Старший сын сам уже три дня назад стал отцом, и назвал своего сына Петром. Петром Досифеевым. Традиционное якутское имя мальчику дали тоже в честь деда — Бэргэн.

Эркин же после войны настолько хорошо овладел русской речью, что даже стал учителем русского языка, преподавая его детям в школе. Наверное, первым шагом к этой профессии стала печать на титульной странице книги, которая была с ним повсюду. На штампе значилось: «Библиотека Новгородского Государственного учительского института».

Прошло много лет. В честь якутских стрелков на новгородской земле поставили несколько памятников. На открытии одного из них были сказаны такие слова:

— Нам просто необходимо помнить об этом подвиге, о совершивших его людях, чтобы любить нашу страну, учить любить ее наших детей и внуков из поколения в поколение, чтобы сохранить дружбу между народами страны, которые отстаивали нашу общую свободу и счастье.

Каждый год проводится «Лыжный десант» в честь битвы на озере Ильмень. Традиционно в День защитника Родины лыжники бегут по тем местам, по которым пришлось пройти бойцам отдельных лыжных бригад 12-го

гвардейского стрелкового полка 27-ой армии Северо-Западного фронта. В прошлом году приезжал поклониться праху своего деда и всем сложившим головы в той страшной ледяной битве Петр Досифеев. Приехал он не один. С ним была вечная спутница сначала его деда, а потом и его боевого товарища Андрея Бусыгина — великая книга великого писателя великого народа. «Война и мир» возвращалась туда, откуда в августе 41-го ушла на фронт, и, пройдя всю войну, победила. В книгу было вложено письмо, написанное крупным школьным почерком.

«Дорогие будущие учителя, пишет вам ваш коллега — преподаватель русского языка и литературы Бусыгин Андрей Викторович, якут по национальности. Когда вы будете держать эту книгу в руках, возможно, меня уже не будет на белом свете, ибо болен и явно слышу зов предков. Перед уходом в мир иной возвращаю вам книгу Льва Николаевича Толстого «Война и мир», самую лучшую книгу в мире. Долгие годы она шагала со мной бок о бок. Прочитав много раз том от корки до корки, я в течение жизни открывал его наугад и читал, читал, читал. Когда я был на 33-ей странице, еще на войне, внезапно началась бомбежка, когда перечитывал во второй раз — объявили о полете Гагарина в космос, а в третий — открылся Храм Христа Спасителя. Эту книгу читали на ступенях рейхстага и в якутской уресе, на привале между боями и в школьном классе. Вот и сейчас, в последний раз, открою «Войну и мир» и прочту знакомые строки. Эту книгу вам доставит внук доблестно сражавшегося и погибшего на Ильменском озере якута Петра Досифеева — Петр Досифеев. В 1941 году рядовой Досифеев нашел ее на новгородской земле, и до самой его гибели в феврале 1943 она была с ним. Отдавая перед смертью мне книгу, он под огнем пуль пожелал незатухающего огня, значит, пожелал долгой жизни. А теперь настала моя очередь пожелать незатухающего огня вам и могучему творению Льва Николаевича Толстого». □

Тридцатого ноября 2000 года в России произошло неслыханное доселе событие: Русской Православной Церковью на ее архиерейском Соборе был канонизирован адмирал Федор Федорович Ушаков. А день 10 октября 2004 года стал поистине историческим для Военно-морского флота России. Решением Комиссии по канонизации выдающийся флотоводец Федор Федорович Ушаков причислен к лику местночтимых святых Саранской епархии.

Пожалуй, впервые в российской истории и истории Русской Православной Церкви рассматривался вопрос о канонизации воина-моряка. По этому поводу

СВЯТОЙ

ФЛОТОВОДЕЦ

Денис Логинов

было много сомнений и у мирян, и у священнослужителей. Федор Ушаков всегда воспринимался россиянами, в том числе, и служителями церкви, как знаменитый флотоводец, и не более, поэтому закономерно возникал вопрос: а в чем же его святость?

Ответ на него дает простая и прекрасная жизнь моряка Федора Ушакова.

Отпрыск небогатой дворянской семьи из Ярославской губернии, Федор Ушаков в шестнадцатилетнем возрасте отправился в Санкт-Петербург, где без всякой протекции поступил в Морской Шляхетский кадетский корпус. И само решение подростка, и его зачисление в привилегированное учебное заведение

было полной неожиданностью для родни: о карьере моряка для Федора никто даже и не задумывался. Но человек предполагает...

В возрасте двадцати одного года, выйдя из Корпуса мичманом, Ушаков начал свою впоследствии легендарную одиссею практически на всех морях и реках, где Россия име-

ла военный флот или свои государственные интересы. Служил «не за страх, а за совесть» и на Балтийском флоте, и в Азовской флотилии, а, будучи уже лейтенантом, воевал в первой русско-турецкой войне.

В 1775 году в чине капитан-лейтенанта Федор Ушаков вновь был переведен в Санкт-Петербургскую корабельную команду, а на следующий год командовал фрегатом «Св. Павел» в Средиземном море. Командовал, судя по всему, успешно, ибо спустя три года был назначен коман-

нейного корабля «Виктор» совместно с другими кораблями охранял в Средиземном море русские торговые суда от пиратских действий английского флота, что было вовсе не безопасным делом.

С 1783 года капитан второго ранга Федор Ушаков был переведен на должность командира 66-пушечного новостроящегося линейного корабля «Св. Павел» Черноморского флота, а попутно наблюдал за постройкой кораблей в Херсоне и участвовал в строительстве главной базы в Сева-

Шестнадцатилетнем возрасте Федор Ушаков поступил в Морской кадетский корпус. Решение подростка было полной неожиданностью для родни: о карьере моряка для Федора никто даже не задумывался. Но человек предполагает...

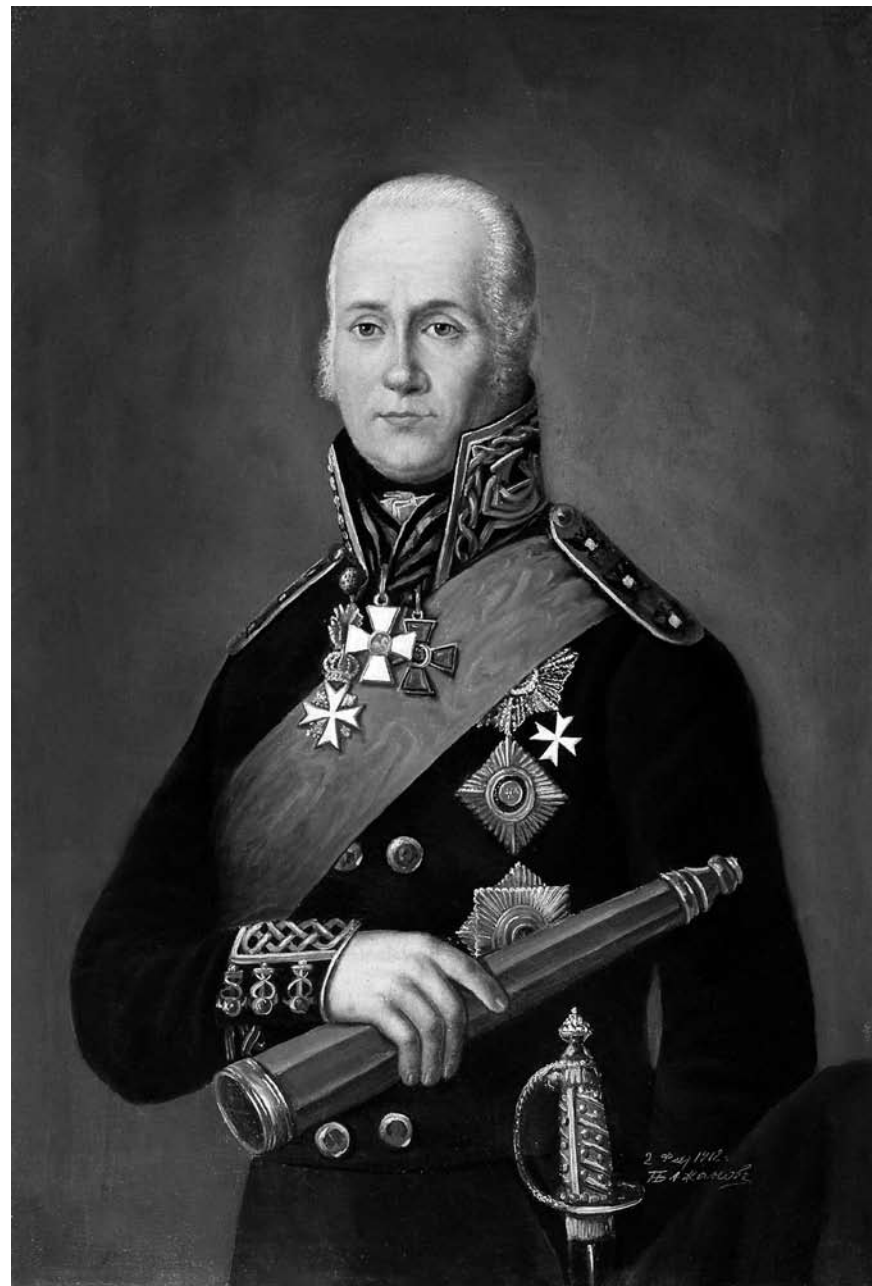
диром 66-пушечного линейного корабля «Георгий Победоносец», а еще через год — командиром императорских яхт.

Любой другой на его месте посчитал бы такую карьеру сверхъудачной и провел остаток жизни при высочайших особах, руководя их прогулками «по морям по волнам». Но Федору Федоровичу такое сладкое житие отчего-то не глянулось. От придворной карьеры он, ко всеобщему изумлению, отказался, предпочтя ей действительную военно-морскую службу. С 1780 по 1782 годы он в качестве командира 66-пушечного ли-

стополе, без которого полное и окончательное присоединение Крыма к России было просто невозможным.

После формального присоединения Крыма к России Екатериной II был издан указ об укреплении южных рубежей и постройке там новых укреплений, среди которых необходимо было построить и «крепость большую Севастополь, где ныне Ахтияр, и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение».

В Ахтиарской бухте под руководством контр-адмирала Ф.Ф. Мекензи (того самого, в честь которого на-

званы Микензиевые горы под Севастополем) началось строительство новой базы для Черноморского флота, где с нетерпением ждали прихода новых кораблей из Херсона. В августе 1785 года в Севастополь прибыл капитан первого ранга Ушаков.

К приведению в порядок кораблей Черноморского флота и их основной базы — Севастополя: ремонту, постройке новых кораблей, пристаней, казарм для экипажей кораблей, госпиталя, он приступил практически немедленно после завершения войны с Турцией. Административные способности Ушакова и умение взяться за всякое дело способствовали тому, что за 15 лет его пребывания в Севастополе не только новый черноморский порт сделался надежным убежищем для флота, но и сам город достиг внушительных размеров и принял тот вид, который практически сохраняет по сей день, несмотря на все выпавшие на его долю нелегкие испытания.

В сентябре 1793 года Федор Ушаков был произведен в вице-адмиралы.

Но, как известно, у каждой медали есть две стороны. Присоединение к России Крыма, переход под ее покровительство Восточной Грузии и появление на Черном море русского военного флота, естественно, обострили русско-турецкие отношения. Турция, стремясь вернуть Крым и расширить свои владения за счет Украины, готовилась к войне с Россией. Россия, в свою очередь, стре-

милась обеспечить свободное плавание русского флота на Черном море и укрепить свои позиции на Кавказе.

Не лучше обстояли дела и на севере. Англия и Пруссия оказывали неприятелям России дипломатическую и материальную поддержку, подстрекали Турцию и Швецию к войне с Россией. Англия рассчитывала, что война с Турцией и Швецией ослабит ее на Черном и Балтийском морях. Пруссия надеялась отвлечь Россию от польских дел, чтобы захватить новые земли в Польше. Польша придерживалась в отношении к России враждебного нейтралитета. Франция, не желавшая усиления России на Черном море, тайно помогала Турции готовиться к войне. В союзе с Россией была одна Австрия, и то потому, что рассчитывала с ее помощью расширить свои владения на Балканах.

Но главным «яблоком раздора» был, разумеется, Крым, с потерей которого турки никак не могли смириться. В начале августа 1787 года Турция предъявила России ультиматум с требованием возвратить Крым, признать Грузию вассальным владением султана и согласиться на установление турецкого контроля над русскими судами при проходе их через проливы.

Екатерина II ультиматум отвергла, и 24 августа 1787 года Турция объявила России войну — вторую за текущие полвека. Оборона Крыма возлагалась на Крымский корпус и

Черноморский флот. Чтобы отвлечь силы противника с главного театра войны, предусматривалось направить в Средиземное море балтийскую эскадру под командованием адмирала С.К. Грейга. Эскадра должна была нанести удар по Константинополю, но, увы, осуществлению этого плана помешали враждебные действия Швеции на Балтийском море.

Черноморский флот состоял из 5 линейных кораблей, 19 фрегатов, бомбардирского корабля и 12 вспомогательных судов. На верфях Херсона и Таганрога строилось 8 линейных кораблей. Главные силы флота

качеством. Турецкие корабли строились на французских верфях, их подводные части были обшиты медью, на вооружении имелись медные пушки.

В начале второй русско-турецкой войны Федор Ушаков был командиром линейного корабля «Св. Павел». Он принадлежал к той когорте «екатеринских орлов», на долю которых выпала задача завоевать для России берега и воды древнего Черного моря. Избранный проницательным князем Г. Потемкиным-Таврическим командующим Черноморским флотом, Ушаков трижды в течение 1790 и 1791 гг. одержал блестящие победы над вдвое

Любой другой на месте Ушакова посчитал бы свою карьеру сверх удачной и провел остаток жизни при высочайших особах, руководя их прогулками «по морям, по волнам». Но Федору Федоровичу такое сладкое житье отчего-то не глянулось, к всеобщему удивлению, он отказался от придворной карьеры, предпочтя ей действительную военно-морскую службу

под командованием контр-адмирала М.И. Войновича с 1784 г. базировались в Севастополе, остальные корабли — в Херсоне и Таганроге.

Турецкий флот насчитывал 29 линейных кораблей, 32 фрегата, 32 корвета, 6 бомбардирских кораблей и значительное число вспомогательных судов. Для действий на Черном море были выделены 19 линейных кораблей, 16 фрегатов и 5 бомбардирских кораблей, которые превосходили русских не только количеством, но и их

превосходящим турецким флотом, имея в сто раз меньшие потери в личном составе, и полностью изгнал его из пределов Черного моря.

Придавая большое значение морской и огневой выучке личного состава, он был сторонником суворовских принципов воспитания подчиненных. Не потеряв в морских сражениях ни одного судна, Ушаков нанес турецкому флоту невосполнимый урон более чем в 50 судов, отвоевав для России Черноморский регион.

Турки были напуганы победами Ушакова до такой степени, что их флот, господствовавший на Черном море многие века, не решался выйти из Босфорского пролива, боясь встретиться с грозным для них адмиралом. После победы у Калиакрии турецкому султану доложили:

— Великий! Твоего флота больше нет.

Султан был настолько ошеломлен известием о сокрушительном поражении, что немедленно поспешил заключить мир с Россией. Ясский мирный договор 9 января 1792 г. подтвердил все предшествовавшие

русско-турецкие соглашения, в том числе и акт о присоединении Крыма и Кубани к России. К России также отошли земли между Бугом и Днестром с крепостью Очаков. Русско-турецкая граница устанавливалась по Днестру на юго-западе и по реке Кубани на Кавказе.

Турция отказалась от притязаний на Грузию и обязалась оградить кубанскую границу России от набегов северокавказских горцев, подтвердила автономию Молдавии и Валахии под покровительством России. Ясский мирный договор укрепил положение России на Черном море, обеспечил безопасность ее южных границ и свободу русской черноморской торговли.

Таким образом, победы Федора Ушакова в морских сражениях окончательно закрепили за Россией Крым и владение берегами Черного моря. За эти победы адмирал был награжден орденами: Святого Владимира 3 степени, Святого Георгия 4-го класса, Святого Владимира 2-ой степени, Святого Георгия 2-го класса, Святого Александра Невского.

Не менее успешно, чем с турками, Федор Ушаков боролся и с другими бедами, поражавшими русских. В 1783 году, в самый разгар подготовки флота на Черном море, в Херсоне вспыхнула эпидемия чумы. Не теряя хладнокровия, он распорядился принять для борьбы с нею самые сильные меры, в том числе, и те, которые были официально признаны наукой лишь десятилетия спустя. Впору бы-

ло поверить, что адмиралу действительно покровительствовали высшие силы — и не на земле.

На земле-то как раз сильных покровителей у ставшего в апреле 1789 года контр-адмиралом Ушакова было не очень много (если вообще были). В ноябре 1796 года скончалась Екатерина II. В период своего царствования она добилась того, что Россия возвратила себе статус одной из ведущих морских держав. С помощью флота Екатерина II чуть не уничтожила Турцию, овладела Крымом. К концу ее царствования Россия готовилась к войне с Францией. Но без Ушакова на море, как без Суворова на суше, все эти действия вряд ли были бы столь успешны.

Приготовления же к войне с Францией были прямым следствием победы там буржуазной революции в 1789–1794 годах. Молодая французская республика почти тотчас же присоединила к своим владениям территории по левому берегу Рейна и важнейшие стратегические пункты на Средиземном море — Ионические острова, укрепленные города на побережье Эпира и ряд других территорий.

В России начала формироваться 50-тысячная армия под руководством фельдмаршала А.В. Суворова, которую планировалось направить в Европу. На Балтике готовилась эскадра кораблей под командованием вице-адмирала П.И. Ханькова с целью отправки ее в Северное море. На случай нападения французов.

Ушаков получил приказ привести в боевую готовность Черноморский флот. Против этой триады у французов было не много шансов на победу, но...

Но после смерти Екатерины II на российский престол вступил император Павел I, и приготовления к войне были приостановлены, поскольку дождавшийся вождя престолонаследника с порога отметал все, что было сделано его великой матерью и ее соратниками. Любимой фразой Павла была: «Потемкинский дух вышибу!» — и с делом она, нужно сказать, никогда не расходилась. Так что в России стали уже поговаривать о новом союзе с Францией во главе с Наполеоном

дальновидные мальтийские рыцари сделали магистром Ордена. Обожавший такие экзотические игры Павел пришел в ярость, когда получил сообщение о захвате «его» острова французами. Индия была забыта, равно как и планы породниться с воинственным корсиканцем. А тот, к тому же, высадил экспедиционную армию в Египте, принадлежавшем Турции, на которую Франция и без того имела достаточно сильное влияние.

То, чего не могли добиться от Павла Англия и Австрия, связанные с Россией союзными договорами, легко добилась Турция, которой разъяренный французской экспансией русский император предложил заклю-

В январе 1799 года в Константинополе был официально подписан союзный договор между Россией и Турцией. Договор предусматривал свободу плавания русских военных кораблей через проливы и обязывал Турцию снабжать русские корабли в Средиземном море продовольствием и материалами для их ремонта.

Вскоре Турция обратилась к российскому императору с просьбой о присылке русской вспомогательной эскадры для ведения совместных боевых действий в Средиземном море против французов. Ф. Ушаков в связи с этим получил рескрипт:

«Коль скоро получите известие, что французская эскадра покусится войти в Черное море, то немедленно, сыскав оную, дать решительное сра-

жение, и Мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь НАШЕГО флага соблюдена будет, разве бы она гораздо превосходнее Нашей, в таком случае делать вам все то, что требует долг и обязанность, дабы всеми случаями вы могли воспользоваться к нанесению вреда неприятелям Нашим».

К этому рескрипту почти немедленно добавился второй.

«По получении сего имеете вы с вверенною в команду вашу эскадрою немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей... буде Порта потребует помощи, где бы то ни было, всю вашу эскадрою содействовать с ними, и буде от министра НАШЕГО получите уведомление о требовании Блистательной Порты

М

ридавая большое значение морской и огневой выучке личного состава, Ушаков был сторонником суворовских принципов воспитания подчиненных. Не потеряв в морских сражениях ни одного судна, он нанес турецкому флоту невосполнимый урон более чем в 50 судов, отвоевав для России Черноморский регион

Бонапартом, о совместном походе в сказочную Индию и многих других интересных вещах. Но тут Бонапарт невольно сделал ошибку — занял остров Мальту, который являлся владением Мальтийского рыцарского ордена.

Все бы ничего, но с начала 1797 года этот остров (а заодно и сам Орден) находился под покровительством императора Павла I, которого

читать договор. Турецкий султан Селим III охотно, «с радостью, восхищением и благодарностью», принял предложение Павла I о союзе, так как боялся дальнейшего расширения французской агрессии. Вчерашние непримиримые враги оказались в одном лагере, что, кстати, немало смутило и Суворова, и Ушакова, и многих других видных полководцев и дипломатов екатерининских времен.

вашей помощи, то имеете тотчас следовать и содействовать с турецким флотом против зловредных намерений Франции, яко буйнаго народа, истребившего не токмо в пределах своих веру и Богом установленное правительство и законы..., но и у соседственных народов, которые по несчастью были им побеждены или обмануты вероломническими их внушениями...хотя бы то и далее Константинополя случилось».

В августе 1798 года Россия направила в Средиземное море эскадру под командованием вице-адмирала Федора Ушакова с общим экипажем 7406 человек и 792 орудиями. 3 сентября эскадра подошла к Константинопольскому проливу, а в полдень 5 сентября вошла в Константинопольский канал и стала на якорь. Турция встретила русские корабли на удивление дружелюбно.

При убытии из Севастополя Ушаков получил от Павла I лишь общие установки, конкретный план военных действий адмирал должен был разработать при переговорах с турецким правительством в Константинополе. По предложению Ушакова было решено немедленно приступить к освобождению от французов Ионических островов. Поскольку к русско-турецкому союзу присоединилась Англия, то обо всех предпринимаемых мерах уведомили английского контр-адмирала Горацио Нельсона, командовавшего английским флотом в Средиземном море.

План Ушакова вызвал возражения англичан, которые стремились укрепиться на Ионических островах и опасались появления там русских. Нельсон настаивал на том, чтобы Ушаков взял на себя блокаду побережья Египта, а против Ионических островов будут задействованы силы английского флота, с целью закрепления этих островов за Англией.

Через две недели, «дав туркам опыт неслыханного порядка и дисциплины», русская эскадра вышла из Константинополя и 20 сентября соединилась у входа в Дарданеллы с турецкой эскадрой. Командующим объединенными силами был назначен вице-адмирал Ушаков. Турки, на собственном опыте зная его искусство и храбрость, полностью доверили ему свой флот, а командующий турецкой эскадрой именем султана обязан был почитать российского вице-адмирала «яко учителя».

Так началась знаменитая Средиземноморская кампания Ушакова, в которой он показал себя не только как великий флотоводец, но и как мудрый государственный деятель. Турки не проявляли особой готовности сражаться, «...но чтобы утвердить более дружбу нашу с Блистательной Портой Оттоманской, в реляции пишу...к их похвалению», — признавался Ушаков, беря на себя в некоторой степени и дипломатическую миссию по поддержанию русско-турецкого морского союза.

С октября по ноябрь от французов были освобождены острова Ки-

тира, Закинф, Кефаллиния и Левкада. Ушаков последовательно направлял против французских гарнизонов этих островов небольшие отряды кораблей с десантами. Сама же эскадра была готова оказать им необходимую поддержку и отразить возможное нападение французского флота. Население освобожденных островов с радостью открывало двери русским и закрывало их перед турками.

Остался не освобожденным остров Корфу, который, имея и без того мощнейшие в Европе бастионы, был еще значительно укреплен францу-

Корфу сказал: «Снисходительствуйте, Высокопревосходительный Господин, принять приношение произвольное благодарения от чад Ваших, сей приличествующий Вам меч, на коем изображено драгоценное имя Ваше, и который навсегда хранить соблаговолите в память признательности, изъявляемой Вам освобожденным сим городом».

Другие освобожденные острова также преподнесли русскому адмиралу ценные подарки. Но самой великолепной оценкой действий Федора Ушакова и его моряков были облетевшие весь флот слова по-

Корфу был последним из освобожденных Ионических островов. Занятие острова предоставило русским базу для дальнейших действий на Средиземном море. За его взятие император Павел I произвел Федора Ушакова в вице-адмиралы, а турецкий султан наградил его бриллиантовым челенгом (высший знак отличия у турок), собольей шубой и тысячу червонцами

зами и считался неприступным. Тем не менее, 20 февраля 1799 года после штурма с моря и суши французский гарнизон капитулировал. В Европе не могли придти в себя от удивления: русский флот взял сильнейшую крепость, причем лишь одними военно-морскими силами.

Жители острова Корфу поднесли Ф. Ушакову в дар меч, украшенный алмазами, с надписью: «Остров Корфу адмиралу Ушакову». При вручении этого меча представитель острова

здравления, посланные А.В. Суворовым:

«Великий Петр наш жив. Что он по разбитии в 1714 года шведского флота при Аландских островах произнес, а именно: Природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту! ... Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя бы мичманом!».

Нельсон также прислал поздравление:

«Сэр! Самым сердечным образом поздравляю Ваше Превосходительство с взятием Корфу и могу вас уверить, что слава оружия верного союзника одинаково дорога мне, как и слава оружия моего государя. У меня есть величайшая надежда, что Мальта скоро сдастся...».

Корфу был последним из освобожденных Ионических островов. Занятие острова предоставило русским базу для дальнейших действий на Средиземном море. За его взятие император Павел I произвел Федора Ушакова в вице-адмиралы,

а турецкий султан наградил брильянтовым челенгом (высший знак отличия у турок), собольей шубой и тысячу червонцами.

В течение марта-апреля месяцев 1799 года Ушаков занимался делами, весьма далекими от флота: организовал на Ионических островах такую форму государственного правления, которая обеспечила всему народу «мир, тишину и спокойствие». Причем, вся организация этого правления, разработка конституции Республики Семи Соединенных Островов всей своей тяжестью легла на одного

Ушакова и была выполнена им блестяще и с любовью. В рескрипте Павла I к русскому посланнику в Константинополе от 26 июля 1799 года говорилось:

«Из рапортов адмирала Ушакова и донесений ваших уведомилися Мы о распоряжениях, учиненных на островах бывших Венецианских, касательно установления на оных правления, новому положению их соответствующих. Находя меры упомянутым адмиралом в Корфу принятые и представленные вами Порте, согласующими-

войска под командованием А.В. Суворова, который придавал большое значение совместным действиям армии и флота. Русско-турецкая эскадра под командованием Ф. Ушакова, по замыслу А.В. Суворова, должна была наносить удары по базам и морским сообщениям противника на юге Италии, согласуя свои действия с наступлением союзных войск в Северной Италии.

Успешные действия эскадры Ушакова, предпринятые в соответствии с суворовским планом, вынудили про-

Заслуги Ушакова не были оценены Александром I, который назначил его на второстепенную должность главного командира Балтийского гребного флота и начальником флотских команд в Петербурге, а в январе 1807 года вообще отправил в отставку. Ушаков приобрел в Тамбовской губернии деревню Алексеевка и переехал туда

ся с предположениями Нашими, Мы оные одобряем».

Освобождением Ионических островов закончился первый этап боевых действий на Средиземном море. Практически сразу же должен был начаться другой — против французов на юге и на севере Апеннинского полуострова.

Летом 1799 года Ф. Ушаков перенес действия русско-турецкой эскадры к берегам Адриатического, Тирренского и Лигурийского морей для поддержки союзных войск в Северной Италии, в том числе, русского

противника рассредоточить силы и лишили его возможности получить подкрепления морем. Завершив освобождение от французов Ионических островов, эскадра приступила к изгнанию войск противника из южной части Апеннинского полуострова. И эта военная операция блистательно завершилась почти молниеносным и относительно бескровным захватом Неаполя и двух третей Неаполитанского королевства.

Условия капитуляции были достаточно мягкими. Но когда в середине июня к Неаполю пришла эскадра

Нельсона, английский адмирал объявил их недействительными. Начались жестокие репрессии, пытки и казни продолжались днями и неделями. Свидетель тех событий писал:

«Режут ежедневно тысячи якобинцев и более. Мертвые их тела сожжены, бывают из опасения заразных болезней... К стыду английского адмирала, капитуляция была утверждена обеими сторонами и по всем законным формам... и лорд Нельсон обязан был исполнить свято все статьи договора без исключения».

Русские тщетно пытались смягчить террор. Их честь и репутация остались совершенно незапятнанными, в отличие от репутации лорда Нельсона.

6 августа 1799 года Ушаков с эскадрой прибыл в Мессину. Однако

менитейшим флотоводцем со времен Петра Великого». Являясь во время пребывания в Средиземном море представителем России, адмирал обнаружил много политического такта, природного ума, дипломатического искусства, выходя из самых затруднительных положений вдали от родины.

Заслуги Ф. Ушакова не были оценены Александром I, который назначил его на второстепенную должность главного командира Балтийского гребного флота и начальником флотских команд в Петербурге, а в январе 1807 года вообще уволил в отставку. Ушаков приобрел в Тамбовской губернии деревню Алексеевка, куда и переехал в конце 1810 года.

Умер он 2 октября 1817 года в своем имении и похоронен в Синак-

странных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова, скончавшегося 1817 года сентября на 74 году от рождения».

И... надолго забытого. О Федоре Федоровиче Ушакове вспомнили — и то по необходимости — лишь во время Великой Отечественной войны, когда учреждались ордена и медали адмиралов Ушакова и Нахимова, и потребовалось иметь их точный облик.

Именем Федора Ушакова названы бухта в юго-восточной части Баренцева моря и мыс на северном побережье Охотского моря. А в Цусимском сражении принимал участие броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков» — этот эпизод русско-японской войны малоизвестен. Выдержав бой с двумя бро-

неносными крейсерами противника, «Адмирал Ушаков», когда был израсходован весь боевой запас, по приказу командира капитана 1 ранга В.Н. Миклухо-Маклая был затоплен. Миклухо-Маклай (сын известного этнографа Н. Н. Миклухо-Маклая) отказался покинуть корабль и погиб вместе с ним. В настоящее время на Северном флоте находится в строю тяжелый атомный крейсер «Адмирал Ушаков».

Деятельность Федора Ушакова оставила глубокий след в истории развития морского могущества русского государства, и он по справедливости должен был занять подобающее место в ряду исторических лиц нашего Отечества. Но вот канонизация... До этого дошло еще очень и очень нескоро.

А

дмирал был надолго забыт. Моряки, конечно, помнили легендарного флотоводца, но остальные, далекие от моря, говорили о других героях — Суворове или Кутузове. О Федоре Федоровиче все же вспомнили, и то по необходимости, лишь во время Великой Отечественной войны, когда учреждались ордена и медали адмиралов Ушакова и Нахимова

здесь он получил указ Павла I о возвращении на родину, и в ноябре 1800 года эскадра возвратилась в Севастополь.

Обозревая события этой войны, военный историк генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин в своих трудах называл Федора Ушакова «зна-

сарском монастыре близ города Темников. На могиле возвышается черный мраморный постамент с бюстом адмирала, на котором выгравирована надпись:

«Здесь покоится прах Его Превосходительства Боярина флота адмирала и разных российских и ино-

Предложение Саранской епархии неожиданно для всех поддержал Главнокомандующий в то время Военно-морским флотом России адмирал Владимир Куроедов, обратившийся к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. В Обращении отмечалось:

«Своей праведной земной жизнью Федор Ушаков явил миру ярчайший образец беззаветного служения Отечеству и своему народу, как на поле брани, так и на ниве благотворительности и милосердия, пример православного воина, которому была ниспослана помощь Божия... Адмирал, воспитанный в благочестии, сам воспитал целую плеяду талантливых флотоводцев, офицеров и просто верных сынов своей Родины — воинов Христовых, всегда, не щадя живота своего, до конца стоявших за Веру и Отечество. По нравственным заповедям адмирала Ушакова Российский Военно-морской флот живет и ныне...».

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл так выразился об Ушакове: *«...Удивительная личность, удивительный человек. Он канонизирован, конечно, за святость жизни в первую очередь. Но его доблесть, его подвиги нельзя оторвать от всей его жизни...».*

Таким образом, русские военные моряки обрели своего небесного покровителя. Его ратный путь и морские победы навечно золотыми буквами вписаны на скрижалях отечественной истории. А его преданность службе, вере и Отечеству — пример

служения для многих поколений русских моряков.

Иконы, на которых Ф.Ф. Ушаков был изображен с адмиральским кортиком и на фоне корабельных мачт, моряки всегда берут с собой в походы — чтобы плавание прошло удачно.

Федор Ушаков стал первым в истории православного христианства военным моряком, причисленным к лику святых. Частицы его мощей распределены по всем флотам России. В центре города Балтийска прошел первый молебен, а затем всеобщее бдение. В своей речи на этих мероприятиях митрополит Кирилл сказал:

«Это историческое событие все-российского значения. Каждый, кто имеет дело с армией и флотом, понимает, что пройти жизнь непобедимым — это уже чудо Божье».

К сожалению, до настоящего времени в Санкт-Петербурге — морской столице России, нет памятника великому флотоводцу, причисленному к лику святых. Такой памятник собирались поставить еще в прошлом веке — к столетию со дня кончины адмирала, то есть в 1917 году. Понятно, что Россия тогда была поглощена совсем иными проблемами.

Сейчас снова объявлен конкурс на памятник Федору Ушакову. Может быть, с Божьей помощью, этот проект и будет осуществлен к двухсотлетию со дня кончины легендарного флотоводца и первого русского святого моряка. □

Пьеро делла Франческа

«ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТА»

Ирина Опимах

Сан-Сеполькро — городок в Тоскане, похожий на множество других очаровательных старинных городков, каких в Италии немало. Узкие средневековые улочки, старинные церкви, величественный собор, крепостные городские стены, на горе — непременный замок местного правителя. По преданию, Сан-Сеполькро был основан в IX веке двумя пилигримами, которые привезли сюда из Иерусалима реликвии из могилы Христа, а потому в прежние времена гордо назывался Борго Сан-Сеполькро — град Святого Гроба. Когда-то он играл большую роль в распрях и войнах, терзавших тосканскую землю, а сегодня здесь все тихо, провинциально. И, наверное, был бы этот городок дорог только его жителям, которых ныне всего 16 тысяч, если бы не великий Пьеро делла Франческа, родившийся в Борго Сан-Сеполькро и проживший здесь большую часть жизни. Замечательный художник подарил родному городу несколько своих шедевров, и среди них — одну из самых удивительных картин эпохи раннего Возрождения — «Воскресение Христа».

Мы точно не знаем, когда Пьеро появился на свет, однако известно, что это событие произошло где-то между 1410 и 1420 годами. По-видимому, он учился живописному искусству у флорентийского художника Доменико Венециано, так или иначе, Пьеро упоминается впервые в дошедших до нас документах, датированных 1439 годом, в качестве помощника Венециано, расписывавшего тогда церковь Сант-Эджидио (сегодня от фресок сохранились лишь незначительные фрагменты). Кроме живописи, Пьеро увлекался математическими науками, и, как говорил он сам, «хотя я пятнадцать лет пошел по пути живописца, так никогда их не бросал, но пожал удивительные плоды и в них, и в живописи». К 1442 году Франческа становится весьма уважаемым человеком в своем городе — недаром его выбрали городским советником. Пьеро знали и ценили не только в Сан Сеполькро — он работал, и очень успешно, при дворах герцога Урбинского, Феррарского, в Пезаро, Анконе, Болонье, Перудже, и оставил множество великолепных работ, среди которых — блестящие портреты его покровителей, людей сильных, незаурядных, истинных представителей того сложного, но яркого времени. Работал Пьеро и в Риме, куда был приглашен папой Николаем V. (К сожалению, римские работы Пьеро позже были уничтожены по приказу папы Юлия III, расчищавшего место для творений своего любимого художника

Рафаэля.) Закончив росписи в Риме, Пьеро, как рассказывает Вазари, вернулся в родной город — там умирала его обожаемая мать.

В последующие годы он написал здесь несколько замечательных картин, но сохранились лишь две — «Воскресение Христа» в палаццо Коммунале и «Успение Богоматери» в монастыре августинцев (теперь там городская Пинакотека). Главной его работой стал цикл фресок «История Животворящего Креста» в соборе Ареццо — грандиозные росписи, выполненные в 1452–1458 годах им одним, фактически без помощников.

«Воскресение Христа», возможно, одна из лучших работ художника, была, по-видимому, заказана Пьеро городскими властями для украшения ратуши в конце 1450-х годов. К тому времени он был уже вполне сложившимся мастером, который ничего не боится, и любые задачи ему по плечу. Для картины Пьеро выбрал очень редкий сюжет — Воскресение Христа. Он не описан в Евангелиях, а потому был довольно труден для воплощения, зато давал волю воображению. Момент воскресения Иисуса не видели ни люди, ни ангелы. В этом и заключается мистическая тайна Христа. В Евангелии от Иоанна (Ин.20:15) рассказывается лишь, что Мария Магдалина пришла после субботы к гробу Христа и увидела, что он пуст: *«В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба».*

«Воскресение Христа»

Но Пьеро не боялся трудностей и создал удивительную фреску, такую же непостижимую, как и Воскрешение Иисуса. На картине Христос — реальный, живой человек, он выходит из гроба, побеждая Смерть. Его раны еще кровоточат — дабы мы

помнили, каким мукам он был подвергнут, могли представить, каково это — быть распятым и медленно умирать на кресте. Но он возвращается к людям из Небытия, и мы видим его ступни на крышке гроба — очень красноречивая поза, поза по-

«Бичевание Христа»

бедителя. Лицо Его — простое, словно вырубленное, грубоватое, но вот глаза! Эти глаза гипнотизируют, от них трудно отвести взгляд, они словно все знают о тебе. И в них нет зрачков — будто на нас смотрит сама Вечность! Все на картине несет определенный смысл. Христос воскресает на фоне вполне тосканского пейзажа, но слева от его фигуры — бесплодная, замерзшая земля, а справа — весна, возрождение Природы. В нижней части картины — стражники, солдаты Пилата. Они спят глубоким сном, а потому им не дано, в отличие от нас, стать свидетелями Чуда, ощутить Его присутствие в мире. (Кстати, считается, что воин с откинутой головой — автопортрет художника.)

Пьеро, усвоив опыт Мазаччо и других великих флорентийцев, блестяще пользуется дарами перспективы и виртуозно оперирует объемами, в результате чего фреска кажется трехмерной, в ней присутствует глубина и объемность. «Фреска эта торжественна и проста, и перед ней никому бы не пришлось объяснять, что такое монументальное искусство. Христос, бодрствующий за весь мир, и воины, погруженные в тяжелую дрему у пустующего саркофага... Все светится так тихо и волшебно в этот таинственный час — бледное, серо-голубое небо с белыми облачками, гладкие стволы деревьев и тонкие сети их безлиственных ветвей, пепельная

земля и серебристо-розовый плащ Спасителя. И в этом всюду разлитом сиянии — душа искусства Пьеро, — с восторгом описывал эту фреску Павел Муратов. — Фреска Пьеро спиритуальна насквозь и в то же время полна энергии формальных борений. Дыхание каких-то без-

мерностей мира, природы, ощущаемой так, как ощущали ее древние, господствует здесь над всем: над формальной темой фигур и даже над темой христианского Воскресения».

Влияние Пьеро делла Франческа на современников-живописцев

«Крещение Христа»

«История царицы Савской», церковь Сан Франческо в Ареццо

было огромным. В творениях художника они видели новые принципы восприятия мира, геометрии объемов, их расположения в пространстве с помощью строгих построений и нового понимания света. Пьеро способствовал формированию художественной индивидуальности таких великих живописцев, как Синьорелли, Перуджи-

но, Рафаэль, Антонелло да Мессина и Джованни Беллини.

В последний период жизни Пьеро, как и его соотечественник Паоло Учелло, много размышлял о законах живописи, о перспективе и о том, что она дает искусству. Все это осталось на страницах его трудов. Трактат «De prospectivapringendi» («О перспективе в живописи») был написан до

1482 года, а «*Libellusdequinquecorporibusregularibus*» («О пяти правильных телах»), — несколько позже, третий трактат Пьеро — математический («*Delabaco*») — не был издан.

В 1486 в жизни Пьеро случилось страшное несчастье — он ослеп. Что может быть ужаснее для художника? Казалось, жизнь уже кончена, но ему было суждено прожить еще

несколько лет. Рассказывали, что мальчик-поводырь часто приводил слепого старика в ратушу, и они молча стояли перед «Воскресением Христа».

О чем думал тогда Пьеро, когда перед его мысленным взором возникал созданный им воскресший Христос? Вспоминал, как трудно шла работа над фреской? Или молил о

«Победа Константина над Максенцием. Фреска, церкви Сан Франческо в Ареццо»

том, чтобы Спаситель дал ему силы жить во тьме?

Великий итальянский живописец Пьеро делла Франческа скончался 12 октября 1492 года, в своем родном городе Борго Сан-Сеполькро. Сograждане, говорит Вазари, похоронили его с большими почестями, в главной городской церкви.

Шли годы, понемногу Пьеро забывали. Его искусство выходило из моды, пришли новые времена и но-

вые гении — Рафаэль, Микеланджело, Леонардо. На их фоне его картины казались слишком тихими, спокойными, лишенными страстей. А в XVIII веке великое творение Пьеро «Воскресение Христа», казавшееся тогда совсем устаревшим, было решено закрыть штукатуркой! Но ничто не вечно под Луной, постепенно штукатурка стала обваливаться, и образы, рожденные замечательным художником, вернулись к людям. Творение Пьеро

заняло свое место в истории искусства в XIX веке. В 1885 году в Борго приехал увлеченный эпохой Возрождения и ее титанами Генри Лэйард. Потрясенный величественной красотой старой фрески, он сделал с нее набросок, а позже назвал Пьеро делла Франческа самым значительным художником XV столетия.

В XX веке фреску уже хорошо знали, и в маленький Сан-Сеполькро

устремились ценители прекрасного. Среди них были писатель Э.М. Форстер, бельгийская королева Елизавета, голливудская звезда Грета Гарбо, писательница и подруга Хемингуэя и Пикассо Генриэтта Стайн. Побывал тут и известный историк искусства Бернард Беренсон. Он тоже попал под очарование фрески. «Ничье другое «Воскресение» не вызывает такого впечатления, такого ощущения

«Мадонна Милосердия»

торжественности, важности момента...» — писал он.

Дальнейшая судьба шедевра Пьеро связана со знаменитым английским писателем Олдосом Хаксли, автором блестящей антиутопии «О дивный новый мир». В 1920-е годы он жил в Италии. В те времена добраться до Сан-Сеполькро было непросто, но когда Хаксли оказался перед фреской, он тут же забыл обо всех дорожных неудобствах. «Он находится перед нами во всем своем великолепии — величайший шедевр в мире», — написал он потом в книге «В дороге». И разве мог Хаксли тогда предполагать, что благодаря этим написанным им строчкам очень скоро будет спасена не только жизнь шедевра Пьеро, но и жизни многих жителей Сан-Сеполькро?

Прошло двадцать лет. Лето 1944 года было жарким во всех отношениях — в Европе бушевала Вторая мировая война. Немцы засели в Сан-Сеполькро, и целью союзнической армии было выбить гитлеровцев из города. На холме укрепилась батарея молодого английского офицера Энтони Кларка. Это был весьма образованный молодой человек — настоящий интеллигент, увлекавшийся литературой и искусством. Он был немножко денди, вспоминали его друзья, и курил всегда с мундштуком, однако на войне денди быть довольно трудно... Кларк уже дал команду своим солдатам начать обстрел, но тут вдруг в его мозгу словно вспыхнула молния — где-то

он читал про этот маленький Сан-Сеполькро! Да, то была книга Хаксли, и там что-то говорилось о величайшем шедевре мирового искусства, который тут хранится! «Воскресение Христа»! Боже, с ужасом подумал Кларк, неужели я и мои солдаты уничтожили достояние мировой культуры? Он тут же велел прекратить стрельбу. К счастью, в это время немцы уже покинули город. А Кларк, войдя в Сан-Сеполькро, поспешил на свидание со спасенным им шедевром — в здание ратуши бомбы не попали. Как и многие до и после него, англичанин был заворожен взглядом Спасителя, красотой и совершенством картины. Пожалуй, подумал Кларк, Хаксли не обманывал — это действительно величайшее творение человеческого гения.

Энтони Кларк стал легендой Сан-Сеполькро. В 1960-е годы, когда он приезжал в спасенный им городок, его встречали как героя. Кларк умер в 1981 году, но в истории маленького Сан-Сеполькро он остался навсегда. Его именем названа улица, и всем, приезжающим сюда, обязательно рассказывают историю о том, как молодой англичанин во время войны спас великую фреску и человеческие жизни.

«Воскресение Христа» Пьеро делла Франческа ныне широко известно, многие современные художники, так или иначе, используют его в своих композициях, выражая свое понимание мира и человека в этом

мире, свое понимание живописи и назначения искусства.

А маленький Сан-Сеполькро стал сегодня туристической Меккой. Ценители Прекрасного со всего мира приезжают сюда на встречу с Пьеро делла Франческа. Фреска прекрасно сохранилась, несмотря на

более 500 лет своего существования и на землетрясения, оставившие трещины в стене. И все также смотрит на нас воскресший Христос, покоря своим взглядом всех — и верующих, и атеистов. Такое под силу только богам и — истинному искусству. □

«Алтарь
Монтефельтро»

СЫН

ПОЭТ, ПОЭТА...

«Аварец. Настоящий гражданин России. Весельчак, жизнелюб и мудрец. Щедрый и гостеприимный человек. Лучший тамада Кавказа и его окрестностей. Помню один из тостов, поднятых Расулом в застолье за меня:

«Выпьем за Юру Борева. У него было много возможностей стать подделцом, но он ни разу не воспользовался этими возможностями».

Поговорить с Гамзатовым — это как выпить чистой родниковой воды в жару. Сколько житейской мудрости! Сколько метафизических философских суждений! Сколько остроумия!

Значительная личность всегда легендарна. Де Голь, например, начинал нервничать, если о нем неделю не рассказывали легенд, анекдотов, не публиковали в газетах карикатур. В этих случаях генерал сетовал: «Я теряю популярность. Французский народ меня забывает».

Расулу Гамзатову не на что сетовать. Такая личность, как он, не могла не стать легендой, не могла не обрасти преданиями...

Юрий Борева. *«Расул Гамзатов в творчестве, в жизни и в легенде»*

Расул Гамзатович Гамзатов родился 8 сентября 1923 года в селе Цада Хунзахского района Дагестанской АССР, в семье народного поэта Дагестана, лауреата Госпремии СССР Гамзата Цадасы — о чем, кстати, очень мало известно: Гамзатова предпочитали считать «самородком», «сыном гор», но он был сыном выдающегося поэта — и сам стал поэтом еще более знаменитым.

Окончив педучилище, Расул очень недолгое время работал учителем в школе. Затем стал помощником режиссера аварского Государственного театра, заведующим отделом и

работал вплоть до своей кончины в ноябре 2003 года.

Прямая, как стрела, линия жизни...

Расул Гамзатов начал писать стихи, когда ему было девять лет, а первая книжка стихов на аварском языке вышла в 1943 году. В двадцать лет он уже стал членом Союза писателей СССР.

С тех пор на аварском и русском языках, на многих языках Дагестана, Кавказа и всего мира вышли десятки поэтических, прозаических и публицистических книг: «В горах мое сердце», «Высокие звезды», «Берегите друзей», «Журавли», «У очага», «Письмена», «Последняя цена», «Сказа-

Расул Гамзатов начал писать стихи, когда ему было девять лет, а первая книжка стихов на аварском языке вышла в 1943 году. В двадцать лет он уже стал членом Союза писателей СССР. С тех пор на многих языках мира вышли десятки поэтических, прозаических и публицистических книг поэта

собственным корреспондентом аварской газеты «Большевик гор», редактором аварских передач Дагестанского радиокomiteта. Отсюда уже была прямая дорога в столицу.

Сын поэта решил получить высшее поэтическое образование и поступил в 1945 году в Московский литературный институт имени М. Горького. После его окончания Расула Гамзатова в 1951 году сразу избрали Председателем правления Союза писателей Дагестана, где он

ния», «Колесо жизни», «О бурных днях Кавказа», «В полдневный жар», «Мой Дагестан», «Две шали», «Суди меня по кодексу любви», «Сонеты» и многие другие.

Его стихи и поэмы переводили на русский язык такие мастера пера, как Илья Сельвинский и Сергей Городецкий, Семен Липкин и Юлия Нейман. Особенно плодотворно работали с ним его друзья-поэты: Наум Гребнев, Яков Козловский, Яков Хелемский, Владимир Солоухин, Елена

Николаевская, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Юнна Мориц, Марина Ахмедова.

Злые языки говорили, что Гамзатова сделали великим поэтом его переводчики. Сами переводчики так никогда не считали. Яков Козловский, например, всегда подчеркивал высокую художественность поэзии Гамзатова и постоянно говорил об этом. Их творческий альянс возник еще в годы студенчества.

— Яков Абрамович, говорят, что Расула Гамзатова придумали переводчики.

— Все это ерунда. Поэзия Гамзатова тем и интересна, что, о чем бы он ни писал, в ней всегда присутствует дух Дагестана. Переводчики тут ничего не могут придумать.

— Но, насколько мне известно, в оригинале у Гамзатова нет рифм.

— Это не имеет значения. У него нет рифм, но есть аллитерация. Например, начинается строка с буквы А, и кончается буквой А, переходит в следующую, и это переплетение идет через все стихотворение. Русское ухо его не улавливает, а горцы улавливают...

Популярности Гамзатова способствовало и то, что многие его стихи стали песнями. С Гамзатовым много и охотно работали известные в стране композиторы: Ян Френкель, Оскар Фельцман, Полад Бюль-Бюль-оглы, Раймонд Паулс, Юрий Антонов, Александр Пахмутов, Готфрид Гасанов, Сергей Агабабов, Мурад Кажлаев, Ширвани Чалаев.

Правда сейчас, когда слова современных песен-однодневок, кажется, вообще перестали иметь какое-то ни было значение, трудно представить

себе, как действовали на людей его проникновенные, берущие за душу слова. Да еще в исполнении таких «золотых голосов», как Анна Герман, Галина Вишневская, Муслим Магомаев, Марк Бернес, Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев, Сергей Захаров, София Ротару, Рашид Бейбутов, Вахтанг Кикабидзе, Дмитрий Гнатюк.

Не так уж много было в Союзе писателей поэтов, стихи которых были так талантливы и так популярны. О многих уже сейчас с трудом вспоминают — и то лишь в контексте изучения истории советской поэзии.

Уже цитированный мною Юрий Бореин писал: «Начало Великой отечественной войны ознаменовано великой песней:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...»

Говорят, что война не заканчивается, пока последний погибший на ней солдат не будет похоронен. Я скажу по-другому: война не заканчивается, пока последний погибший на ней солдат не будет воспет, оплакан и возвеличен в своем подвиге. И поэтому для меня война началась со знаменитой песни Лебедева-Кумача, а закончилась великой и знаменитой песней Расула Гамзатова, «Журавли», написанной много позже 1945 года:

Мне кажется порою, что
солдаты,
С кровавых не пришедшие
полей.

Не в землю нашу полегли
когда-то,
А превратились в белых
журавлей.

Они до сей поры, с времен тех
дальних,
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто
и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса.

Да, к нему благоволила власть, но его искренне любили очень многие читатели в нашей стране и любят до сих пор, что «по приказу сверху», согласиться, невозможно.

Он был блестящим и остроумным оратором, и сам любил жадно слушать, вбирая самое ценное и высоко ценя меткое словцо у других.

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Его друзьями были Симо-

З

астолья в доме Гамзатова было как бы сопровождением к его искрометному творчеству, его горской философии. На них он всегда читал свои новые стихи, говорил о своих творческих планах, и не только сам любил пошутить, но и в других ценил чувство юмора и находчивость

Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня.
А в том строю есть промежуток
малый,
Быть может, это место для меня.

Не надо выпить все море, чтобы узнать, что оно соленое. Достаточно процитировать две строфы этих замечательных стихов, чтобы понять величие поэзии Расула Гамзатова. Какая слитность со своим народом и с его героями! Какой реквием по солдатам Отечественной войны! Какой национальный колорит — души погибших героев отлетают в небо как птицы! Поэзия Гамзатова глубоко национальна, патриотична, общечеловечна и мудра...»

нов, Твардовский, Кулиев, Айтматов, Кугультинов, Карим, Луконин, Евтушенко, Рождественский — писатели и поэты, казалось бы, непохожие друг на друга и друг с другом почти не общавшиеся, но всех их объединяла любовь к Гамзатову, к его редчайшему дару поэта и человека.

Расул умел соединять людей разных разных возрастов и профессий. Застолья в доме Гамзатова были как бы сопровождением к его искрометному творчеству, его горской философии. На них он всегда читал свои новые стихи, говорил о своих новых творческих планах.

Гамзатов умел не теряться в любой ситуации, остроумие его было гениальным. Он любил подшучивать

над другими, но это почти всегда было безобидно, ибо, прежде всего, он подшучивал над самим собой. Хотя иногда со стороны это выглядело... необычно.

Как-то Иосиф Кобзон узнал, что Гамзатов никак не может получить отдельную квартиру в Москве. Он пошел к председателю Моссовета Промыслов просить за поэта. Промыслов возмутился:

том Верховного Совета Дагестанской АССР, заместителем Председателя Верховного Совета ДАССР, депутатом и членом президиума Верховного Совета СССР. Имел государственные награды: четыре ордена Ленина, орден Октябрьской революции, три ордена Трудового Красного знамени, орден Дружбы народов, орден «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени, орден Петра Ве-

---

Ему было трудно признаться в собственных ошибках, больно прозревать изо дня в день. Но он всегда искал и находил в себе силы сделать это, и был беспощаден к самому себе. Только совестливый человек способен на истинное покаяние, а самомнение — для напыщенных болванов

— Да где мы ему только не предлагали квартиру: в самых престижных районах, в самых лучших домах на улице Горького, на улице Алексея Толстого, на улице Чайковского. Он ото всех отказывается.

Кобзон позвонил Гамзатову:

— Расул, что же ты людям голову морочишь? Ведь о таком можно только мечтать!

— Улица Горького, Толстого, Чайковского... А ты подумал: когда я умру, их в мою честь переименуют?!

В каждой шутке...

За выдающиеся достижения в области литературы Расул Гамзатов отмечен многими званиями и премиями Дагестана, России, Советского Союза и мира. Он избирался депута-

ликого, болгарский орден Кирилла и Мефодия. 8 сентября 2003 года в день 80-летия поэта президент России Владимир Путин вручил ему высшую награду страны — орден Святого апостола Андрея Первозванного.

В советскую эпоху Гамзатов был одним из самых ярких, самых самобытных поэтов, входя в первую десятку, а, может быть, даже и в пятерку лучших. В стране, в которой была жесткая субординация власти, поэту, и самому имевшему прямое отношение к этой власти, удавалось оставаться самим собой и говорить то, что другим не позволялось. Его распахнутая жизнь, его любовь к дружеским застольям стали притчей во языцех. Общение

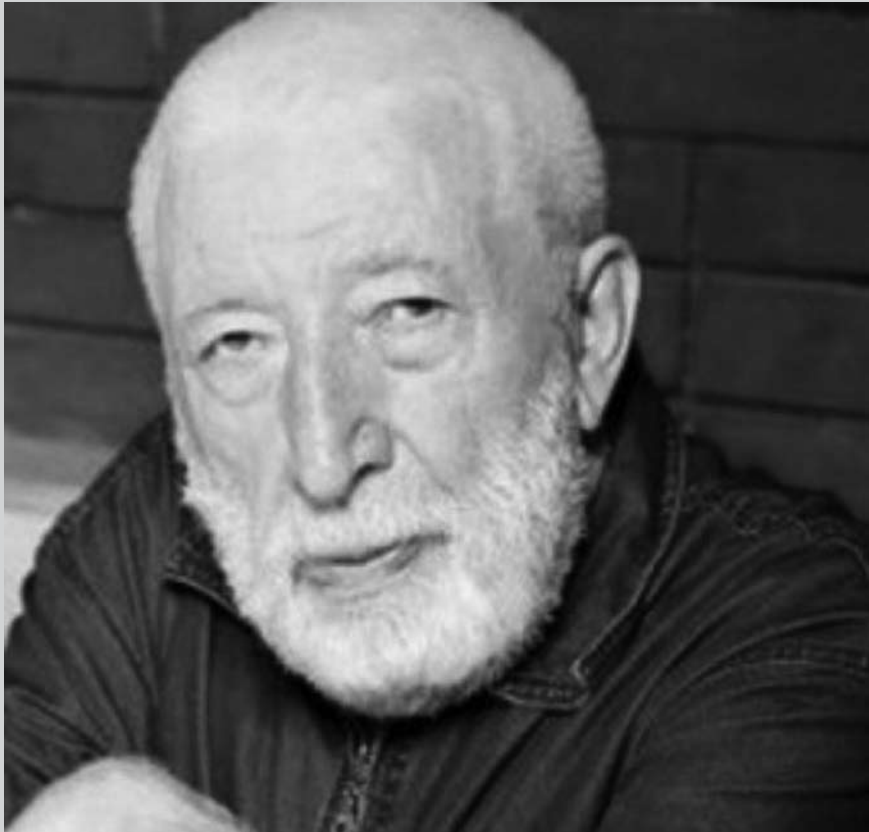

со многими людьми было для него насущной необходимостью. Его жизненным девизом было: «Ни дня без строчки и ни дня без людей!», но при этом он мог сосредоточиться и работать в самых невероятных условиях.

В 60–70 годах, когда мир жаждал поэтического слова, поэзия Гамзатова совпала со временем. На его творческие вечера шли когда-то, как сегодня идут на футбол. На огромных стадионах и в необъятных Дворцах спорта яблоку негде было упасть во время его выступлений. Это, конечно, объяснялось, прежде всего необыкновенной популярностью поэтического слова, которого тогда жаждала страна.

Гибель державы, в которой жил и творил поэт, резко подточила его здоровье. Он мучительно переживал все, что происходило в стране, поэтому и молчал несколько лет, живя у себя дома почти безвыездно. Человек искренний и открытый, Расул всегда хотел противопоставить любовь ненависти и особенно в последние годы.

Ему было трудно признаться в собственных заблуждениях и больно прозревать изо дня в день. Но он был беспощаден к себе в своих последних стихах. Эта беспощадность просматривается даже в названиях некоторых из них — «Суд», «Суд идет», «Покаяние», «Завещание», «Одиночество».

Только совестливый человек способен на истинное покаяние, а самомнение оставим для напыщенных болванов. Многие его стихи последних лет похожи на молитвы. Вообще вся поэзия Гамзатова — это поиск Бога, недаром, он, считавший себя великим грешником (хотя кто столько делал ежедневного добра людям), надеялся на скромное местечко между адом и раем:

Он спросит: — Эпоха зашла,
как звезда,

В каком из грехов ты бы
ей повинился?
— Лишь в том, что политиком
был иногда,
Хотя на земле я поэтом родился.
Но прежде, чем суд мою участь
решит,
Всевидающим оком всю жизнь
озирая,
Всевышнего я попрошу от души
Найти мне местечко меж адом
и раем.

Его пугало беспамятство идущего на смену поколения, которое отрицало литературные судьбы и творческие поиски таких поэтов, как он. Гамзатов очень тонко ощущал этот надвигающийся хаос, но не столько страшился его, сколько пытался понять. Слишком мудрым и разумным оказался он для этого безумного времени, и, можно сказать, стал последним солдатом своей уходящей эпохи:

Совсем один, как доблестный
солдат,
Что чудом уцелел из всей
пехоты,
Из окруженья выйдя наугад,

вете не только за собственные ошибки, но и за ошибки тех, кому верил.

В начале девяностых Гамзатов оказался, как и вся литература, на обочине, без гонораров, с нищенской пенсией и мизерной зарплатой. Именно поэтому он ушел в себя. И в то же время рьяно защищал писательские интересы, считая, что писательство — это цвет нации, и власть, которая об этом забывает, обречена.

Он раньше многих понял лживость политической системы, в которой ему довелось жить, но среди этой всеобщей лживости отыскал свои спасительные островки — отец

Он раньше многих понял лживость политической системы, но среди этой лживости сумел отыскать свои спасительные островки — отец и мать, любовь и дружба, семья и дети. Он хранил и защищал только вечные ценности, только их боялся утратить

Попал в непроходимое болото.
Совсем один, как раненый
журавль,
В недобрый час отбившийся
от стаи...
Уже давно на юг ему пора,
Да крылья перебитые устали.

Порой о своих заблуждениях он писал с издевкой, порой с горечью, но ничего не скрывал. Гамзатов не просил для себя смягчающих приговоров, ибо знал, что, как Поэт, он в от-

и мать, любовь и дружба, семья и дети. Только вечные ценности хранил он и защищал, только их боялся утратить. Его дар предвиденья поражает. Ведь задолго до Бесланской трагедии он написал воистину пророческое стихотворение «Берегите детей»:

Этот мир, как открытая рана
в груди,
Не зажить никогда уже ей.
Но твержу я, как будто молитву
в пути,
Каждый миг: «Берегите детей!».

Всех, творящих намазы, прошу
об одном —
Прихожан всех на свете
церквей:
«Позабудьте про распри, храните
свой дом
И своих беззащитных детей!»

От болезней, от мести, от
страшной войны,
От пустых сумасбродных идей.
И кричать мы всем миром
сегодня должны
Лишь одно: «Берегите детей!»

Дагестан на протяжении всей со-
знательной творческой жизни Гамза-
това был основной его религией, его
паролем и отзывом. Но базис, на ко-
тором держались все его духовные
ценности, рухнул, и он судорожно
хватался за корень, намертво врос-
ший в его родные горы. Горькие во-
просы Поэта к новому, надвинувше-
муся, как неизбежность, тысячеле-
тию так и остались без ответа. Эпоха
отпечаталась в его творчестве, как
след железной подковы на камне.

В нем в последние годы боро-
лась надежда с безнадежностью.
Но Поэт не цеплялся за жизнь, про-
сто не хотел ее терять, как люби-
мую женщину, любимую до само-
забвения. И в этом была какая-то
трагичность. Его последняя книга,
которую пока не увидел читатель,
может быть, окажется самой глубо-
кой, самой пронзительной и самой
беспощадной по силе поэтического
откровения.

О, время, — ты — флюгер...
По воле ветров
На запад восток променяешь
мгновенно.
Но век мой прошел, и хоть
был он суров,
Моей никогда не увидит измены.

Последние стихи Гамзатова про-
низаны болью, которую он не мог
превозмогнуть. Прозрение стало его
долгим прощанием со своей стра-
ной, со своими читателями, с Пати-
мат, которая ушла внезапно и этим
еще более обнажила нерв его оди-
ночества. При всей его кажущейся
влюбчивости он по-настоящему лю-
бил только свою Патимат, был пре-
дан ей одной, потому и внезапную
потерю ее пережил так тяжело.

Патимат скоропостижно сконча-
лась в 2000 году, остались три до-
чери и четверо внуков. А 3 ноября
2003 года сердце поэта остано-
вилось. Похоронен он в Махачкале на
кладбище у подножия горы Тарки-
Тау, рядом с могилой жены. Расул
Гамзатов покоится там, где хотел, у
города, который он любил, и моря,
которое воспел, как Пушкин.

А легенды о Расуле Гамзатове —
не случайность. Это одно из свиде-
тельств масштабности и значимо-
сти его личности. Человек из Даге-
стана, человек из России, человек
из большой литературы, человек из
легенды — вот кто такой Расул Гам-
затов.

Добрая ему память.

Расул Гамзатов

Зажег в груди я собственной рукой
Три светоча — немало и немного.
О, женщина! Ты — первый светоч
мой,
Как солнце, осветивший мне
дорогу.

Второй мой светоч — крепкое
вино,
В котором находил я
утешенье.

А третий светоч — музыка, она,
Как старый друг, была повсюду
рядом —
Звенела неподкупная струна,
Ни устали не зная, ни разлада.

Увы, дневному свету не дано
Рассеять тьму полных
заблуждений.

Минули годы... Женщина давно
Явила мне лукавое коварство,
И понял я, что сладкое вино
От горечи не лучшее лекарство.

Лишь музыка осталась мне верна,
И, как когда-то в молодости нашей,
Вновь воспекает женщину она
И наполняет дружеские чаши.

* * *

Я потерялся в этом мире
И потерял навек покой.
Я даже в собственной квартире
Не нахожу себя порой.

Ах, сколько раз кардиограммы
Изъян искали в сердце, но
Глубокий след душевной раны
Им обнаружить не дано.

Как та иголка в стоге сена,
Я ото всех надежно скрыт,
Где не найдет меня измена
Рукою цепкой, как магнит.

И ты, любимая, искала
Меня в тумане светлых слез –
Любовь за шутку принимала,
А шутке верила всерьез.

Я сам себя ищу, как слово
Для незаконченной строки.
Найду под вечер, утром снова
Рассыплю все, как медяки.

Я потерялся, как ребенок...
То громко плачу, то смеюсь,
Ищу себя вдали от дома,
Но опытней не становлюсь.

Когда б друзья об этом знали,
Хвалить меня бы зареклись,
И так бы злобно не ругали
Враги потерянную мысль.

Я задолжал себе так много,
Что невозможно подсчитать,
Уже кончается дорога,
А дальше — нечего терять...

ПАМЯТИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Друзья мои — Чингиз, Давид,
Мустай,
Осиротила нас кончина брата.
Сказав Эльбрусу тихое «прощай».
Ушел он в путь, откуда нет возврата.

Скалы, к которой можно
прислониться.

Скорби, Чегем...
И ты скорби, Кавказ,
Под траурною буркой южной

Совсем недавно, кажется, его
Проведывал я в Кунцевской
больнице,
И вот не стало друга моего —

ночи.
Балкария, закрой в последний
раз
Сыновние безжизненные очи.

А, кажется, они еще вчера
Меня встречали искрами
укавства.

Шутил Кайсын:
«Бессильны доктора...
Но смех от смерти — лучшее
лекарство.

Сейчас бы нам созвать сюда
друзей,
Чтобы вдали от суеты и славы
Припомнить, как седлали мы коней
И не меняли их на переправах.

Припомнить фронт и белый
парашют,
Как эдельвейс над черной
Украиной...
Павлычко и Гончар — они поймут
Ту боль, что нас связала воедино.

Киргизию припомнить, где в краю
Пустынном средь безверия и мрака
Опальных лет
Хранили жизнь мою,
Как талисманы, письма
Пастернака...»

...Кайсын устал и кликнул
медсестру,
Сжав сердце побледневшею
ладонью.
Но усмехнулся вновь: «Я не умру,
Покуда всех друзей своих не
вспомню.

Где Зульфия, Ираклий,
Шукрулло?..
Поклон им всем, а также Сильве
милой.

Наверное, с судьбой мне повезло,
Коль дружбою меня не обделила.
Как чувствует Андроников себя?
Где Гранин Даниил и Дудин
Миша?..
Я с жизнью бы расстался,
не скорбя,
Да жаль, что Ленинграда не увижу.
И не поеду больше в горный край
Взглянуть на море со скалы
высокой...
Как поживает там кунак Аткай?
Шинкуба где теперь, абхазский
сокол?
Козловский, Гребнев?.. Верные
друзья
И рыцари разноязыкой музыки.
Досадно мне, что рог поднять
нельзя
Во славию их славного союза».
...День догорел, и ветер в соснах
стих,
Когда в палате Кунцевской
больницы
Мы вспоминали мертвых и живых
Собратьев наших имена и лица.
Вургун, Твардовский, Симонов,
Бажан,
Мирзо Турсун-заде и Чиковани...
Как птица из силков, рвалась душа
В космический простор
воспоминаний.
И в резко наступившей темноте,
А, может быть, почудилось мне это —

Сарьян на простыне, как на холсте,
Писал эскиз последнего портрета.

Кайсын Кулиев умер... Нет, погиб
В неравной схватке с собственной
судьбою,
Не траурный мотив, державный
гимн
Пускай звучит над каменной
плитою.

И если скажут вам: Кайсына нет —
Не верьте обывательскому вздору.
Что б во весь рост создать его
портрет,

* * *

Говорят, земная жизнь подобна
Странному предмету одному —
Что сначала кажется удобным,
А потом не нужен никому.

Говорят, что бытие земное,
Как лавина снежная в горах —
Раскалится солнце золотое, —
И она растает в пух и прах.

Как вода в кувшине убывает,
Так и дни проходят чередой...
Говорят, что люди убивают
Время безнадежной суетой.

Я же не сторонник этой мысли...
Если бы и вправду было так,
На планете вместо светлой жизни
Воцарились пагуба и мрак.

Только корни жизненного древа
Никому не вырвать из земли —

Нам нужен холст снегов, укрывший
горы.

Друзья мои — Давид, Мустай,
Алим,
Я вас прошу, поближе подойдите,
Не для того, чтобы проститься
с ним,
В залог слезу оставив на граните.

Балкария, пускай ушел твой сын
Туда, откуда нет пути обратно...
Но закричи призывное:
— Кайсы-ы-ы-н!
Он отзовется эхом многократным.

В глубину таинственного чрева
Они крепко-накрепко вросли.

И пускай приблизился мой вечер,
И умолк веселый щебет птиц —
Вечна мысль и подвиг
бесконечен,
И таланту тоже нет границ.

Вечен тот, кто пашет на рассвете
И в полночь пишет дерзкий
труд,
Чтобы было, чем гордиться
детям...
Вечен Данте, Пушкин и Махмуд.

Кто сказал, что канет все
бесследно
В роковой мифической реке?..
Мы с тобой останемся
легендой
На родном аварском языке. □

ГЕРОИ

нашего времени

Для русского человека самым главным должно быть беззаветное служение Отчизне — то, за что он, не задумываясь, мог бы отдать свою жизнь.

У нас есть настоящие, подлинные герои нашего времени, о которых надо чаще вспоминать, писать о них, слагать стихи и песни, чтобы воспитывать у людей любовь к Родине.

Это весной исполняется годовщина подвига майора Сергея Александровича Солнечникова.

Год назад — 28 марта 2012 года — на учебном полигоне 35-й армии в городе Белогорске Амурской области во время практических занятий по огневой подготовке командир батальона связи майор Сергей Александрович Солнечников геройски погиб, спасая жизни солдат. Комбат Солнце — так его звали солдаты — накрыл собой боевую гранату, которая после броска одним из военнослужащих упала назад — в бруствер окопа и оказалась у ног солдат.

Никто из них, — там было около ста человек, — благодаря подвигу комбата, не пострадал. А сам майор Солнечников от полученных тяжелых ран скончался.

За мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, ему было посмертно присвоено звание Героя России.

Командование сухопутными войсками занесло навечно имя Сергея Солнечникова в список личного состава воинской части, где он служил, и ежедневно на вечерней поверке его имя называют первым.

Мы должны уважать и воспевать подвиги наших истинных героев, равняться на них. И тогда наша Россия станет великой страной великого русского народа.

Я, как поэт, счел своим долгом, посвятить подвигу Сергея Солнечникова стихотворение. Оно называется «Комбат Солнце».

«За героизм, мужество
и самоотверженность,
проявленные при
исполнении воинского
долга, присвоить звание
Героя Российской
Федерации майору
Солнчикову Сергею
Александровичу
(посмертно)».

Президент Российской Федерации
Д. Медведев

Павел Крылатов

Поэт, член Союза
кинематографистов
России

КОМБАТ СОЛНЦЕ

Посвящается майору Солнчикову

Он, как Солнце, светло улыбался.
Как отец — любил своих солдат.
Час настал — и он не сомневался,
Жизнь свою отдал за них
комбат...

Был ты, Солнце, солнечным комбатом.
Мужем был бы ты прекрасным
и отцом.

Безутешна на земле невеста,
И потерю ей не возместить.
Не находит в горе себе места,
Продолжая все тебя любить.

Он накрыл собою ту гранату,
Что неловко пущена бойцом.

Рвется сердце женское на части,
Боль не в силах страшную унять.
Ты, комбат, дарил ей столько
счастья,
Радость нес ты всем и благодать.

Ты как будто спас меня от взрыва.
Будем жить мы светло, за тебя.
Памятником — каменная глыба,
Что тебе поставили, скорбя.

Так рвануло, что в лесах далеко
Загалдело страшно воронье.
И предстал комбат, ты, перед
Богом,
Подвигом закончив житие.

Верю я, что где-то в поднебесье,
В радужном, сияющем Свету,
Ты поешь, комбат, как Ангел, песни
И глядишь на Божью Красоту.

Нет там смерти, нет и расставанья.
И любимая твоя тебя нейдет.
Царство Божье солнечною ранью
В Рай чудесный Душу приведет.

Быть тебе в веках теперь героем.
Эхо взрыва — слышно сквозь
века.
И командовать тебе Небесным
строем
Ангельского светлого полка.

«Солнчиков?» — в части
перекличка.
А в ответ — всего лишь тишина.

«Слышь, майор, на Небесах,
ты слышишь,
В списках ты на вечны времена».

«Солнчиков» — в Небе
перекличка.
Слышно — «Я» — там звонкое в
ответ.
И Господь тебя, Сережа, слышит,
Ангельский даруя тебе Свет.

Как хотел бы быть тебе я другом,
И тебя от смерти убережешь,
Чтобы жизнь — с любимую
подругой,
Не губила страшная картечь.

Нет ведь выше подвига на свете —
За друзей, коль жизнь нам
положить.
Как Христос, распят гранатой этой,
Ты, чтоб мы могли бы жить.

И коль мне вдруг выпадет такое,
Я тебя, комбат, не посрамлю.
Если надо, то собой закрою,
Всех любимых, всех, кого люблю.

Верю я, что будет воскресенье,
И тогда мы все воскреснем вновь.
Будет встреча, будет упоенье —
В Царстве Божьем — Счастье
и Любовь.

Ты, как Солнце, вечно улыбался,
И за то любил тебя Господь —
Рай тебе навстречу открывался,
В радость превращая твою боль...□

Так уж случилось, что Аркадий Сергеевич Бухов (1889–1937) стал одним из самых талантливых и плодовитых юмористов двух известных сатирических журналов Рос-

сии — «Сатирикон», а позже «Крокодил». За свою жизнь он выпустил более двух десятков книг — рассказов, фельетонов, юморесок, стихов, пьес, и даже один ро-

ман. Однако судьба повернулась так, что он оказался на оккупированной белополяками территории, в Ковно, где задержался на несколько лет. И хотя в 1926 го-

ду вернулся на родину, у его завистников появился в руках козырь, который и был пущен в игру — 7 октября 1937 года писателя расстреляли как врага народа...

Сегодня Аркадия Бухова мало кто читает и помнит. Однако иногда стоило бы и заглянуть в старые страницы. Рассказ «Пасха будущего», опубликованный

впервые в «Сатириконе» более чем за пять лет до замаятинского романа «Мы», свидетельствует об умении писателя предвидеть некоторые черточки будущего.

Аркадий Бухов

ПАСХА

Б У Д У Щ Е Г О

Это происходило тогда, когда везде был социалистический строй, и вся жизнь велась на коммунистических началах, на почве добра и справедливости.

Иван Федорович Ермыхин, № 317, литера А, сидел на кровати и ждал утренних визитов. Каждую Пасху он уезжал за город, но на этот раз его поймали и заставили остаться в городе.

— Нельзя создавать неравенства, — сухо сказал ему заведующий коммунистическим отдыхом, — на вашу долю приходится известное количество кубических сантиметров воздуха, а вы норвите надыхать за городом за десять человек... Так нельзя, № 317. Оставайтесь и исполняйте гражданский долг.

Когда Ермыхин все-таки хотел удрать, оказалось, что это невозможно. Паровоз категорически отказывался везти. Искали, не сломано ли где колесо, или в исправности ли рельсы. Все было цело, и через полчаса нашли в одном из вагонов смущенного Ермыхина.

— Вы хотели уехать?

— Именно.

— Ваше разрешение?

— Потерял. И вообще, его не было.

— Сойдите, — вежливо предложил начальник станции и, подойдя к паровозу, снял шляпу, — товарищ-паровоз, можете трогаться. Ермыхин снят.

Паровоз улыбнулся и пошел.

А Ермыхину суждено было остаться дома.

— Кто там, гражданка Агафья?

— Граф Лудищев. Полотер.

— Просите. Пожалуйста. Очень приятно познакомиться: Ермыхин, 317. Литера А.

— Лудищев, 2441. Эту неделю по постановлению коммунального совета мы с братом исполняли обязанности полотеров. Разрешите поздравить вас с праздником и предложить вам...

— Мне, право, так неловко...

— Господин Ермыхин, не забудьте, что я обязан поделиться с вами избытком прибыли... Ваша часть. Рубль сорок, потрудитесь пересчитать... Всего хорошего.

— Воистину. Гражданка Агафья... Товарищ Агафья!.. Равноправная Агафья... Звонят...

— Простите, я читала Шекспира. Вам нравится он в подлиннике?

— Нравится. Отворите. Здравствуйтесь. Чем могу...

— Трубочист. Возьмите скорее ваши рубль двадцать... Некогда...

— До свиданья. А вам что?

— Уж я извиняюсь, без поздравлений... Местный дворник. По общей дворничьей подписке вам шесть рублей причитается...

— Так много, право...

— Ах, нет, оставьте. Вы обязаны брать... Мы лично принимаем поздравления завтра, от двух до четырех...

Через два часа Ермыхин ходил крупными шагами по комнате и сжимал виски.

— Гражданка... Вы... Которая там, в кухне... Скажите, что если они еще со своими деньгами лезть будут... Они не имеют права... Я не позволю, чтобы в меня, как миндаль в тесто, со всех сторон рубли совали... Я буду жаловаться.

А у дверей уже кто-то стоял и, видимо, дергал звонок.

— Дома 317-й? Передайте ему четыре рубля от почтальонов...

— Послушайте, вы, 317-й... Как красивее выразиться: узывные глаза, или безграничный взгляд?

— Вам зачем, гражданка?

— Тут на кухню зеленщик приходил... Он всегда такой. Ущипнет, а потом не знает, как бы покрасивее ответить... Ах, да, кстати... Там уже с полчаса гости в столовой дожидаются.

В столовой, действительно, ожидали гости.

— Боже мой, 42-я!.. — обрадовался Ермыхин. — Мадам 611-я... Кого я вижу... И литера Б с вами... Очень приятно... А вы, 4789-й, все такой же хмурый.

— Я не могу нарушать равенства, — холодно ответил 4789-й. — Сейчас я проходил по улице и видел, как два гражданина держались за водосточную трубу и плакали. Мое веселье может их обидеть.

Всем стало неловко.

— Все люди равны, — робко начал Ермыхин.

— Счастье одного — счастье всех, — кокетливо улыбнулась мадам 42-я.

— Солнце всходит и заходит, — поддержал 4789-й.

«Хоть бы ушли», — уныло подумал Ермыхин, но вежливо поддержал разговор. — Лошади бегают на четырех ногах. Земля есть общее достояние.

— И недра ее, — кивнула головой 611-я.

Чувствуя, что настроение поколеблено, Ермыхин предложил закусить.

— Закусите, чем государство послало.

— Пасха не разделена на квадраты, — мрачно посмотрел на стол 4789-й, — и я могу взять лишний кусок.

— У меня нет точных приборов, — падающим голосом ответил Ермыхин, — есть только барометр и микроскоп.

— Почему же вы сами не кушаете?

— У меня катар, — соврал Ермыхин.

4789-й выплюнул большой кусок ветчины и обиженно покачал головой:

— Что же вы раньше не сказали? Один гражданин будет есть копченую свинину, а другой... Я не могу так. — И вдруг, побледнев, стал быстро одеваться. — Нас здесь семь человек, — с ужасом в голосе сказал он, — а рядом в гостях — четыре... Общество не может этого допустить...

Вскоре ушли все. Ермыхин сидел один и сковыривал с ветчины синий номерок и надпись: 282, 13 фунтов, холостому, на 11 дней.

Через час Ермыхин подошел к телефону и нажал кнопку. Телефонный аппарат сухо улыбнулся:

— Сегодня праздник, и я не работаю.

— Виноват, я совсем забыл, — сконфузился Ермыхин, — может быть, группа Б работает.

— Она тоже человек, и ей отдохнуть хочется.

— Ну, ладно. Пойду пройдусь.

Гулял он недолго. На углу его остановил дневной сторож департамента прогулок и предложил идти домой.

— Я не хочу.

— Сейчас время обеда. Граждане обедают.

— У меня катар. Я не могу обедать.

Сторож немного подумал и ответил.

— Катар общее достояние.

— И недра его, — почтительно добавил Ермыхин. — Пустили бы погулять, дяденька гражданин.

— Время для прогулок от четырех до семи.

Ермыхин пожал плечами и пошел нанимать извозчика. На улице не было ни одного.

— Сегодня праздник, — ласково объяснила ему какая-то кошка, наклоняясь с крыши, — извозчики сейчас бреются и пьют шоколад, а лошади играют в шахматы.

Она лукаво взмахнула хвостом, на котором болтался металлический номерок: 37-я, дворовая, на частном питании.

В семь часов Ермыхин сидел у любимой женщины.

— Катенька, — робко говорил он, взяв ее за руку.

— Для кого Катенька, а для вас 419-я, — вспыхнула она, — вы не имеете права пользоваться моей рукой.

— Я люблю вас, — безнадежно вздохнул Ермыхин, — будьте моей женой.

— То же самое мне говорили 8431-й, 78-й и 343-й. Они такие же граждане, как вы.

— Пошлите вы все номера к черту... Они идиоты... Особенно 343-й.

— Мое сердце принадлежит вам, но я не знаю, как на это посмотрит брачное бюро.

— Может, оно еще мне посоветует товарищество на вере обосновать... Я не хочу... Катенька, позвольте в шейку... Вот так...

Чей-то негодующий голос ворвался с улицы, и в окно просунулось возмущенное лицо:

— Они целуются... Вы видели — они целуются! Человек кошелек потерял, а они целуются...

— Я после потеряю, — виновато ответил Ермыхин.

— Плевать на ваш кошелек. Вы должны выбежать на улицу и сочувствовать.

— Может, можно сидя...

— Ни под каким видом... Я буду жаловаться...

Делать было нечего. 419-я и 317-й оделись и вышли на улицу. Так как потерявший кошелек искал долго и по всем улицам, Ермыхин с любимой женщиной ходили за ним около двух часов и громко выражали сочувствие.

— Нашел, — внезапно спохватился потерявший. — Я его ищу, а он у меня в боковом кармане.

— Какого же черта я за вами шлялся, — с дрожью в голосе закричал Ермыхин, — я потерял целых...

Гражданин подумал и сказал:

— Я вам должен 1 час 57 минут сочувствия. Когда у вас заболят зубы, позвоните мне по телефону. Я приду, сяду около дома и буду плакать.

Вспоминая весь сегодняшний день, Ермыхин долго не мог уснуть. Он вертелся на кровати, закрывая глаза, и все равно сна не было.

Ермыхин подошел к окну. Напротив — спали.

«Я тебе покажу», — злобно подумал он и, высунувшись из окна, крикнул:

—Сторож... Гражданин сторож... Товарищ, бляха 17-я... Будите их, чертей...

— Зачем, гражданин?

— Земля есть общее достояние. Каждый человек равен самому себе. Все люди равны. Я не сплю, а они дрыхнут.

— Сейчас время сна... Спице.

— А если я не хочу?

— Не хотите? А вот это мы сейчас посмотрим... У меня уснешь... Я тебе засну... Я тебе покажу бессонницу...

Через несколько минут комната Ермыхина наполнилась суровыми людьми. Один из них спросил сухо и официально:

— Гражданин 317-й... Первую пасхальную ночь вы обезобразили тем, что вопреки общему порядку...

— А вот не хочу, и не буду спать...

— Не посмеете...

— Не хочу и не буду...

— Вязать! — приказал сторож.

— Не смеете. Сначала нужно третейский суд устроить.

— Выберите судью.

И вдруг весело рассмеявшись, Ермыхин вытащил какую-то бумагу.

— Читайте, — подмигнул он.

Сторож прочел и почтительно снял шляпу:

— Простите, гражданин.

На бумаге стояло:

— «317-й. Выдано из совета неожиданностей, за № 28341. Влюблен. Безнадежно. Разрешается не спать и вздыхать громче положенного. В случае взаимности, действие означенной бумаги прекращается».

Это была первая Пасха, когда все люди были равны, а земля стала общим достоянием. И недра ее. □

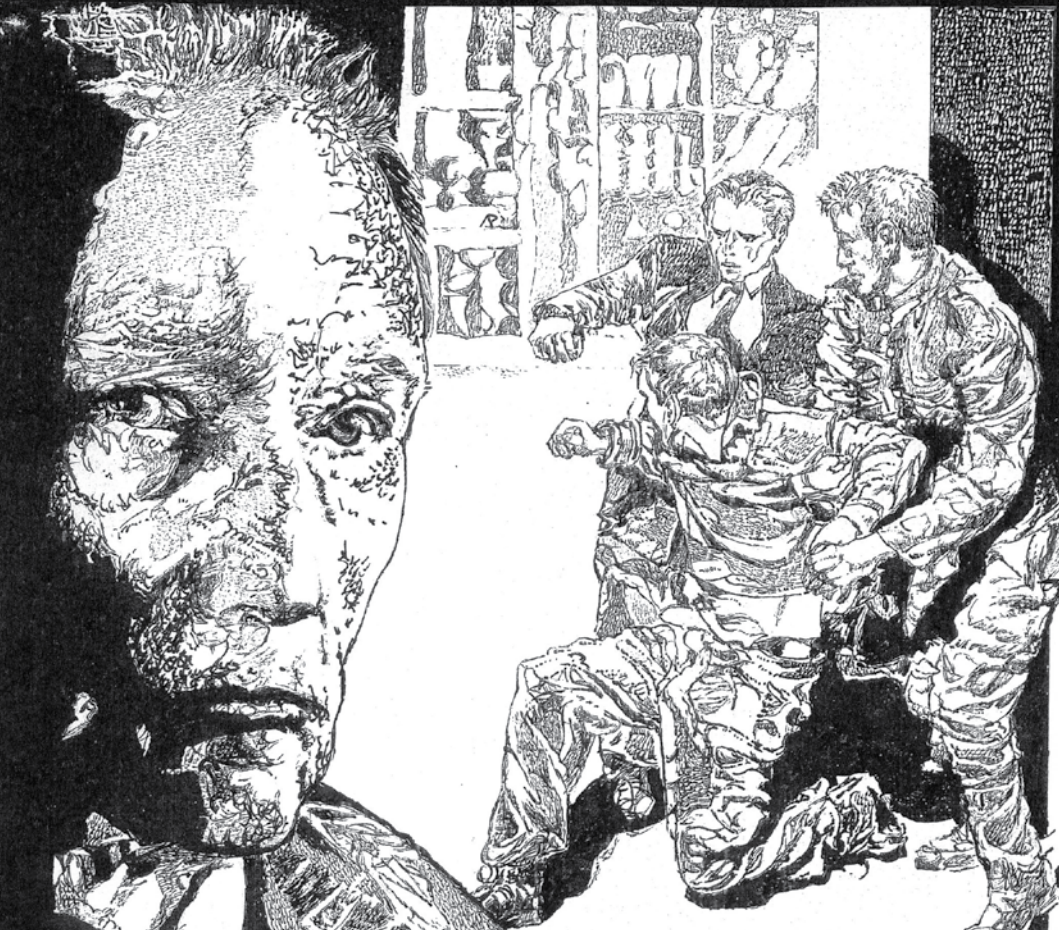
Публикация **Станислава Никоненко**

Евгений Карпук

...и орден

Красной Звезды

Озеро в США с самым длинным мостом застопорило процесс разгадывания кроссворда окончательно. Сергей, постукивая карандашом по журналу, примерял ответы к ближайшим столбцам, но сгруппировавшиеся вокруг неведомого водоема вертикальные и параллельные клетки никак не заполнялись...

Ворвавшийся в каптерку шум пилорамы заставил его отвлечься, он поднял голову. В дверном проеме стоял старик-заключенный:

— На большом рейсмусе питающий кабель греется. Надо бы электрика вызвать, проверить привод.

— Сейчас гляну... — рассеянно пообещал Сергей и снова склонился над кроссвордом. — Озеро в США...

— Чего? — не расслышал старик из-за шума.

— Это я про себя... Кроссворд гадаю... — хмыкнул Сергей.

— А-а... — откликнулся дед, но не ушел, напротив, шагнул в комнату, закрыл за собой дверь и, негромко кашлянув, спросил:

— Что там за вопрос?

Этот низкорослый дедок, в черном бушлате, ватных штанах и валенках, с белым пушком волос на голове и с каким-то странно-мудрым взглядом недобрых потухших глаз, числился помощником бригадира.

— А ты что, эрудит? — недоверчиво поинтересовался Сергей.

— Эрудит не эрудит, но побольше других знаю...

— Даже так? — усомнился Сергей. — Озеро в США с самым длинным мостом. Двенадцать букв, первая П, четвертая...

— Понтчартрейн! — не дал договорить старик.

Сергей принялся вписывать в клетки подсказанное слово и на четвертой букве споткнулся... Споткнулся, хотя она и совпала. Получилось «Понт», что на блатном жаргоне означало «обман», «подвох»... «Разыгрывает меня дед», — подумал он и вслух сказал:

— Понт, говоришь...

— У вас богатое воображение, гражданин начальник! — с укоризной взглянул на него старик. — Замечу только, что через озеро Понтчартрейн проходит мост-дамба протяженностью тридцать восемь с половиной километров. Построен он в 1969 году, и в том же году попал в Книгу рекордов Гиннеса как самый длинный мост в мире.

Сергей задал еще три вопроса. Все ответы последовали без запинки и четко легли в клеточки кроссворда! «Не иначе как вчера в отряде мусолил этот и следующий «Огонек», подсмотрел ответы и теперь выдает их за собственную эрудицию», — решил он. Загнул край журнала, глянул на дату выпуска, удивился: номер был за семьдесят шестой год, семилетней давности...

— Так кабель смотреть пойдём? — напомнил старик.

— Как фамилия? — спросил Сергей вместо ответа.

— Глазов!

— Скажи, чтобы вырубил станок, я сейчас подойду...

Сергей по телефону вызвал дежурного электрика, потом порылся в кипе сваленных на тумбочке журналов, выбрал два, один раскрыл на нужной странице, положил на стол напротив, другой взял себе и вышел в цех, заперев за собой каптерку.

Исправительно-трудовая колония строгого режима № 288-15, в простонародье «Пятнашка», обозначала восточную окраину Норильска. С запада вплотную к ней примыкал город, с востока — тундра. По протекции своего дядьки, посвятившего себя служению системе исправительных учреждений, двадцатипятилетний Сергей два месяца назад оказался в мастерах деревообрабатывающего цеха этой колонии. Заработок — один из самых высоких в крае, отпуск за год — два месяца, вредность, стаж — полный комплект льгот. Вот только все эти коврижки, которыми дядька заманил его на работу в «Пятнашку», аюкались и давили на Сергея такой атмосферой зла, что выдержать ее было непросто.

В колонии отбывали срок две тысячи рецидивистов, большая часть жизни которых прошла за колючей проволокой в обществе себе подобных.

Заключенные подчинялись своим неписаным законам, и отвратительные человеческие пороки в тюремной среде являлись нормой. Каждый зэк при случае мог растоптать «товарища по несчастью», сильный выбирал себе добычей слабого, но при этом и сам мог оказаться жертвой. Беспринципные, подлые и жестокие, они лезли по головам в верха внутренней иерархии, и атмосфера зла за забором царилла всецело. Здесь скопилось столько подлости и коварства, что зло не только читалось в сгорбленных спинах и затравленных, свирепых взглядах зэков, но и передавалось офицерам, будто зараза какая-то. Сергей скоро уяснил: кто сидит, и кто охраняет, весьма схожи, «зазаборная» аура впитывалась всеми одинаково.

С первого же дня он испытывал это и на себе. Никакого удовлетворения новая работа ему не сулила, к тому же, время «за забором» тянулось мучительно долго, а безделье угнетало особо.

Мастер исполнял функции некоего дежурного начальника, как того требовал производственный процесс на случай поломки оборудования, травмы или необходимости вмешательства других специалистов. Обязанности Сергея — выдача задания, контроль обеспеченности цеха лесом и производства из него пиломатериалов. А поскольку система была отлажена до мелочей: кубометры кругляка подавались снаружи по первому требованию бригадира, пакеты заготовленной доски росли, все крутилось и вертелось без его участия, — Сергей натаскал в каптерку журналов «Огонек» и большую часть смены перечитывал их, убивая, таким образом, время.

...Цех встретил его натужным визгом пилорамы, запахом свежей стружки, гулом компрессора и недобрыми взглядами рецидивистов: «Сидел бы в своем кабинете, так нет, опять путается тут под ногами...» Не обращая на них внимания, Сергей разыскал Глазова и прошел с ним к неисправному станку. Там уже копался электрик. Когда рейсмус запустили в работу, Сергей призывно махнул старику.

Все отбывавшие срок в колонии, кроме больных, инвалидов и пенсионеров, обязаны были трудиться, и часть их поочередно в две смены работала в деревообрабатывающем корпусе промзоны. Мелкий старичок преклонных лет, непонятно как оказавшийся в числе необходимых производству «специалистов», терся среди крепких зэков-рабочих, казалось, безо всяких оснований. Сергей интересовался: чем, собственно, этот «пенсионер» занимается? Но «бугор» вступился за деда, мол, старику в отряде скучно, а тут срок шибче мотается, да и в авторитете дед в великом у мужиков и у блатных — те его тоже уважают, есть, за что...

Так он и ошивался в цехе: зайдет пару раз за день к Сергею, сводку выработки сообщит, уведомит, к примеру, что двигатель задымил на станке или еще что...

За забором — как Сергей именовал про себя колонию — было много разных странностей, непривычных, а то и диких в обычной жизни, и на такую мелочь, как безделье деда, он закрыл глаза. Лишь бы тот под пилу не попал или не сунул в нее какого-нибудь своего обидчика...

Сергей вернулся со стариком в каптерку, отгороженную от цеха, — обшитую фанерой комнатку три на три метра. Устоявшийся запах табака, по стенам лавки, напротив двери письменный стол с внутренним телефоном, рядом заваленная журналами тумбочка, полка с производственными папками, над головой светильник дневного света — вот и весь «кабинет»...

Подойдя к столу, он сказал:

— Проходи, Глазов, покажи, что знаешь... — и, кивнув на журнал, бросил поверх него карандаш.

Старик окинул взглядом угол столешницы: пепельница, коробок спичек, пачка «Беломора», согнутый пополам журнал на странице с кроссвордом — снял с головы шапку-ушанку, сунул ее под мышку и, присев на лавку, углубился в чтение... Через пару секунд он уже записывал в клеточки нужные слова.

— Пересядь к столу, что ты там согнулся, — заметил Сергей, но дед, не отвлекаясь, буркнул: «Мне так удобней...»

Минут через тридцать он свернул журнал, положил на стол:

— Еще есть?

Сергей молча протянул ему другой «Огонек», а сам взял со стола просмотренный дедом, отметил, что незаполненных клеток в ребусе не осталось, и принялся сверять с ответами в следующем номере. Уже через пару минут поймал себя на мысли: «Этого не может быть! Три высших образования не хватит, чтобы за полчаса решить столь сложный ребус: вопросы разноплановые, из сферы науки, культуры, искусства...»

— Откуда у вас такие знания? — не удержавшись, спросил он.

Старик поднял голову, усмехнулся уголком рта и ответил:

— У меня одна изба-читальня — барак лагерный...

— Неправда! — не поверил Сергей.

— Правда, гражданин начальник! Просто... в свое время меня приучили многое запоминать раз и на всю жизнь.

— Это где же?

Старик поднялся с лавки, вернул журнал на место, водрузил на голову шапку:

— Есть такие школы... Пойду я, а то «бугор», поди, потерял...

Сергея хоть и разбирало любопытство, но задавать вопросов он больше не стал. Контингент колонии такой: захочет — сам скажет, а не захочет — клещами слова не вытянешь!

В конце смены дед снова заглянул в каптерку, сообщил выработку бригады и попросил дать ему пару журналов на вечер, заверив, что завтра же вернет.

— Бери, сколько хочешь, — позволил Сергей, указывая на тумбочку. Его подмывало вызвать старика на откровенность, но смена закончилась, бригада отправлялась в отряд.

Глазов взял три номера и удалился, не поблагодарив.

... Два месяца пять раз в неделю Сергей входил в тюремные ворота ИТК и все никак не мог избавиться от неприятного чувства, вызываемого скрипом и лязганьем запиравшихся за ним запоров. Уже и овчарка, пристегнутая цепью к будке в кармане проездных ворот, не дыбит шерсть, признает за своего и даже хвостом повиливает, завидев Сергея, а он во власти какой-то тревоги минует штаб, пройдет кордонами КПП, пока не окажется в промзоне. В это утро ситуация повторилась. Сергей сбросил с себя напряжение на подходе к цеху, как только окунулся в запах свежей стружки. Производственный антураж: многочисленные станки, гора пиловочника, мощные вентиляторы-вытяжки, штабели готовой доски — «отгородил» его от гнетущей тюрьмы, и ощущение тревоги отпустило окончательно.

... Разводящий привел две бригады в цех. Сергей выдал задание, распорядился насчет отгрузки заготовок «мебельщикам» и заметил у рейсмуса деда-посыльного. Тот стоял, смотрел в его сторону, дожидаясь, когда «начальник» освободится. Сергей сам подошел к нему, и старик, вынув из-за пазухи журналы, спросил:

— А следующий номер есть?

— Заходи, поройся, может, и есть...

В этот момент бригадир запустил компрессор, а под его «аккомпанемент» разговаривать стало проблематично. Тут же к шуму компрессора присоединился вой пилорамы, и Сергей демонстративно направился к себе. Глазов последовал за ним. В каптерке, как только за стариком закрылась дверь, приглушив шум работающих станков, Сергей поинтересовался:

— Что-то все-таки не поддалось и твоим обширным знаниям?

— Все поддалось, гражданин начальник! Там другое...

— Что же?

— Семенов. Противостояние. Власовец. Я с ними встречался...

— Чего? — не понял Сергей.

— Роман Юлиана Семенова «Противостояние». Герой — высококлассный диверсант, власовец. А окончания нет...

— Читал, знаю... Ищи тут недостающий номер. — Сергей указал на пачку журналов на тумбочке и быстро подыскал предлог для продолжения разговора: — Это последний роман Семенова, а ты его «Семнадцать мгновений весны» читал?

— Детский лепет! — бросил через плечо дед. — Ваш Штирлиц засыпался бы, только переступив порог рейхсканцелярии... Хотя он до нее и не добрался бы при его подготовке, характере и способности подставляться на пустом месте! «Противостояние» более достоверно. Я stalkивался, знаю... Вот! Нашел! — Он потряс номером «Огонька» и ушел.

Сергей даже подосадовал на себя, что не сумел задержать его в каптерке. Поразмывлив, все же не утерпел и отправился в цех.

Глазов сидел на ящике из-под шурупов у штабеля готовой доски и жадно глотал страницы. Сергею даже показалось, что дед читает наискосок, но, присмотревшись внимательнее, он убедился, что тот пробегает текст целиком, без пропусков. Грохочущий рядом компрессор его нисколько не отвлекал. Сергей приблизился почти вплотную, и старик, заметив его, отложил журнал, поднялся.

— Ты заходи ко мне, покурим... — склонившись к нему, прокричал Сергей.

Старик не ответил и не кивнул... Уселся на место и снова погрузился в чтение. Сергей еще дважды появлялся в цехе и оказывался поблизости, но дед не реагировал на его присутствие...

...Часа через два после обеда Глазов зашел в каптерку и положил номер на стол:

— Спасибо, гражданин начальник!

— Понравился роман?

— Да, противник достойный во всех отношениях. Концовка смазана. Не стал бы диверсант его уровня уходить, поняв, что его «пасут». В людном аэропорте оторвался бы от преследования, способов-то масса... Зарылся глубже, выждал пару месяцев и потом ушел спокойно в другом месте.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи... Мне интересно... Где ты встречался с диверсантами? Да ты садись, закуривай.

Сергей протянул пачку «Беломора». Глазов посмотрел на него чуть снисходительно: «Что, начальник, заинтриговала тебя моя персона?» Снял шапку, опустил на лавку и, угостившись папироской, спросил:

— Сколько до конца смены?

— Два с хвостиком...

— Расскажу... — Глазов прикурил и с наслаждением затянулся. — Может, моя история вас чему-то научит...

В конце тридцатых годов военная пропаганда сделала свое дело, и мы, мальчишки, бредили армией поголовно. Все хотели стать непременно военными летчиками, на худой конец, танкистами. Но по окончании школы я поступил в офицерское пехотное училище, хотя тоже мечтал о «летной учебке». В любую военную школу попасть было непросто, а в летную практически невозможно. К концу второго курса нас, десятка два таких же,

как и я, раздолбаев, отобрали в отдельную группу. Принцип того отбора я понял позже. В группу попали только те, кто имели дисциплинарные взыскания, и кому учеба давалась легко, кто не корпел над тетрадками, но успевал по «профилю». Иными словами, отобрали дерзких, рискованных и, естественно, не глупых.

Определили нас на спецкурс армейской разведки, и началась совсем другая учеба. Муштра в разы ужесточилась. Нас натаскивали запоминать и оценивать обстановку, быстро заучивать тексты, владеть всеми видами оружия, маскироваться, уходить от преследования, брать языка, нападать и обороняться. Все это между занятиями на полосе препятствий зимой и летом, между кроссами на десять, двадцать, тридцать километров, овладением приемами защиты и нападения и прочей физической подготовкой. Сразу отсеялись курсанты с замедленной реакцией и слабым здоровьем. Спали мы семь часов в сутки, а остальное время сидели на занятиях, бегали, прыгали, бились друг с другом в рукопашной и осваивали машины, взрывчатку, рацию. Дрались ножами и саперными лопатами, с двухсот метров «сняли часового» из «Мосина» без оптики, стреляли с двух рук из пистолетов и научились выживать без запасов воды и пищи. Нас готовили ориентироваться в любой местности в любое время суток, определять минные поля и обходить их, владеть рацией, водить машины и танки, прыгать с парашютом, устраивать диверсии.

После Финской к нам пришел странный, на первый взгляд, инструктор. Он носил общевоинскую офицерскую форму без петлиц. Потом объявился в летной форме, а в другой раз в пограничной. Все наши офицеры смотрели на него с опаской и выполняли его указания беспрекословно. Ни имени его, ни настоящего звания, ни рода войск мы не знали. Он был инструктором по рукопашному бою, хотя на полномесного инструктора не тянул: худощавый, в круглых роговых очках.

Глазов умолк, и пауза затянулась. Сергей даже забеспокоился, как бы он не придумал себе какое занятие, не поднялся и не ушел. Но тот, помолчав пару минут, продолжил:

— Поначалу мы его недооценили. Но если всю боевую учебу в разведшколе можно было свести к умению убивать, то наш Очкарик принялся учить нас убивать в невозможных условиях: противостоять в одиночку группе врагов, насмерть бить ногой, кулаком, ладонью, пальцем. Он заставил нас напилить штук пятьсот фанерок размером с тетрадный лист, после сам мелом нарисовал на каждой «лицо» из бровей, глаз и полоски носа и, закрепив их на десяти стендах, легко прошелся вдоль ряда с винтовкой Мосина, тыкая снизу вверх в нарисованное «лицо» четырехгранным штыком. Вроде бы ничего сложного, но он буквально замучил нас своими требованиями. Повторить его удар никто из группы не смог ни с

пятого раза, ни с десятого. Каждой мишени он угодил точно меж бровей, причем, не целясь и без замаха. При этом во всех шестислойных фанерках оказались пробитыми четыре слоя, а пятый и шестой остались невредимы. Именно этого и добивался от нас инструктор: удара штыка не в глаз, нос или лоб, а точно меж бровей, с повреждением четырех слоев фанеры и сохранением пятого и шестого. «При таком ударе, — пояснял Очкарик, — смерть наступает мгновенно, а у вас появляется шанс нанести еще два-три, не мешкая. Если штык пробьет кость черепа, падающее тело увлечет вас с винтовкой за собой, а вынуть штык из пробитой головы непросто... Из мягких тканей тела — того пуще... На это нужно время, которого у вас не будет. Короткий же, несильный удар в нервный узел между глаз позволяет сохранять силы и за пять секунд обезвредить трех нападающих».

Зачем нам нужен был такой удар, мы не понимали: в штыковые атаки разведка не ходит! Но Очкарик натаскивал нас до одури и до такой степени изнеможения, что мы порой уже не имели сил и на слабый удар... А он нам: «Недобитый или ушедший от вас противник становится вдвойне опасней, потому как нападет на вас, когда вы меньше всего этого ожидаете». Со временем мы все усвоили его мастерство, попадали точно меж бровей и пробивали только четыре слоя фанеры. И тогда Очкарик усложнил задачу. Привязал к стендам по две веревки, дергал за них, изображая «двигающуюся» мишень, то есть «голова» ходила из стороны в сторону, как если бы человек бежал на тебя... Как только мы усвоили «бегущее лицо», сами забегали... Очкарик половину группы уложил за мишенями с веревками, другая половина бежала навстречу и поражала рисованные лица. Казалось, нашим мучениям не будет конца, но тут настало двадцать второе июня, все ученья свернули, а двадцать восьмого мы уже катили в лейтенантских петлицах на Западный фронт.

Рассказ Глазова целиком поглотил Сергея. Он уже не слышал шума станков за стенкой и весь погрузился в исповедь этого обычного на вид деда. А тот спокойным, даже равнодушным голосом излагал ему историю своей жизни:

— Задачи нам ставились иногда просто невыполнимые. Шансы вернуться из-за линии фронта были намного ниже, чем погибнуть там. Мы раз за разом «ныряли» к немцам в тыл, отмечали огневые позиции, расположение артиллерийских расчетов, концентрации эшелонов, дислокации отдельных полков, высчитывали направление главных ударов, устраивали диверсии, приносили языков. Ощущения на вражеской стороне такие же, как если бы тебя заперли в клетке с тигром: весь на взводе, нервы на пределе... Почти каждая такая вылазка становилась для кого-то последней. Немцы — вояки грамотные, исправные: в половине случаев засекали нас. Тогда мы теряли одного-двух товарищей, прикрывавших отход груп-

пы. Те, кто овладел искусством убивать в совершенстве, выживали. Вернее, это искусство позволяло немногим из нас выживать.

...Один раз мне выпало уничтожить свою группу. Понимаете, своих же, проверенных ребят, с кем много чего проделывал в гостях у фашистов. А тут напоролись на засаду! Немцы нас запустили в заранее заготовленный капкан, и захлопнули ловушку... По внутренней инструкции, если группа захвачена, то обязана себя уничтожить, или кто-то один должен подорвать своих товарищей, по возможности, вместе с фрицами. Каждый из нас знал это и был готов исполнить. Все решили, что я буду пытаться вырваться, как опытный, маленький, незаметный. Я удачно снял немца из оцепления: никто меня не засек, хотя шли они цепью на расстоянии прямой видимости, прополз вдоль балки, зарылся в укрытии на высотке и по договоренности стал ждать, когда ребята, увлекая за собой преследователей, отступят в низину. В живых из них осталось только двое... Патроны кончились, я забросал ребят гранатами вместе с подступившими немцами и сумел вернуться к своим. — Глазов умолк ненадолго, у него задрожали пальцы. — Потом пил три дня, и спирт меня не брал... — Он тяжело вздохнул, но собрался и заговорил уже увереннее: — У нас существовал такой порядок: после каждой боевой вылазки группа дней пять снимала с себя напряжение. Все были на пределе, а то и за гранью возможного... Спирт дурманил голову, нейтрализовал мандраж, притуплял расстроенную психику. В день отдыха спирта давали по триста граммов — это больше бутылки водки на каждого. Но и его не хватало...

На фронте, где шли бои, да и в прифронтовой полосе люди, близко соприкоснувшись с войной, спешили жить. Никто не знал, доживет ли до какого-нибудь логического конца этого ада, поэтому люди не строили планов на будущее, понимали, что будущее каждого под большим вопросом... Нам американскую тушенку давали как НЗ, да какое там... Съедали ее тут же! Может, завтра убьют, так чего добру пропадать...

Дверь неожиданно распахнулась, впустив в каморку рев пилорамы, и на пороге вырос заключенный. Он окинул любопытным взглядом Глазова и, не смея войти, прокричал из проема:

— Гражданин начальник, там «бугор» спрашивает: можно горбыль пезевезти к печи?

— Передай: пусть поступает, как считает нужным! — распорядился Сергей, и эзк тут же исчез.

Сергей взял пачку папирос, выбил две, одну сунул себе в рот, другую протянул Глазову. Тот принял ее, но не стал прикуривать, а припрятал за козырек своей шапки и продолжил:

— Деревни, попадавшие в линию фронта, выселялись за двадцатиклометровую зону, и гражданских лиц на передовой и вблизи не было. А мы

молодые... После очередной вылазки, уже в сорок втором, пошли вчетвером в ближайшую населенную деревню за двадцать с лишним верст. А там бойцы заградотряда, злейшие армейские враги... Мы ненавидели этих тыловиков лютой ненавистью, и они платили нам тем же. Что такое заградительный отряд, вы себе и представить не можете. Это армейское подразделение не только с пулеметными командами, но и с артиллерией, и с танками! Только что авиации у них своей не было... Квартировались они в прифронтовой полосе, жили сытно и весело, подтягивались к передовой только во время активных боевых действий. Служба у них была раем. Пока мы пластались на переднем крае, эти тыловики, прячась за нашими спинами, жили в деревнях в свое удовольствие, причем с точки зрения возложенных на них карательных функций считали себя выше всех остальных.

И тут они встречают нас, разведчиков, совсем не ласково: деревня наша, бабы наши, а вы, пехота вшивая, валите отсюда, покуда целы. Видят, что нас всего четверо... — Старик вздохнул и как-то равнодушно обыденно сообщил: — Но мы первых-то просто повыкидывали из хаты, оружие отняли, чтоб не брякали им попусту... Перед девками извинились за этих грубиянов и только за стол сели, как их человек десять ввалило... Покалечили мы только двоих... Я случайно их лейтенанту глаз выбил, да Толик, мой сержант, одного слуха лишил... Носы, руки, ребра переломанные никто не считал... Пока они в себя приходили да сопли утирали, мы ушли огородами...

Вычислили нас на другой же день, да это было и несложно, ведь считай, почти полвзвода солдат пострадало... Такое могла проделать только группа разведки, а отсутствовавших групп всего три! Из них две на задании, и только лейтенанта Глазова «на отдыхе». Так я попал в офицерский штрафбат...

А штрафники — это самоубийцы поневоле. — Глазов сжал гильзу, сунул сплюснутый конец в рот, чиркнул спичкой, прикурил, пустил струйку дыма в потолок. — Винтовка с одной обоймой — иди-ка, повоюй с пятью патронами... До сих пор понять не могу, зачем же было своих так бездумно наказывать... Все мы — офицерский кадровый состав, а с командирами в сорок втором, да и позже ой как туго приходилось... Необстрелянные сержанты водили в бой роты. Но мне тогда повезло... Цапнул меня немецкий осколок очень аккуратно... Срезал кожу с плеча и шеи, и я наглядно «доказал», что «смыл кровью» свою вину. Уже через неделю меня вернули в мой же полк.

В сорок третьем ситуация повторилась. Пошли втроем в деревню, а там опять эти каратели... А я злой на них да и крепко выпивши был... Пошел крошить сволочей, невзирая на звания. Двоих положил в хате и человек

пять во дворе. Но никого в тот раз не покалечил, только... одному руку сломал, другому палец. И уйти не успел... Сбили меня армейским «студебекером»... Я сознание-то потерял, а они меня связали, и в том же «студере» привезли в штаб, сдали особистам. И опять мне офицерский штрафбат! Причем я еще легко отделался... Во-первых, прецедент, а во-вторых, попал сразу к особистам. Тем тоже надо свою деятельность показывать, а тут и рыть ничего не требуется... Вон он, «предатель», связанный лежит в «приемнике»... Припомнили мне, что в первом случае лично я обеспечил инвалидность лейтенанту заградотряда. Короче, «засветил» мне трибунал со сроком, но за меня комразведки вступился. Подал рапорт, в котором на трех листах описал все мои боевые вылазки. Особист потом сказал с издевкой, мол, благодари свое начальство: они убедили командование фронтом, что без тебя войну им никак не выиграть... В общем, обошлось снова штрафбатом...

Старик с суровым выражением лица поправил на скамье шапку, придвинулся ближе к столу, поджав под себя ноги, и снова заговорил с напряжением в голосе:

— ...Под Курском это было. Поставили нам задачу держать высоту, во что бы то ни стало, и отправили к пригорку четыреста штрафников. А как удержишь-то: патронов, считай, нет, а немцы, мы давно убедились, — вояки обстоятельные и упорные. Нашу огневую «мощь» распознают быстро, и тогда — конец! Но мы все — фронтовые офицеры, обстрелянные... Помозговали меж собой и придумали такую тактику: подпускаем фрицев на убойную позицию, открываем огонь только наверняка и выбиваем автоматчиков, потом выпрыгиваем на пригорок и навязываем рукопашную. После первой немецкой атаки на склоне с немецкой стороны мы положили их человек сто! Правда, они нас тоже пощипали изрядно, но отступили. Был бы рядом наш инструктор Очкарик, я б ему в ноги пал — золотой человек! Вот где пригодился штык винтовки Мосина! Я в одно мгновение троих уложил ударом меж бровей и еще одного мимоходом. Причем отметил, что смерть от такого удара на самом деле внезапная и мгновенная. Все положенные мною фашисты лежали лицами вверх с открытыми глазами.

...Во вторую атаку немцы полезли пьяные в стельку. По своим же трупам к нам подбирались... Их поили перед атакой, чтоб, значит, притупить сознание... Мы уложили их вторым ярусом, но и у нас, боеспособных, осталось меньше роты, третьей атаки нам уже было не выдержать... Делать нечего, выбрали немецкое оружие и скрылись под пригорком, ждем...

Через час, наверное, те снова полезли... Идут, сами чуть не падают, спотыкаются на своих же трупах, а мы их щелкаем из их же «винтарей»! Когда они добрались метров на двадцать, я бросил немецкое оружие, схватил свою винтовку с четырехгранником, и навстречу! Вот тут даже

мне пришлось туго... Минут пять я, как заводной, скакал по трупам, отбивался от винтовок, штыков и ножей, выхватывал многочисленные точки меж бровей, в которые бил машинально, а их все не становилось меньше... Расслабил на секунду руки, когда ближайшие брови обернулись затылком... Немцы бросились удирать, я — преследовать. «Недобитый противник опасен вдвойне», — учил Очкарик. Но никто из товарищей меня не поддержал, и я нырнул обратно в укрытие. Хорошо, что у немцев нервы сдали именно в тот момент, потому как боеспособных живых нас оказалось всего четверо, да еще с полсотни раненых. Причем, эти четверо в разное время прошли школу Очкарика. Благодаря привитым навыкам и способностям только нам четверым удалось защитить себя, отбить последнюю вражескую атаку, удержать высоту и выжить. Но больше шансов не оставалось никаких! Мы были обречены. Четыре живых машины не могут противостоять полку солдат, а вернуться к своим не имеют права. Штрафнику покинуть поле боя без приказа — это предательство и позорный расстрел. Выражения «стоять на смерть», «биться до последней капли крови» не были пустым звуком. Это означало, что ты должен стоять и биться даже тогда, когда теряется в этом смысл...

А высота та осталась за нами! Немцы ее больше штурмовать не решились, а через день горы разлагающихся на жаре тел заставили противника отодвинуть свою передовую линию на три километра в тыл.

К тому времени бойцов уже награждали, хотя штрафников крайне редко, но нас четверых представили к орденам. Так я получил третий орден — «Отечественную войну Первой степени», хотя представляли меня к «Боевому Красному Знамени». В сорок пятом я имел уже завидный, по военным меркам, «иконостас»: четыре ордена и две медали, все награды — боевые.

Тогда, в Австрии, я и встретился с власовцем...

Зачищали мы один квартал: обходим дом за домом, проверяем квартиры, подвалы, чердаки. Я — капитан, старший группы, и два сержанта комендатуры, один — здоровенный хохол — немного знал немецкий. ...Человек вынырнул перед нами, точно из-под земли, и я мгновенно включился: «Опасно!» Это был высокий, красивый мужчина лет тридцати в шляпе и тесноватом ему макинтоше, а отутюженные короткие брюки спускались на немецкие десантные сапоги. Все эти несоответствия я срисовал в один миг. Мои сержанты вскинули автоматы, хохол на немецком дал команду стоять, но человек нам улыбнулся, заговорил по-русски: «Да вы что, братишки? Я же свой...» — «Сейчас проверим, какой ты свой!» — пообещал второй сержант, шагнул к нему, и Макинтош резким движением дернул автомат сержанта на себя, лбом въехал ему в переносицу и одновременно всадил нож в горло второму. Он правильно оценил обстановку: выбрал и обезвредил двух самых здоровых противников, прикрылся одним из них,

но не знал, что я, низкорослый, самый опасный. Ствол обнажать было некогда, хотя Макинтош рассчитывал именно на это: думал, я потянусь к кобуре... Последовавшего моего ответа он никак не ожидал! Я не полез за пистолетом и не кинулся на него, а напал на своего же уцелевшего бойца: ударом под ноги заставил того опуститься на колени, и власовец таким образом раскрылся. Сержант еще не долетел до земли, а я уже ткнул Макинтоша средним пальцем в ямочку на горле, под кадыком. Он машинально потянул руку к шее, но я перехватил ее и сломал кисть. Болевой шок на несколько секунд лишил его возможности сопротивляться, и я одним движением заломил поля его шляпы, натянул до подбородка, закрыв обзор, и, пока он не очухался, одним ударом уложил на землю и скрутил руки за спиной. Тут мой сержант пришел в себя, поднялся с колен и тоже решил поучаствовать: подошел и треснул его сапогом по башке. Я ему говорю: «Герой, ты на хрена его отключил?! Сам теперь потащишь эту тушу в штаб!» — С этими словами Глазов взял в руки свою шапку и поднялся. — Там потом и выяснилось, что задержанный нами оказался власовцем. Смена кончилась, гражданин начальник, пора мне в отряд...

Сергей растерянно глянул на часы и с нескрываемой досадой отметил окончание рабочего дня... Он даже не слышал, как заглохла пилорама... Будь его воля, задержал бы сейчас Глазова, но не имел на то никаких полномочий. И все же спросил:

— Подожди, подожди... А как же второй сержант?

— Похоронили... А что? — непонимающе посмотрел на него старик.

— Нет, нет, ничего... — замялся Сергей. — Война... Я понимаю... Ты завтра обязательно приходи...

— Приду, куда ж я денусь! — пообещал старик и водрузил на голову шапку.

— Ты вот что, Глазов, забери-ка папиросы и можешь взять журналов, сколько хочешь.

— Спасибо, гражданин начальник! — Старик быстро сунул пачку «Беломора» в карман фуфайки.

— Вот, возьми еще. — Сергей вынул из своей шубы папиросы и протянул ему. «Беломор» мгновенно исчез в другом кармане заключенного.

— Спасибо, гражданин начальник! — совсем с другой интонацией повторил старик, видимо, оценив, что Сергей отдал ему последнее курево. — Завтра закончу свою историю. — С этими словами он взял с тумбочки три верхних номера «Огонька» и удалился, не попрощавшись. На столе осталась полная пепельница окурков.

...На другой день Сергей специально пришел раньше положенного срока и поспешил в жилую зону на развод заключенных. Прежде он иногда так делал по производственной необходимости, но сегодня — специально

из-за Глазова, чтобы проконтролировать его направление в цех. Отыскав в строю низкорослую фигуру, он успокоился и предупредил бригадира, чтобы прислал к нему Глазова немедленно по завершении развода.

Минут через десять после того, как загудела пилорама, старик появился в каптерке.

— Заходи, заходи, садись, — пригласил Сергей и положил на край стола пачку папирос и спички, — угощайся вот...

Нетерпение его не осталось без внимания Глазова, он как-то грустно улыбнулся. Снял шапку, сунул ее под мышку, вынул из-за пазухи вчерашние журналы, протянул Сергею:

— Вот, возьмите...

Потом присел на лавку, взял папиросу и, думая о чем-то своем, принялся разминать ее в пальцах. Сегодня Глазов был серьезен и сосредоточен. Прикурил, пустил струйку дыма вверх, тут же затянулся вторично и тихо заговорил, выпуская дым изо рта вместе со словами:

— В конце сорок пятого в Берлине я уже одной ногой был в Союзе: вот нашу часть должны были передислоцировать в Белоруссию. Как-то вечером идем мы с товарищем по городу, и нас окликнул по-русски откуда-то сверху девичий голосок. Мы задрали головы и увидели в окне девушку. Она сообщила, что ее заперли в комнате какие-то военные, она сидит здесь весь день и не может выйти. Вход в дом и подъезд никто не охранял, мы спокойно поднялись на третий этаж, выбили дверь и освободили пленницу. Ей было лет семнадцать, не больше. Мы намеревались уже проводить ее до нашей комендатуры, как при выходе появился какой-то общевойсковой нагловатый сержант без пилотки: «Стоять! Кто такие?» Он что-то дожевывал и отгородил от нас девушку дулом автомата. «А ты что за ком с горы?!» — попер я на него, хотя и понял: смершевец. Они тогда выискивали немецких шпионов среди угнанных в Германию русских граждан. А девчонку прихватили, скорее, для потехи.

Они позволяли себе и не такие вещи... Этих особистов мы тоже недолюбливали. Каратели еще те... «Почему, — говорю, — не приветствуешь старших по званию по Уставу?» А он в ответ: «Если не уберетесь, я вас пулей поприветствую!» Я ему тогда объяснил, что, коль ты часовой, то покидать пост, даже если тебе захотелось выпить и закусить, не имеешь права... Он не понял, обозлился, хотел ткнуть меня дулом в сплетение, да куда ему... Отключил я его одним ударом, запихал под чердачную лестницу, и, пока тот не пришел в себя, схватил девчонку за руку, и ходу... Но на первом этаже столкнулись с тремя смершевцами, привлеченными шумом. Мы с товарищем хоть и вырвались, а эти идиоты открыли по нам стрельбу на улице. Благо мы девчонку спасли: она в суматохе убежала, я сам видел. — Старик нервно затушил в пепельнице окурки. — Смершу все схо-

дило с рук... А тут случайной пулей они валят нашего же патрульного лейтенанта. Им себя выгородить, что тебе плюнуть: их начальство тесно работало с военной прокуратурой. Короче, арестовали только меня, а потом и судили за вооруженное нападение на охраняемый объект! Приговором трибунала лишили звания, всех наград, дали пятнадцать лет каторжных работ и отправили этапом в Норильск. Вот так!

— Как это? — удивленно вытаращился на него Сергей.

— Так это! — устало отозвался Глазов. — Наш комразведки даже обращался рапортом к командующему, но ничего не смог поделать. Сам мне признался: «Не застрелили они лейтенанта, я бы тебя им не отдал ни под каким видом. А они тычут в нос трупом, и возразить нечего...»

Столь неожиданная развязка потрясла Сергея. В голове не укладывалось, как такое было возможно! Он нервно закурил и заметил, что пальцы его тоже подрагивают. «По окончании войны этот человек оказался попросту не нужным», — подумалось ему.

А Глазов совершенно обыденным голосом продолжал говорить:

— Я свою «пятнашку» считал несправедливым наказанием, а, попав на каторгу, сразу заткнулся... Срока у фронтовиков — от «червонца» до «четвертака»! У меня-то статья уголовная, а у бывших пленных — политические: «по подозрению в измене Родине», «за пособничество врагу», «за намерения нанести пленом вред Родине»... Когда целые армии наши генералы загоняли в немецкие котлы и после бросали на произвол судьбы, об этом не думали, а тут нашли виновных... Люди воевали, кровь лили свою и чужую, а Родина им вот как ответила... Да что об этом... Скажу тебе одно: наша колония — это санаторий в сравнении с Норильской каторгой!

Сергей еще не мог прийти в себя от «приговора трибунала», поэтому смысл последней фразы дошел до него не сразу.

— ...Дошли мы там как мухи... Морозы, метели... В бараках холод собачий... Мы голодные, замерзшие... До объекта часа два строим, ВОХРа издевается: «Сесть, руки за голову!» Обратный путь так же, раз по десять в снег усаживали. А мы слабые, уставшие, горбатились-то на морозе по двенадцать часов. Обессилел ээк во время работы, присел, приткнулся к бадье вроде как передохнуть, смотришь: а у него уже глаза ледяной коркой взялись... ВОХРа нам: «Если в лагерь тащить не хотите, хороните здесь...» До лагеря семь километров — самим бы дойти, без ноши... Тут же скрюченного ээка в опалубку бросим и бетоном зальем... Половина Норильска на костях человеческих стоит, уж поверь мне... В вечной мерзлоте каждому могилу рыть — только этим бы и занимались... Сил на то никаких не напасешься... А силы нам ой как были нужны...

От мысли, что, возможно, и в фундаментных балках его пятиэтажки лежат человеческие останки, Сергея передернуло. «Нет, — отогнал он от

себя ужасное предположение, — наш дом возводили в начале шестидеся-
тых гражданские строители. А вот начало Ленина, вся Севастопольская,
промышленный Норильск...» Спокойный голос старика заставил его «вер-
нуться» к действительности:

— Летом пятьдесят третьего, после смерти Сталина, Берия дал амни-
стию всем уголовникам, а нас, фронтовиков, оставил на каторге. Мы тог-
да подняли в Норильске бунт. Вернее, подняли его заключенные лагеря,
после того как пьяная ВОХРа перестреляла их товарищей, а мы, каторга,
поддержали лагерников. Два месяца Норильск бастовал, пока парохода-
ми не сплавили из Красноярска армейские части в Дудинку. Подавили
восстание быстро, многим добавили срока, раскидали по другим лагерям.
Меня отправили в Якутию, накинуд еще «пятерик» каторги и по освобож-
дении пять лет ссылки за Полярным кругом. Но наш бунт не прошел дар-
ром. Видимо, власти осознали, что, вот-вот, начнется цепная реакция...
Норильск был уже третьим случаем за год! Подобное произошло накану-
не в Степлаге и Песчанлаге. С Норильском два месяца справиться не мог-
ли, а взбунтуется весь ГУЛАГ — это война! Сами наверху додумались, или
подсказал кто, но в том же году бесчеловечные условия содержания смяг-
чили повсеместно для всех эков. Каторгу отменили вообще, нас переве-
ли на положение эков-лагерников. А вскоре последовали пересмотры
дел политических заключенных, помилования, реабилитации, освобожде-
ния. Но у меня-то статья уголовная, вот и отсидел свое до звонка...

Глазов замолчал, и Сергей впервые решился задать ему вопрос:

— А прошение о помиловании не подавал?

— Подавал, Сталину еще. Да разве он знал такое слово...

— Ну, а позже?

— Не будь наивным, начальник: кому придет в голову миловать участ-
ника «контрреволюционного лагерного бунта». — Старик закурил, оперся
левой рукой на лавку, продолжил: — В шестьдесят пятом меня освободили
и сослали на Диксон. Я встал там на учет в милиции, устроился на работу в
порт и получил место в общежитии. Приспосабливался к свободной жизни
долго: видел-то ее только в детстве... Со школы — казармы, потом блинда-
жи... после нары... Двадцать лет в лагерных бараках, из них восемь на ка-
торге... А тут светлая теплая комната, четыре койки с чистым бельем... Ду-
маю: «Может, что попутали менты?» Когда первый раз в магазин зашел,
глазам своим не поверил: жратва, водка, курево — бери, чего хочешь...
Стою, наблюдаю за покупателями... Смотрю, вроде все что-то покупают,
дай, думаю, и я... Сам весь напрягся в ожидании какой-то подлянки: не секу
пока, откуда она явится... Протянул деньги продавщице и говорю, мол, по-
жрать дай чего-нибудь... Она мне: «Говорите, что вам?» Я ей повторяю:
«Пожрать». Она не понимает меня, я — ее. Потом все-таки отпустила мне

кольцо колбасы и четвертинку хлеба. Я, пока никто не видит, колбасу за-
пихнул в рукав, хлеб из ее рук — в штаны... Она мне: «Что с вами?» А я на
нее смотрю и думаю: «Вот дуреха! Шмон будет, «вертухай» отнимет...»

Внутри у Сергея что-то сжалось, и, чтобы как-то скрыть нахлынувшее
на него смятение, он встал из-за стола, всколыхнув висевшую над ним
табачную дымку, прошелся до двери и обратно, снова сел, закурил.

Дед вздохнул и тоже взял папироску. Сергей смотрел в стол, Глазов —
перед собой. Так они и сидели в прокуренной каптерке: гражданин началь-
ник и заключенный колонии строгого режима... Молча курили, и нарушать
это молчание не решался ни один, ни второй.

— Вскоре после того, как встал на учет в военкомат, меня туда вызвали
повесткой и вручили орден «Красной Звезды», — наконец снова загово-
рил старик. — За мою последнюю вылазку в тыл к немцам.

— Как это?

— По датам Указ Президиума Верховного Совета о моем награждении
вышел уже после моего осуждения, и на эту награду принятое ранее ли-
шение орденов и медалей не распространялось.

«Как все просто, — подумал Сергей, — захотели — двадцать лет жизни
человека в пытку превратили, захотели — орден «вернули»... «Веселые»
игрушки позволяет себе государство в отношении своих граждан. Причем
кнут оказывается несоизмерим с пряником...»

— ...А к тому, что меня не шмонают, я долго еще не мог привыкнуть...
Как и к моим соседям по комнате Илье и Косте... Однажды Илья меня за-
держал, говорит: «Василич, никуда не ходи вечером, у меня день рожде-
ния, сейчас мяса нажарим и отметим...» Мы выпили, закусили, и я их не-
много рассмотрел. Они не знали лагерных порядков, поэтому для них, к
примеру, без спроса взять из моей пачки курево не было ни «крысятниче-
ством», ни отъемом, зато пригласить по-соседски на угощение считалось
законом. Я им без задней мысли тогда сказал, что через неделю и у меня
день рождения. Я не собирался никого угощать, но в тот день, выходной,
кстати, выпал, Илья с Костей подарили мне флакон одеколона... Я расте-
рялся... Не могу понять: за что? Ведь я ничего для них не сделал. Такая не-
заслуженная мною «благодарность» поставила меня в тупик. Я не мог даже
вообразить, что еще кто-то на этом свете может пожелать сделать мне
приятное... Когда парни затеялись с чаем, я их остановил! Побежал в мага-
зин, набрал каких-то консервов, водки, шампанского... По большому сче-
ту, Илья с Костей и вернули меня к жизни... Постепенно приучили к мысли,
что между людьми должны складываться простые, добрые отношения...

Я познакомился в порту с одной крановщицей. Под ее краном стропо-
лил неделю, потом как-то ночью после смены проводил ее домой. Я ей
никогда не рассказывал о себе, она знала только, что я отсидел двадцать

лет по суду военного трибунала за ту берлинскую заваруху со смершевцами. У нее были очень хорошие глаза... — с тоской в голосе добавил Глазов. — Эта добрая, милая женщина меня чувствовала и понимала... Знаешь, что она мне один раз сказала? «Я бы пошла с тобой в разведку...» Она не знала, что я бывший разведчик, но ранила меня в самое сердце! Я аж зубами заскрипел... И хотя она мне верила и действительно была готова пойти за мной куда угодно, но вести-то было некуда... Она жила с родителями и братом в коммуналке, я — в общаге.

Сергею вдруг до боли стало жаль этого несправедливо битого жизнью человека. Он уже решил для себя, что непременно что-нибудь сделает для него, хотя еще и не знал, что именно...

— Тогда я отстроил собственный балок близ порта в крайнем ряду бараков. Натаскал с базы доски, гвоздей, картона, толя. Костя привез самосвал золы, я ею пазухи утеплял, и за два месяца соорудил свое отдельное жилье: сенки и одну комнатку. Провел свет, сложил печку, думаю, на Новый год, семидесятый, приведу Валю... Она приходила ко мне, мы вместе белили печь, решали, где что поставим, как обустроим кухню... На самом деле решала все она, я только соглашался... А Валя заглядывала мне в глаза и спрашивала: «Может, ты хочешь по-другому?» Я же согласился бы и на потолке есть, если бы ей вздумалось там стол приколотить...

Старик замолчал, на этот раз довольно надолго. Сергей терпеливо выжидал. Наконец, собравшись с мыслями, Глазов снова заговорил:

— Один раз уже за полночь я провожал ее домой, как нас остановили три «баклана». Я им говорю, мол, не нарывайтесь, а они пуще задираются, сволочи, и Валя испугалась... Тогда я выбрал самого здорового, с пижонским полосатым шарфиком на груди, одним движением уложил его мордой в снег, а пока он летел к земле, сдернул с его шеи шарф, ступил на затылок и связал им руки за спиной. Двое других, сообразив, что произошло, быстро улизнули... Всю дорогу до своего дома Валя преданно прижималась ко мне, и в ее глазах читались восхищение и благодарность.

Я вернулся к себе, но спать не хотелось, и я принялся приколачивать картон на стены. В руках небольшой топорик, в зубах — гвозди, колочу потихоньку... Вдруг распахивается дверь, и вваливает человек пять. Вернее, четверо, пятый и шестой в сенках маячат. — Глазов тяжело вздохнул: — Диксон — поселок маленький... Они заняли все свободное пространство, у одного в руках нож, другой раскрыл бритву. В мозгу у меня замкнуло: «Опасно!» На самом деле было крайне опасно, потому как повернуться мне негде: нет места для маневра, зажат я со всех сторон! И тут меж двух ближних ступает тот в шарфике и наводит на меня ствол ружья... Ну, естественно, включились мои рефлексы... В момент выстрела я левой рукой дернул на себя ствол под мышку, а правой ткнул этого «баклана» лезвием топорика

меж бровей и отбросил на того, что с бритвой.левой же рукой перехватил кисть с ножом второго и так же ткнул меж глаз топориком...

Старик умолк. Пальцы его дрожали, он схватил со стола «Беломор», судорожно закурил, наконец, немного успокоился:

— За полминуты все было кончено... Следак потом сказал, что, если бы я, завалив пятерых, что были в комнате и сенках, остановился, то меня бы оправдали... Но я еще двоих уложил перед домом, а это уже намеренное убийство! И сообщил, что среди «бакланов» был еще «свидетель», который успел убежать... Как я мог объяснить ему, что запущенную боевую машину остановить невозможно! Хотя следак это и сам потом понял... — Старик поднял голову, посмотрел Сергею в глаза и устало заключил: — Так мое счастье с Валею и кончилось... Получил я «пятнашку», и сидеть мне ее до звонка... Да ладно... Осталось немного... Может, освобожусь, найду какую бабенку, тогда и забуду Валю... Она мне часто снится... Письма присылала и хотела приехать... Но зачем ей-то свою жизнь ломать: не вдова, не жена, не брошенка. Пятнадцать лет — срок, как ни крути. Был не мальчик, а выйду совсем стариком, зачем я ей такой? Хватит и того, что на мне нелегкая отыгралась. Вале ни к чему было мой срок тянуть... — Он снова опустил голову, вздохнул и добавил: — Ты вот спрашивал: откуда знания? Будут знания, если тридцать лет чтением отгораживать себя от тюремной мерзости. — Затем встал, надел шапку и буркнул: — Пойду я, гражданин начальник!

Сергей подскочил. Исповедь этого неприметного зэка, к которому он проникся состраданием и даже успел привыкнуть за эти дни, его глубоко потрясла.

— Постой, Глазов! Не торопись! Ты вот что... Скажи, может, тебе чего надо? Может, принести чего?

Старик глянул недобро, отвернулся, шагнул к двери, бросил:

— Не ищи себе приключений, начальник! Они сами тебя найдут...

— Папиросы заberi, Глазов! — крикнул Сергей вдогонку, но старик удалился, впустив ненадолго в каморку грохот пилорамы.

...На следующий день мастер деревообрабатывающего цеха явился в штаб ИТК и подал заявление об уходе.

За бессонную ночь Сергей понял, что не в состоянии чем-то помочь Глазову. И еще утвердился в догадке, которую раньше гнал от себя: большие деньги за пустяковые обязанности платят неспроста, длинный рубль обявывал очерстветь душой к чужому горю. Только отказавшись быть причастным к системе, сломавшей жизнь несчастному старику, защитнику Родины, который тридцать с лишним лет провел за «колючкой», Сергей выкажет свою поддержку этому героическому и порядочному во всех отношениях человеку по фамилии Глазов... Да и свою душу сбережет... □

Классная Дама

Андрей Дышев

ГЛАВА 1

Девичьи слезы

Я брел по набережной, втянув голову в плечи и опустив лицо, чтобы хоть немного уберечься от острых секущих потоков дождя. Время было во всех отношениях паршивое. Во-первых, погода. Во-вторых, дела в моем частном сыском агентстве. Они шли из рук вон плохо. Если в сезон мы жили за счет многочисленных жалоб курортников, которых шерстили местные воришки, то в межсезонье занимались в основном «субботниками», за которые, как известно, традиционно не платят. И вот теперь я с худым кошельком в кармане шлепал промокшими насквозь ботинками по лужам, мысленно проклиная непогоду.

Журнальный вариант

От порыва ветра рядом со мной вдруг распахнулась дверь кафе, и призывно скрипнула пружина. Это было одно из тех немногих заведений на набережной, которое работало круглый год. Как оно называлось, я не знал, так как стеклянные буквы над дверью кафе были стилизованы под арабскую вязь, и прочесть загадочное слово было решительно невозможно. Мы как-то заходили сюда с Лешкой, и в моей памяти отложилось, что плов здесь готовят из рук вон плохо, а лепешки настолько черствые, что их можно с успехом использовать в качестве подставки под сковороду. И все-таки я направился к распахнутой двери, потому как мокнуть под дождем было уже невмоготу.

Не успел я переступить порог заведения и втянуть носом крепкий запах спиртного и жареного мяса, как услышал, что меня кто-то зовет.

Я решил, что это Лешка, и, предвкушая крепкую попойку, обернулся.

— Кирилл!! Вацура!!

Нет, это был не Лешкин голос. По асфальту, который из-за луж казался зеркальным, в мою сторону шел Сергеич, старший оперативник из местного ОВД, капитан Случко Сергей Сергеевич. Он был в утепленном спортивном костюме с розовыми полосами, а на голове трепыхался полиэтиленовый пакет. Сергеич приблизился ко мне, стянул с головы пакет и выждал долгую паузу, прежде чем что-либо сказать. Его руки свободно висели вдоль тела, но были чуть согнуты в локтях, отчего создавалось впечатление, словно Сергеич нес два арбуза, да у него их сперли, а он этого до сих пор не заметил. Мне хотелось треснуть его чем-нибудь тяжелым по голове, чтобы выровнять ему и руки, и взгляд.

— Твой Леша в аварию попал, — произнес он хриплым голосом.

Вот тут-то я сразу забыл и про кривые руки Сергеича, и его неподъемный взгляд, и мокрые

спутавшиеся волосики, которые он методично приглаживал ладонью, и, скривив лицо, переспросил:

— В аварию? В какую еще аварию?

— А аварийную аварию, — уточнил Сергеич. — Я тебя уже целый час ищу. Почему ты не в офисе?

Я пялился на него и никак не мог понять, чего он от меня хочет, и какая связь между моим офисом и аварией. Я хотел знать только одно: что с Лешкой?

— На Мокром Перевале, под Кажмой, — пристально глядя мне в глаза. Это случилось с ним только тогда, когда он хотел придать своим словам особо веское значение. — Что-то с его «Нивой» случилось. На большой скорости заклинило двигатель, машину закрутило на скользкой дороге, она ударилась в заграждение, и Леша вылетел через лобовое стекло. Если бы пристегнулся, остался бы живой.

— Что значит, остался бы живой?! — заорал я и схватил его за мохлястый локоть.

— Это значит, что твой Леша в морге, — процедил Сергеич.

— В морге?!

Он болезненно поморщился, посмотрел по сторонам, подтолкнул меня к мокрому кустарнику и зашипел, поднеся свой костлявый кулак к моему лицу:

— Ты чего орешь? Прикрой рот! Дюдики хреновы... Связался же я с вами! Какого черта вы нарушаете правила эксплуатации автомобилей? Какого черта, я тебя спрашиваю!

Я не мог поверить в то, что Лешки уже нет в живых. Еще позавчера утром я видел его в офисе. Он готовил кофе на электроплитке и нечаянно перевернул турку. Головокружительный запах не выветрился до сих пор.

— Разве он собирался вернуться из Кажмы сегодня? Ты ничего не напутал? Ты уверен, что он в морге?

— Купи лейкопластырь и заклей им себе рот! — злобно посоветовал Сергеич и снова оглянулся. — Я только что вернулся с опознания. Не дай Бог, ты кому-нибудь скажешь, что это я отправил Лешку в Кажму! Меня в это дело не впутывай. О «субботниках» ни одна собака знать не должна, понял? Запомни: он поехал туда по своим личным делам. Никакого письма из Кажмы я тебе не передавал. Кстати, где оно?

Я судорожно сглотнул, стараясь справиться с приступом удушливой жалости к своему неудачливому компаньону.

— Ты меня слушаешь? — спросил Сергеич и, стукнув меня кулаком в грудь, пылливо заглянул мне в глаза. На кончике его носа висела мутная капля. Я тупо смотрел на нее и ждал, когда она упадет.

— Слушаю, Сергеич, слушаю.

— Давай дуй в свой дурацкий офис и найди это письмо. Если на нем стоит регистрационный штамп, немедленно принесишь его мне. Лично в руки! Если штампа нет — сожги. Задача ясна?

Сергеич думал только о себе. Своей нарочитой грубостью он пытался прикрыть трусость. У меня из головы не выходил Лешка, а Сергеич был озабочен своей репутацией.

Я мчался в больницу по встречной полосе, включив дальний свет и пронзительно сигнала, чего никогда бы не сделал благоразумный опер Сергеич. То, что случилось с Лешкой, не укладывалось моей голове. Я всегда считал его самым бестолковым и посредственным сотрудником, который хорошо умел разве что сваливать на меня свои проблемы. Но сейчас, когда его не стало, мне показалось, что произошла катастрофа, и теперь не только развалится мое детективное агентство, но и вообще вся моя жизнь пойдет наперекосяк...

Мокрый Перевал... Будь проклято это место! Я словно наяву видел перед собой перевал, который мы с Лешкой проезжали десятки раз. Летом там от зноя плавился асфальт, зимой дорога покрывалась наледью, и тяжелые снежные тучи застревали в колючем голом лесу, а туманы там стояли неделями.

Я представил, как его машина ударяется об ограждение, и Лешка вылетает через лобовое стекло. Что могло случиться с машиной? И почему Лешка не пристегнулся ремнем безопасности? Вот это самое странное. Он мог сесть за руль с похмелья, мог не вписаться в параметры гаража, мог угодить в кювет. Но ремнем безопасности он пристегивался всегда и немедленно, как только садился за руль.

Зачем я еду в морг? Какой смысл смотреть на человека, которого я еще позавчера видел

живым? Это пытка — стоять перед изуродованным телом, накрытым простыней, и давиться слезами жалости. Надо звонить Сергеичу и выяснять, где находится Лешкин автомобиль, и кто проводит экспертизу...

Я невольно надавил на педаль тормоза... Стоп! Остынь, горячая голова! Что это мне даст? Зачем лезть со своими дурацкими вопросами к экспертам? Моя суета Лешке уже не поможет. И Сергеич ничего мне не скажет, пока я не отыщу письмо из Кажмы. Он сейчас ни о чем другом думать не может, только об этом письме. Сдрейфил Сергеич, здорово сдрейфил! И все потому, что косвенно виноват в случившемся. Лешка поехал в Кажму не по своей, и не по моей воле. Он отработывал «субботник». Местное отделение полиции в лице Сергеича позволяло существовать нашей частной детективной конторе только при том условии, что мы раз в неделю будем бескорыстно разбираться с клязузами, жалобами и прочими нудными заявлениями трудящихся. На эту рутину у следователей и оперов не было ни времени, ни желания, вот Сергеич и припахал нас. То, что мы работали за них, знал только он и еще пару сотрудников. Если информация об этом просочится к начальству, то на голову Сергеичу свалятся большие неприятности. Потому он и торопился заполучить главную улику — письмо из Кажмы.

Я напряг мозги, стараясь вспомнить, о чем говорилось в этом письме. Кажется, это был письмо от девочки. И, если не ошибаюсь, из школы. Но ничего более конкретного не вспомнилось. Наверное, я не стал его читать и сразу отдал Лешке.

Я развернулся и поехал в офис.

Там, естественно, уже никого не было. Суббота, конец рабочего дня! Я мысленно выругался и перестал давить на кнопку звонка. Пришлось лезть в карман за ключами. Частная детективная контора располагалась в полуподвальном помещении, за тяжелой стальной дверью, которая была единственной защитой от внешнего мира. отсутствовала, так как красть у нас было нечего, если, конечно, не брать во внимание пару старых компьютеров и доживающий свой век ксерокс.

Зайдя в кабинет, я прошел между столов, глядя на протертую до подложки ковровую дорожку, встал рядом с жалюзи, которое закрывало окно и, оттянув пальцем планку, посмотрел сквозь запотевшее стекло на темный и мокрый двор. Тоска! Казалось, что природа плачет и умирает, горюя по Лешке.

А вот и Лешкин стол. Перекидной календарь за прошлый год. Огрызок карандаша. Пластмассовый крокодилчик из «киндер-сюрприза». Несколько мелких монет, сложенных стопочкой... Я почувствовал, как внутри у меня что-то тает и сгибается, а горло словно сжимает чья-то рука.

Вообще-то, я редко бываю сентиментальным, но именно Лешка чаще всего вызывал во мне приливы удушливой жалости. Несколько лет назад, когда он работал участковым, от него ушла жена, и с тех пор до сегодняшнего дня он стремительно дичал. Узкоплечий, маломощный и беззлобный человек не привлекал внимания прекрасной половины человечества, в то время как сам Лешка облизывался при виде любой мало-мальски привлекательной девушки, а познакомиться ему мешали робость и комплексы. Но не столько они были причиной того, что ему никак не удавалось создать новую семью, сколько хроническая нищета. Треть его зарплаты уходила на алименты, и хотя оставшихся денег вполне было достаточно, чтобы прокормить даже самую прожорливую жену и, как минимум, троих детишек, деньги испарялись из рук Лешки, как эфир, и финансовые затруднения появлялись уже через неделю после зарплаты. Он тогда замыкался в себе и начинал мечтать о кладах, неожиданных наследствах и прочей лабуде. Это был один из немногих, но довольно серьезных недостатков у Лешки: он хотел разбогатеть сразу, в одно мгновение, не имея для этого даже косвенных оснований.

Я подошел к телефону, стоящему на моем столе, и только сейчас заметил мигающую на его корпусе красную лампочку. На автоответчике есть сообщения.

Сел за стол, придвинул аппарат к себе и, нажав клавишу воспроизведения, испытал странное и неприятное ощущение. После той новости, какую сказал мне Сергеич, к любым другим я уже относился как к бомбе в посылке. В том числе, и к тем, которые выстроились в очереди на автоответчике.

Молодой мужской голос. Неимоверное растягивание гласных:

— У меня неделю назад угнали тачку. Менты отработали по нулям. В связи с этим такой вопрос: сможете ли вы ее найти, и в какие бабки мне это выльется?

Второе сообщение. Снова мужской голос, только торопливый, глотающий окончания:

— Мой друг подозревает свою жену в измене, и он очень хотел бы получить исчерпывающую информацию по ряду вопросов. Во-первых, с кем эта стерва встречается? Во-вторых, получает ли она от своего любовника какие-нибудь деньги?

Я скривился как от боли и поскорее нажал клавишу, чтобы воспроизвести следующее сообщение.

— Кирилл, я не могу дозвониться тебе на мобильный, ты все время недоступен...

Я вздрогнул и почувствовал, как по телу прокатилась холодная волна. Это Лешкин голос!

— ...в общем, я сматываюсь из этой гребаной Кажмы. Все подробности расскажу при встрече, поэтому постарайся дождаться меня в офисе. Это очень важно! Я раскопал такое дело, что наш уголовный розыск опухнет от работы! В одиночку я ничего не смог там сделать. Это просто какой-то заговор молчания! И проблема, мне кажется, не столько в ревности. Скорее, это болезнь, мания...

Когда же это сообщение было записано? Я отмотал запись, чтобы прослушать ее еще раз. Электронный голос известил, что сообщение поступило сегодня, в тринадцать часов сорок минут. В тринадцать сорок! Сорок минут спустя после того, как я ушел из офиса домой. Дежурить должна была Ирэн, наш инспектор по чистоте коммерческих сделок. Хорошо, однако, она дежурила!

Я склонился над телефонным аппаратом, внимательно вслушиваясь в каждое слово, в каждый звук. Вот отчетливый гул автомобильного мотора. Фрагменты мелодии, доносящейся из магнитолы. И взволнованный голос:

— ...Это просто какой-то заговор молчания! И проблема, мне кажется, не столько в ревности. Скорее, это болезнь, мания...

Похоже, что Лешка говорил по мобильнику из машины. Неужели это были последние слова в его жизни? Меня даже пот прошиб от волнения. Что важного хотел сказать мне Лешка? От чего, по его мнению, уголовный розыск должен опухнуть от работы?

Я вскочил со стула, снял с полки скоросшиватель, озаглавленный «Субботники», и начал его листать. Где же это проклятое письмо, из-за которого Лешке пришлось ехать в Кажму? Вот заявление пенсионера Стрельчу-

ка о похищенных с его дачного участка дровах. Вот жалоба гражданки Бегловой на свою соседку, которая по ночам запускает на полную громкость свадебный марш Мендельсона. Вот еще кляуза на врача, который умыкнул из холодильника пациента бутылку со спиртом... Письма из Кажмы не было. Наверное, Лешка взял его с собой. В таком случае, он должен был подшить в папку копию. Так у нас было заведено. Куда же она могла деться? Неужели Лешка машинально прихватил ее вместе с оригиналом?

От резкого телефонного звонка я невольно вздрогнул.

— Ну? — раздался в трубке голос Сергеича. — Штамп стоит?

— Я только зашел в офис, — солгал я, снова раскрывая папку «Субботники». — Сейчас буду искать.

— Живо! — поторопил Сергеич. — Как найдешь — сразу звони мне!

Я вытряхнул из папки все письма и заново пересмотрел их. Затем начал копаться в ящиках Лешкиного стола. Сколько же здесь было хлама! Спокойно. Письмо должно быть где-то здесь, просто Лешка впопыхах забыл подшить его в папку... Я оглядел кабинет, и взгляд мой остановился на книжной полке. Помимо справочников по криминалистике и сборников с законами там стоял еще один скоросшиватель с надписью «Договора». Едва открыв его, я сразу увидел листок, отпечатанный на принтере. Пробежал взглядом по строчкам. Оно! Лешка, видимо, по ошибке сунул его в эту папку.

Пройдя в соседнюю комнату, я сел на диван, включил торшер и склонился над письмом.

«Уважаемые товарищи! Вам пишет ученица десятого класса школы №1 поселка Кажма. Мое терпение подходит к концу. Я так жить больше не могу. Прошу вас что-нибудь сделать. Физрук отравляет мое существование. Он душит меня,

как осьминог. Я ему уже сто раз говорила, что не могу ответить ему положительными чувствами, но он не хочет меня слушать и продолжает меня сексуально домогаться. Будет большая беда, чует мое сердце. А все потому, что у меня есть парень, и он ревнует. Человек в таком состоянии способен потерять голову. И физрук тоже может нанести ответный удар. Я его хорошо знаю, он ни перед чем не остановится. И угрожает мне, говорит, что если я расскажу родителям, то моему парню будет хреново. Я умышленно не называю своего имени. Думаю, что вы и без меня сами разберетесь во всей этой истории. Только не показывайте физруку это письмо, а то он сразу догадается, кто его написал. Не подумайте, что я боюсь. Просто мне не хочется подвергать себя ненужному риску. Извините, что плохо пропечатались буквы. Лента у принтера совсем старая, а учителям до этого нет никакого дела, уже год поменять не могут. С уважением — Вера Ш. (P.S. Подписалась вымышленным именем!!!)»

Я оторвался от текста и сделал глубокий вздох. Бедный Лешка! И ради чего он поехал в проклятую Кажму? Наивные переживания какой-то глупой школьницы не стоят не только внимания полиции, но даже нашей конторы. В лучшем случае, с этим любовным треугольником должен разобрататься педсовет. Да что там разбираться? Эта «Вера» наверняка уже забыла о том, что отправила письмо! Обидно, что из-за этой пустышки погиб человек.

Откинувшись на спинку кресла, я скомкал письмо, положил его в пепельницу и поднес к нему пламя зажигалки, после чего сразу позвонил Сергеичу:

— Сергеич, можешь не сомневаться. Я сжег это письмо. Но скажи мне правду: ты его читал?

— Какая разница? — буркнул он. — Что ты еще хочешь мне сказать?

— Я хочу, чтобы мы с тобой достойно похоронили Лешку. У него нет ни жены, ни родителей. Эта обязанность висит на нас.

— Хорошо, я тебе дам денег.

— Мне не нужны твои деньги, Сергеич. Позвони в морг и автосервис, куда отволокли машину, и скажи, что я подъеду за вещами. Чтобы мне там мозги не полоскали! Чтобы молча и быстро отдали все вещи, не требуя ни справок, ни удостоверений! Чтобы спросили только мою фамилию...

— Ладно, не кипятись! — оборвал меня Сергеич. — Позвоню...

Я ходил по кабинету из угла в угол, и перед моими глазами плыли темные круги. Нельзя так раскисать, говорил я себе. Это все из-за погоды. Она отравляет душу и заливают ее чернотой. А в гибели Лешки моей вины нет. И Сергеич здесь ни при чем. Прав он! Надо соблюдать скоростной режим и пристегиваться ремнем безопасности...

ГЛАВА 2

Нагар типа шлака

Я приподнял крышку диктофона и посмотрел на валик лентопротяжного механизма.

— А кассета где?

Молодой человек с длинным носом, похожим на отвислый кусочек мягкого теста, даже не поднял на меня глаза.

— Кассеты не было. Читайте акт, там все написано.

Он говорил так, как говорят с клиентами мобильных телефонов электронные диспетчеры. Я крутил в руках диктофон, с недоумением глядя в его пустое нутро. Лешка выпросил у меня эту дорогую игрушку перед отъездом в Кажму. Диктофон был маленький и легко умещался в нагрудном кармане. Именно это качество больше всего понравилось Лешке. Он был уверен, что сумеет незаметно записать самые неожиданные признания людей, на основании которых потом может запросто возбудить уголовные дела.

— Вы хорошо искали рядом с машиной? — спросил я.

Молодой человек скривил губы, вытер рукавом белого халата свой каплеобразный нос и ответил:

— Лично я ничего не искал. Я принял и сдал — вот все мои дела. Расписывайтесь в получении и уходите. Это морг, гражданин, а не магазин.

Я хорошо помнил, что дал Лешке диктофон с кассетой. Конечно, он мог записать ее до конца, вынуть из диктофона и спрятать, скажем, во внутреннем кармане куртки. Но дорожный патруль наверняка проверил карманы несчастного в первую очередь. Мне стало немного не по себе, казалось, что меня обманывают, но я никак не мог понять, в чем именно заключается обман.

Я молча кинул диктофон в сумку. Следом за ним туда полетели расческа, электробритва с

вилкой, которая была обмотана изолентой, обмылок в мыльнице, зубная щетка с растопыренной редкой щетинкой и расплющенный мобильник.

— Это тоже забирайте, — сказал юноша, придвигая ко мне последнее, что осталось из Лешкиных вещей, — плоскогубцы.

Среди стандартного «командировочного» набора плоскогубцы смотрелись как инородное тело. Я взял их и стал рассматривать с таким видом, словно пытался угадать их предназначение. На пластиковой ручке каким-то горячим и острым предметом были выжжены инициалы: «Я.Н.».

— Разве это его плоскогубцы?

— Их нашли рядом с трупом.

— Только это, и все? Может, были еще какие-нибудь инструменты?

— Может быть. Но их не нашли.

Плоскогубцы также полетели в сумку. Я тупо смотрел на опустевший стол. Из Лешкиных вещей я не получил самого главного, из-за чего потом могли возникнуть проблемы. Дело в том, что он поехал в Кажму с со своим служебным пистолетом. Куда же он подевался?

— Вам надо на свежий воздух, — сказал юноша, взглянув на меня.

Уже стемнело, когда я подъехал к автосервису. Это был обшитый ржавой жестью сарай с плоской крышей, на которой стоял черный кузов от «Запорожца». В маленьком мутном окне сарая горел свет. Меня ждали.

Дверь на тугой ржавой пружине открылась со скрипом. В помещениях с подобными дверями я всегда чувствую себя неудобно. Мне кажется, что на голову обязательно должно что-то упасть. Невольно втянув голову в плечи, я машинально кинул взгляд наверх, и тут услышал низкий женский голос:

— Вообще-то, я еще не повесилась! Куда вы смотрите? Здесь я!

Я совершенно растерялся, не понимая, куда надо смотреть, пока не почувствовал, как мне на плечо легла ладонь. Я обернулся и прямо перед собой увидел скуластое и широконосое лицо немолодой женщины, одетой в ярко-оранжевый комбинезон с надписью «Shell», из карманов которого торчали отвертки и ключи. Повернувшись, она направилась в глубь цеха и остановилась перед зеленой «Нивой» с выбитыми стеклами и смятым в гармошку передком.

Мне стало горячо в груди. Несколько секунд я неподвижно стоял у разбитой машины, будто у гроба с телом Лешки, мысленно прощаясь с ним.

— Вы спрашиваете! — прервала затянувшееся молчание женщина. — Что вас интересует?

— Как это случилось? — спросил я глухим голосом.

— Заклинило двигатель и заблокировало колеса. Резкое торможение, занос на обледеневшем асфальте и лобовой удар в бетонный бордюр...

Если бы он успел выжать сцепление, то ничего бы не было... Но, видимо, все произошло в одно мгновение.

— А почему заклинило двигатель?

Женщина вздохнула, подошла к металлическому столу и, взяв черный от нагара поршень, кинула его на стол.

— Честно говоря, я не могу точно сказать, что случилось. Ничего подобного видеть не приходилось. Посмотрите на кольца поршня. Видите этот нагар? Я его зубилом сколоть не могла. Твердый как железо!

Я подошел к столу, склонился над поршнем и, хотя в цехе катастрофически не хватало света, смог разглядеть пенистое черное образование, застывшее на маслосъемных кольцах. Оно чем-то напоминало комок пористого шлака.

— Откуда это?

Женщина взяла у меня из рук поршень и стала рассматривать его с таким вниманием и интересом, словно видела впервые.

— Надеюсь, вы знаете устройство двигателя внутреннего сгорания? Так вот представьте, как в цилиндры поступает масло. Оно заполняет все вокруг поршня, когда тот движется вверх, после чего снимается кольцами. Вот именно этими кольцами...

— Никогда не мог подумать, что от масла может образоваться такой нагар, — признался я.

— Вот-вот, — произнесла женщина и щелкнула по шлаку ногтем. — Конечно, это не масло.

— А что?

— Что-то углеродное... Вы не пытайте меня. Я повторяю, что за всю свою многолетнюю практику ничего подобного не видела... Может, это какое-нибудь «левое» синтетическое масло, которое при разогреве дало такую необыкновенную реакцию.

— «Левое» масло?

— Ну, да! — неуверенно ответила женщина, разглядывая поршень со всех сторон, и, вынув из кармана отвертку, попыталась расковырять шлак. — Что-то стекловидное... Хрупкое, но в то же время очень твердое... Возможно, что эта гадость попала в цилиндры вместе с нормальным маслом, а потом резко увеличилась в объеме и застыла. Поршень буквально увяз в ней, как в смоле.

— Что же это за гадость? — донимал я.

— Да я могу ошибаться, дорогой мой! Может, какая-нибудь краска! Может, герметик. Да мало ли какое инородное вещество может попасть в систему смазки!

— Но вы же проводили экспертизу! Вы должны знать точно, что это за вещество!

— Правильно, — с вызовом ответила женщина. — Я провела экспертизу и выяснила причину аварии. И доложила об этом в ГАИ. Могу повторить свой вывод! Это непредвиденная блокировка ведущих колес, возникшая в результате заклинивания поршней из-за избыточного количества продуктов сгоревшего масла. Вот и все, дорогой мой! Нечего на меня бочку катить!

Я смотрел на поршень, лежащий на столе, и сердце мое учащенно билось.

— Вы понимаете... — пробормотал я. — Если бы Лешка просто катался по набережной. Но вся загвоздка в том, что он возвращался из этой проклятой Кажмы... Еще один вопрос. Вы говорите, что в систему смазки могло попасть инородное вещество. Допустим, оно попало в двигатель через горловину и растворилось в масле. Но в таком случае двигатель заклинило бы сразу же после запуска стартера!

— Не обязательно, — покачала она головой. — В холодном двигателе нагар мог бы и не образоваться. А вот спустя несколько минут...

— Спустя сколько минут? — с волнением спросил я, хватая ее за локоть.

— Если вас интересует, как долго двигатель «Нивы» будет прогреваться до нормы... Думаю, что при нынешней погоде минут за пятнадцать...

— Спасибо, — ответил я, отпуская ее руку, и мысленно повторил: «Минут пятнадцать. За это время «Нива» на средней скорости проедет километров двадцать. Такое же расстояние от Кажмы до Мокрого Перевала».

Что начало твориться в моей голове! Я прилип взглядом к изуродованной машине, пытаюсь успокоиться и упорядочить мысли. Хоть бы я ошибся! Хоть бы ошибся! Затем открыл дверцу, встал коленом на водительское сиденье, взялся за конец ремня безопасности и попытался вставить его в замок. Стальная пластина почему-то не входила в щель замка.

— Дайте, пожалуйста, отвертку, — попросил я у женщины.

— Может, помочь? — спросила она, протягивая отвертку через окно.

Я вогнал острый наконечник в щель замка, из которого показался узкий край металлического кружка, и осторожно надавил на ручку отвертки.

— Пассатижи дать?

Отвертка начала гнуться, но металлический кружок золотистого цвета уже наполовину вылез из щели.

— Монета? — спросила женщина.

Я перевернул отвертку и, действуя ею, как крючком, вытолкнул кружок из замка. Он закатился под сиденье, и мне пришлось лезть за ним. Просунув голову между сиденьем и панелью, я некоторое время рассматривал грязные резиновые коврики и ржавые полозья. Отсвечивающий тусклым золотом кружок лежал под рычагом регулировки. Я дотянулся до него пальцами и поднес к глазам. Это была дешевая алюминиевая медалька, выкрашенная золотистой краской, с петлей для ленты. На одной ее стороне было написано «Участнику соревнований», а на другой — «1 место».

— Что это? — спросила женщина, когда я выбрался из машины, крепко сжимая находку в кулаке. — Монетка?

Но я уже не видел и не слышал ее. Ни слова не говоря, быстро вышел из сарая, сел в свою машину и набрал домашний номер Сергеича.

— Сергеич, это убийство!

— Что?! — рявкнул он.

— меня внимательно. У меня есть неопровержимые факты. Все, что случилось с Лешкой, это хорошо спланированная акция. Его убили, понимаешь? Система смазки, двигатель, ремень безопасности...

— Все! — жестко перебил меня Сергеич. — Ни слова больше. Я не хочу слушать этот бред. У тебя синдром навязчивых идей. Ты сколько водки выжрал, дюдик хренов?

— Сергеич, — как можно спокойнее сказал я. — Я звоню тебе с автосервиса. Ты можешь

приехать сюда и убедиться в правоте моих слов. Ты когда-нибудь видел на поршне цилиндра нагар вроде шлака? А в замке...

— Вацура, я тебя арестую за незаконную детективную деятельность! — с угрозой произнес он. — Что ты несешь? Какое убийство? Я читал заключенные экспертизы. Эта «Нива» какого года выпуска? А когда она последний раз проходила техосмотр? Молчишь? Да она разваливалась на ходу! Ее поршни спеклись намертво из-за того, что масло попало в камеру сгорания через стертые кольца! Предупреждаю тебя в последний раз: выкинь эту дурь из головы. Тут проблема в другом! Лешка взял с собой пистолет, и где теперь этот пистолет, никто не знает. Не нашли его ни в машине, ни у Лешки дома. Так что, жди в свою контору оперов с обыском.

Он оборвал связь, а я продолжал прижимать к уху онемевший мобильник. Все в одну кучу! Лешкин пистолет пропал. Может, он до сих пор в кювете валяется, а, может, его уже кто-нибудь подобрал. Как бы то ни было, Сергеич заволновался. А как иначе? Если о подозрении на убийство станет известно его начальству, то в автосервис немедленно нагрянет следственная бригада и очень быстро придет к выводу, что убийство могло быть организовано в Кажме. Сыщики станут выяснять, какого черта Лешку туда понесло. Вызовут на допрос меня, затем Ирэн. При всем своем желании мы с ней не сможем выгородить Сергеича и признаемся, что Лешка поехал в Кажму отрабатывать «субботник». А что такое «субботник»? Ах, значит, по заявлениям работали частные детективы? А кто эти заявления им передавал? Сергеич?.. И тогда Сергеичу несдобровать. В лучшем случае, с него снимут погоны и турнут из органов. Эх, Сергеич, Сергеич!

Все! У меня теперь не будет свободного времени. Я с головой окунусь в расследование убийства несчастного Лешки. Брошу на это дело все свои знания, опыт и силу мышц. Разворошу как муравейник всю Кажму и найду преступника. Теперь для меня это дело чести.

ГЛАВА 3

Как дожить до старости

Вентилятор накачивал салон холодным наружным воздухом. Я сидел с закрытыми глазами, откинув голову на подголовник, и слушал тихий шум, напоминающий звук льющейся из крана воды. Темнота вокруг меня и плотно закрытые веки не давали ощущения полного мрака. Мне казалось, что перед моими глазами кружатся желтые и зеленые круги, деформируются, расплываются, превращаются в россыпь золотого песка. Наверное, это от усталости.

Мой «жигуль» стоял в луже перед трассой, подставив грязный передок брызгам. Мимо пролетали машины. От тяжелых фур дрожала земля. Люди куда-то ехали, куда-то спешили, а я не знал, что мне делать и куда ехать. Вокруг меня была пустота.

Я взял в руки мобильник и позвонил Сергеичу:

— Сергеич, я еду в Кажму.

— Ты еще не утомился? — спросил он усталым голосом.

— Я тебя ни о чем не прошу, просто ставлю в известность.

— И что мне прикажешь с этой известностью делать? Поглядывать на часы и пялиться в окошко, ожидая, когда ты вернешься? Знаешь, Вацура, уж если ты считаешь себя смелым и самостоятельным, то оставайся таким до конца и не бойся исчезнуть бесследно. Делай что хочешь, и не вешай на меня свои проблемы.

Я пожелал ему спокойной ночи, а он мне — счастливой дороги.

По пути я заехал к Стасову, редактору районной газеты, в которой я вел хронику происшествий, и попросил его отправить меня в командировку.

— Какая командировка, Кирюша! — ответил Стасов, почесывая боцманскую бородку. — Весь командировочный лимит давно съеден.

— Я поеду за свой счет, — пояснил я. — Мне от тебя нужна только бумажка с печатью.

— Бумажку я тебе, конечно, дам. А к чему такая спешка? Почему не хочешь подождать до завтра?

— Потому что я еду прямо сейчас.

Стасов завел меня в комнату и представил мне своего отца, высохшего голубоглазого старика, который встретил меня с искренней радостью, хотя видел впервые. Старик засуетился, попытался усадить меня в продавленное

кресло, в котором только что сидел сам, и принялся расспрашивать о погоде на улице.

Мне пришлось вести беседу, в то время как Стасов, надев очки, стал заполнять на пишущей машинке командировочное удостоверение.

— Куда собрался? — спросил он.

— В Кажму. О школе хочу написать, — произнес я скучным голосом и начал расспрашивать старика о его самочувствии, пенсии и льготах для ветеранов.

Стасов не стал прерывать нашу беседу ненужными вопросами, выписал мне командировку на пять дней, а ее цель обозначил как «сбор материала для статьи о проблемах педагогической подготовки учителей». Затем впечатал свою фамилию, размашисто расписался и поставил печать.

— Кажма, Кажма, — пробормотал он, о чем-то вспоминая. — Где-то я недавно читал о Кажме... Нет, вру, не читал. Это был «Тревожный выезд» по телевидению! Вчера вечером, точно. Не смотрел?

Я отрицательно покрутил головой, аккуратно сложил и спрятал командировочное удостоверение в нагрудный карман. Неимоверно трудно было скрывать любопытство. Что он узнал о Кажме?

— И о чем же там говорили?

— Ерунда. О Кажме там всего два слова. Позавчера, в лесу, нашли сгоревший джип и два трупа в нем. У следствия пока нет ни одной серьезной версии... Да и ладно! Что это я тебя страшилками перед дорогой грузу? Удачи!

Он протянул мне руку. Старик тоже вышел в прихожую проводить меня и напоследок посоветовал беречь здоровье и не простужаться, потому как в старости все простуды и грехи молодости обязательно о себе напомнят болями в суставах.

Дожить бы до старости, подумал я, с чувством пожимая его узкую и сухую ладонь.

ГЛАВА 4

Кажма

Не успел я выйти из подъезда и сесть в машину, как позвонила Ирэн.

— С трудом до тебя дозвонилась, ты все время был недоступен! — как всегда легко солгала она.

— Ты в котором часу ушла из офиса, Ирина? — ледяным голосом спросил я.

Она терпеть не могла, когда ее называли ее Ириной. Но я сделал это нарочно, чтобы она прочувствовала всю глубину моего гнева.

— Ой! Я забыла тебе сказать! Подружка попросила меня посидеть с бэби! И мне пришлось в час дня уйти. А, может, Лешка уже вернулся? Ты ему не звонил?

— Лешку убили, — глухо проговорил я в трубку.

— Ты что, Кирилл? — потрясенно пробормотала Ирэн. — Как убили? Ты... Да я... Боже, какой ужас! Это правда?

— Ему подстроили автокатастрофу на Мокром Перевале. И сейчас я еду в Кажму искать убийцу. Пожалуйста, постарайся, пока меня не будет, находиться в офисе полный рабочий день.

Я нажал кнопку отбоя, избавляя Ирэн от необходимости что-то говорить мне, сдавленно всхлипывая, восклицать и ахать. Лешку она на дух не выносила. Считала его глупым, грязным и бедным, и мечтала, чтобы я выгнал его из агентства, а она бы заняла его должность. А я не хотел доверить Ирэн криминал. Не бабское это дело. Пусть сидит на коммерческих сделках.

Я завел машину, взялся двумя руками за руль и посмотрел в темное стекло. Дождь не прекращался. Он сыпался с неба отвесно, и в лучах фар напоминал выпрыгнувший из самолетов парашютно-десантный полк.

Куда меня несет? Я старался не думать о том, что буду делать, когда проскочу мимо дорожного указателя с надписью «Кажма», и по обе стороны от машины потянутся мрачные дома с темными окнами. То, что окна будут темными, я почти не сомневался. Я не хотел думать о том, где буду ночевать, и каков будет мой первый шаг в расследовании. И, разумеется, гнал прочь мысли о том, что все мои потуги окажутся тщетными, и тайна гибели Лешки так и останется тайной.

За всеми этими мыслями я чуть не проскочил ржавый, зияющий дырами указатель на Кажму. Машина съехала с трассы, и дорога

стала еще хуже. Я сбавил скорость, чтобы не отвалились колеса, и включил дальний свет фар. Казалось, что деревья зашевелились и принялись обступать машину со всех сторон. Никогда еще я не ездил по более мрачной дороге, чем эта. Но, наконец, впереди показали тусклые разноцветные окна двухэтажного дома. Никакой таблички на обочине не было, но и без того стало понятно, что мой путь подошел к концу. Машина медленно вползала в Кажму.

Притормозив около дома, который своей безликостью напоминал коробку из-под обуви, я высунул голову из окна, чтобы спросить у кого-нибудь про гостиницу. Но рядом с темным подъездом никого не было. Под порывами ветра раскачивалась на ржавых петлях фанерная дверь. Перед ней чернела огромная лужа. При всем своем богатом воображении я не мог представить, как жильцы заходят в дом, не замочив колен.

Отчаявшись спросить у кого-либо про гостиницу, я решил найти ее самостоятельно. Поселок наверняка маленький, проехать его с одного конца до другого — раз плюнуть. Мой «жигуль», разбрызгивая во все стороны грязную воду, снова покотил в темноту, углубляясь в Кажму, и тут вдруг в свете фар мелькнул ярко-красный плащ. Молодая женщина шла по краю дороги в том же направлении, в котором ехал я. Она выглядела необыкновенно. Я хочу сказать, что на этой разбитой дороге естественней смотрелась бы баба Яга в телогрейке и «кирзачах», а женщина, одетая слишком броско и ярко, просто выпадала из общего унылого фона.

Я притормозил рядом с ней, высунул голову в окно и приветливо крикнул:

— Добрый вечер! Простите, я немного заблудился...

Женщина, не останавливаясь, искоса взглянула на машину. Кажется, фары слепили ее, и она не увидела моей доброжелательной физиономии. Я же лишь отчасти рассмотрел ее лицо. Черты мелкие, почти кукольные, непокрытая голова вымокла под дождем, и светлые волосы сосульками спадали на лоб.

Я немного проехал вперед, обогнав ее, остановился и распахнул дверь:

— Девушка! Где тут у вас гостиница?

Она замедлила шаг, рассматривая меня очень внимательно, затем ее взгляд скользнул по грязным бортам машины.

— А как вы вообще сюда попали?

Голос ее был приглушенный, невыразительный, но меня больше удивил вопрос. Что значит, как я сюда попал?

— Очень просто, по дороге. Я журналист, приехал сюда по заданию редакции. Мне нужна гостиница.

— Здесь нет гостиницы, — холодно ответила женщина.

— Где же мне ночевать? — окончательно растерялся я. — Может быть, подскажете адрес, где пускают постояльцев?

— Не думаю, что кто-то пустит к себе в дом чужого, да еще в такое время.

— А вы, извините за любопытство, кто?

— Это вас не касается.

Во мне вдруг разыграло самолюбие. И чего я оправдываюсь перед ней? Не единственный же это житель Кажмы, в конце концов! И вообще, разговаривать надо с представителями местной администрации. В крайнем случае, с полицией.

— Спасибо за помощь, — едким голосом поблагодарил я мокрую «куклу» и

уже хотел, было, закрыть дверь и тронуться с места, как женщина коротко произнесла:

— Постойте! — Шагнув к машине, она склонила голову к окну: — Я могу сесть?

— Конечно! — ответил я.

Подобрав забрызганные полы плаща, женщина опустила на сиденье, закрыла дверь и вдруг жестко проговорила:

— Я знаю, зачем вы приехали.

ГЛАВА 5

Ловля лягушек

Вот, оказывается, как все просто! Она знает, зачем я сюда приехал. Кажма — это большая деревня. Здесь все знают все. Точнее, это даже не деревня. Это крупный разведывательно-информационный центр. Всякое передвижение по улицам незарегистрированных объектов немедленно фиксируется радаром.

Мне было и смешно, и горько. Я смотрел в глаза «кукле», и у меня даже язык болел от желания сказать: «На воре шапка горит!»

Жители этого паршивого городка, оказывается, прекрасно знали, что случилось сегодня днем на Мокром Перевале. Во всяком случае, эта незнакомая мадам с замашками большого начальника была в курсе, что Лешка погиб, и что обязательно кто-нибудь придет в Кажму разбираться с этим делом. Короче, она меня ждала. И вот я появился, но ей это очень не понравилось. Она смотрит на меня студеными глазами, демонстрируя свою гордость, независимость и легкое пренебрежение к моим проблемам.

— Простите, — ухмыльнулся я. — Никак не ожидал, что встречу ясно-видящую. Скажите, а в Кажме все такие осведомленные, как вы?

— Ваша ирония неуместна, — ответила женщина.

— Согласен. Но мне очень повезло, что я встретил вас и вижу вашу готовность откровенно поговорить со мной.

— Зато я не уверена, что мне повезло.

— Это все, что вы хотели мне сказать?

— Не суйте нос в чужие дела! Все, что происходит в нашей школе, вас не касается!

Хорошенькое начало разговора! Мне почти открытым текстом заявляют, чтобы я убирался отсюда подобру-поздорову.

— Вы напрасно повышаете голос и разговариваете со мной в ультимативном тоне, — заверил я. — Я сам буду выбирать, что меня касается, а что нет. Можете поверить моему опыту: дело слишком серьезное, и я буду работать до тех пор, пока не узнаю всю правду.

«Кукла» фыркнула и стала нервно барабанить пальцами, обтянутыми тонкими перчатками, по панели. Меня удивляла ее наивность. Неужели она надеялась, что на гибель Лешки не последует никаких ответных мер? Если она сходу раскусила, кто я такой, и зачем сюда приехал, значит, предвидела такое развитие событий. Следовательно, понимала, что дорожно-транспортное происшествие на Мокром Перевале — вовсе не заурядная авария.

— Вы — пронира, — произнесла она, глядя в окно. — Хотите сделать сенсацию на пустом месте. И вас совершенно не интересует, какими последствиями это обернется для нас. Вы уедете, опубликуете лживую статью в своей газетенке, получите гонорар и станете надувать щеки от осознания собственного величия. А мы потом будем очень долго отмываться от тех помоев, которые вы на нас собираетесь вылить.

— Постойте, постойте! Вы за кого меня принимаете?

— Зачем вы прикидываетесь дурачком? — с укором произнесла «кукла», мельком глянув на меня. — Кажется, вы представились журналистом. Да и без всякого представления видно, что вы за фрукт.

— Неужели так хорошо видно, что я за фрукт?

— Можете не сомневаться.

— И вы точно знаете, зачем я сюда приехал?

— Вам не кажется, что вы производите впечатление человека, страдающего провалом памяти? Вы же сами мне сказали, что приехали сюда, чтобы докопаться до истины. Нетрудно догадаться, что вы попытаетесь вынюхать то, что не удалось вашему коллеге.

— И что, по-вашему, я собираюсь вынюхать?

«Кукла» резко повернула голову в мою сторону, гордо вскинула подбородок и менторским тоном произнесла:

— Вот что, молодой человек! Как учитель химии и завуч школы номер один города Кажма, я официально заявляю: письмо, которое вы получили, и которое так взбудоражило ваше творческое воображение, является всего-навсего плодом воображения ученицы десятого класса Веры Шаповаловой. В результате бурного гормонального всплеска девушка пережила невроз, но врачи уверены, что он не оставит каких-либо тяжелых последствий для ее здоровья. Факт сексуального домогательства со стороны учителя физкультуры не подтвердился, в чем мы, кажется, убедили вашего коллегу. Проблема исчерпана. В школе продолжается нормальный учебный процесс. Выпускной класс готовится к государственным экзаменам. Два ученика идут на золотую медаль... Вопросы есть?

— Да, есть вопрос. Вы уверены, что убедили моего коллегу?

— Он произвел впечатление умного человека, — витиевато ответила учительница. — Только дурак мог остаться при своем мнении после той лавины неопровержимых доказательств, которые я представила ему!

— Эти факты представили вы лично, или же вам кто-то помогал?

— Это принципиальный вопрос? — покосилась на меня учительница.

— В противном случае я не стал бы его задавать.

— Ваш коллега беседовал со мной и с учениками.

— Где он ночевал?

— Послушайте! — вдруг гневно воскликнула она. — Я не могу понять, что вас больше интересует: спал ли физрук с ученицей, или же где спал ваш коллега?

— Поймите меня правильно, — ответил я и притворно зевнул. — В данный момент я больше обеспокоен тем, где буду ночевать.

— А вы по-прежнему намерены остаться в Кажме?

— Я хочу, чтобы вы убедили меня в святости физрука так же, как вы это сделали по отношению к моему коллеге.

Учительница покачала из стороны в сторону головой, надула узкие, хорошо очерченные косметическим карандашом губы, будто хотела сказать: каков наглец!

— И много в вашей редакции еще коллег?

— Нет, всего одна девушка.

— Почему же вы не прихватили ее с собой? Я заодно убедила бы и ее. Надеюсь, после вас она сюда не приедет?

— Это зависит оттого, в каком состоянии я вернусь обратно, — двусмысленно ответил я.

— Если бы это было возможно, я бы застелила вашу дорогу скатертью.

— За что ж вы так нелюбезны к журналистам?

— Я уже отвечала на этот вопрос...

На некоторое время нашу милую беседу прервал грохот и гул мотора. Мимо нас, подпрыгивая на ухабах и ударяясь днищем о землю, промчалось выдавшее виды такси.

— Кого это еще принесло? — вслух подумала «кукла».

— Разве в Кажме нет такси? — удивился я.

— Видите ли, в отличие от вас, живущих на Побережье, у нас нет дополнительного заработка, и ездить на такси для нас непозволительная роскошь.

— В таком случае я с удовольствием и совершенно бескорыстно отвезу вас домой. Называйте адрес!

— Адрес вам ничего не даст. Поезжайте прямо. Я скажу, куда повернуть.

Некоторое время мы ехали молча. Дорога, как я уже говорил, была разбита донельзя и давала мне моральное право тащиться со скоростью десять километров в час. Мне хотелось, чтобы мы ехали к дому учительницы как можно дальше. Раз удалось хоть немного ее разговорить, я надеялся получить еще кое-какую полезную информацию.

— Журналиста кто-нибудь провожал? — спросил я, притормозив перед маленькой лужей.

— Не знаю. Вряд ли. Зачем его провожать? Он был на своей машине, а до трассы рукой подать. Мы попрощались вчера вечером, а из школы он ушел рано утром, еще до начала занятий.

— Значит, он ночевал в школе?

— В школе, в школе! — нехотя призналась учительница. — Я распорядилась поставить для него раскладушку в Комнате славы. — Тут она повернула ко мне лицо и с подозрением произнесла: — А почему вы не расспросили об этом своего коллегу? Почему спрашиваете меня, где он ночевал, с кем говорил, и кто его провожал? Вы что, проверяете меня?

Я не ответил и попытался представить, какое было бы у нее лицо, если бы я сказал, что Лешка разбился сегодня в полдень на пути из Кажмы.

Мы выехали на площадь, посреди нее одиноко торчал фонарь. Это был первый работающий фонарь, который я увидел в этом городе.

— Центр города, — сказала учительница. — Справа памятник Ленину. Рядом с ним когда-то стоял кинотеатр “Прогресс”. Теперь там просто руины... Налево, пожалуйста. А вот и наша школа, — кивнула она на темные контуры двухэтажного строения, окруженного крепкими деревьями. — У нас всего три класса: восьмой, девятый и десятый.

— А где же начальные классы? — спросил я без всякого любопытства, лишь бы поддерживать разговор.

— В начальные классы идти оказалось некому. В Кажме уже давно никто не рождает.

Мне не хотелось говорить о не родившихся детях. Мне обязательно надо было выяснить, с кем еще встречался и разговаривал Лешка, но тут учительница приподняла плечи и взялась за дверную ручку:

— Остановите, пожалуйста. Приехали!

Заглушив мотор, я вышел из машины, надеясь, что наше расставание не будет слишком коротким, и спросил, кивая на крепкий двухэтажный дом, больше напоминающий дачный коттедж:

— Вы здесь живете?

Учительница кивнула, сунула ключ в замок калитки и отперла его. Я был на сто процентов уверен, что она пригласит меня на чашку чая. Мне понравился ее дом, огороженный забором из рабицы, с ровными узкими дорожками, выложенными из цветной плитки и строем кипарисов, похожих на вышколенных слуг. Неплохо, однако, живут в Кажме учителя!

— Этот дом остался мне от бывшего мужа, — словно прочтя мои мысли, пояснила она и нащупала где-то над дверью калитки включатель. Над нашими головами вспыхнул ослепительный свет фонаря.

— Я хотел бы завтра утром встретиться и поговорить с Верой Шаповаловой, которая написала письмо, — сказал я.

— Это невозможно! — тут же отрезала учительница. — Она в больнице, и врачи никого к ней не пускают.

— Может быть, для меня они все же сделают исключение?

— Даже не пытайтесь... — Она вдруг взглянула на меня с плохо скрытым подозрением и добавила сухим официальным тоном: — А какие-нибудь документы у вас с собой есть?

Я полез в карман за командировочным удостоверением. Учительница повернулась так, чтобы на листок не падала тень, и внимательно прочитала мою фамилию и цель командировки:

— «Сбор материала для статьи о проблемах педагогической подготовки учителей». — Она подняла на меня насмешливый взгляд: — Сами придумали?

— Ей богу, так редактор решил.

Она сложила удостоверение и сунула его в карман плаща:

— Я сделаю отметку о вашем прибытии, а потом верну удостоверение. Дату возвращения поставите сами.

Я кивнул и почувствовал, что у меня начинают замерзать ноги. Приглашение в дом затягивалось.

Учительница вдруг протянула мне ключ с пластмассовым брелоком, на котором было нацарапано «Главный вход»:

— Это ключ от школы. Откроете, пройдете мимо гардероба в конец коридора и упретесь в Комнату славы. Там найдете раскладушку. Туалет и умывальник рядом. Ничего лучшего я вам предложить не могу. Постарайтесь не бродить по коридорам и не забудьте запереть входную дверь, —

добавила она, открывая калитку и погасив фонарь, после чего быстро скрылась в доме.

Оставшись в полной темноте, я сжимал в кулаке ключ от школы и моргал ослепшими глазами. Не успели они привыкнуть к темноте, как их вновь ослепил яркий свет. На этот раз это были автомобильные фары. Выскочившая из-за поворота «Волга» громыхла как танк. Я сделал шаг назад, но горящие фары хищно устремились прямо на меня, и мне пришлось прижаться спиной к калитке. Машина остановилась, и я разглядел «шашечки» такси, которое своим появлением на улицах Кажмы так удивило учительницу.

— На Побережье? — радостным голосом спросил водитель, высунув из окна голову в спортивной шапочке. — Садись!

— Спасибо, мне не надо.

— А куда тебе надо? — проявил настойчивость водитель. — С ветерком! С музыкой! Ну! Давай! Садись!

— Мне никуда не надо, — ответил я, но вдруг чутье сыщика подсказало мне, что, коль появление такси на улицах Кажмы — случай из ряда вон выходящий, таксист может дать полезную информацию.

— То-то же! — обрадовано проговорил таксист, когда я сел с ним рядом. — Я тебя сейчас с ветерком, времени не заметишь...

— Поймай. Я никуда не поеду, — сказал я, едва он взялся за рычаг передач.

— Да что ты мне голову морочишь, парень! — насторожился таксист и на всякий случай опустил левую руку под сиденье. Наверное, у него там была припрятана монтировка или молоток.

— Не кипятись, — попытался я его успокоить. — Я дам тебе денег на обратную дорогу. Только скажи мне, кого ты сюда привез.

Эта просьба лишь прибавила подозрений. Таксист натянул шапочку почти на самые гла-

за, прижался плечом к боковому окну, чтобы находиться от меня как можно дальше, и громко шмыгнул массивным крючковатым носом, похожим на плавник дельфина.

— А ты кто такой? — грозным тоном спросил водитель.

Вместо ответа я достал бумажник, вынул из него две сотенные купюры и положил их на панель рядом с рычагом передач. Водитель, склонив голову, взглянул на них и остался неподвижен. Я кинул еще одну купюру, словно мы играли в карты, и я пошел козырным тузом.

Водитель ожил, не спеша, сгреб деньги, сложил их вдвое и аккуратно спрятал во внутренний карман куртки.

— Так что тебя интересует? — спросил он заметно подобревшим голосом. — Кого я сюда привез? Женщину. Директора здешней школы.

— Где она села?

— На Побережье, на улице Гагарина. Я сначала не хотел ее везти. В эту Кажму, знаешь, неохота лишний раз соваться. Но она мне неплохо заплатила. Да и жалко стало бабу. Ее в районо вызвали на совещание. Засиделась допоздна.

Она случайно не сказала, зачем ее вызвали в районо?

— Нет. Я стараюсь не лезть в душу клиентам, не донимать их вопросами. Кто хочет — сам что-нибудь расскажет. Иногда, знаешь, такие болтуны попадают, что только и ждешь, когда они рот закроют.

— А какое у нее было настроение? — перебил я таксиста. — Подавленное? Взволнованное? Или веселое?

Он задумался, сдвинул шапочку на затылок, почесал складку между бровями и ответил:

— Нет, не подавленное. И уж не веселое, это точно!.. Скорее, озабоченное. Мне показалось, что она что-то потеряла.

— Потеряла? Как это понять?

— Когда мы начали подниматься на Мокрый Перевал, она спросила, не слышал ли я что-нибудь про сегодняшнюю аварию, которая там случилась. А я ответил, что если буду слушать про все дорожные аварии, у меня нервов не хватит. Потом она захотела, чтобы я ехал помедленнее, хотя моя колымага в гору и без того едва ползла, и стала внимательно смотреть на противоположную обочину. Я еще тогда подумал, что директриса высматривает какого-то человека. Но кто будет шастать по Мокрому Перевалу в такое время?

— А почему ты решил, что она что-то потеряла?

— погоди! Ты ж не дал мне договорить...

Таксист вдруг замолчал, шмыгнул носом и зачем-то полез во внутренний карман. Достав деньги, которые я ему дал, пересчитал их и стал рас-

смастривать каждую купюру с обеих сторон. Этот хитрый жук понял, что я серьезно заинтересовался его информацией о директрисе, и решил выжать из меня еще денег. Я молча швырнул ему еще сотню.

— Так вот, — как ни в чем не бывало, продолжил он, снова пряча деньги в карман. — Она пялилась, пялилась на обочину и вдруг: «Стой! Стой!» Я решил, что она увидела, кого искала, и по тормозам. На обочине никого не было, но она выскочила под дождь и бегом на противоположную сторону. А там темно, ни хрена не видать! «Вы, — говорит мне, — не могли бы так поставить машину, чтобы свет фар освещал это место?» Вот я и подумал — потеряла что-то.

Меня охватило такое волнение, какое, должно быть, испытывает охотничья собака, когда берет след дичи. Но я благоразумно скрыл свои эмоции, чтобы спасти кошелек от полного разорения, и, изо всех сил стараясь придать голосу оттенок равнодушия и скукоты, произнес:

— И что же она делала при свете фар?

— Стала ходить по обочине и смотреть под ноги.

— Это была обычная обочина?

— Совершенно обычная. Правда, в том месте пару оградительных столбиков было повалено. И вот от них до середины дороги она стала расстояние шагами мерить. Я еще подумал: чудная какая-то! И охота ей под дождем по лужам шлепать?

— Она нашла что-нибудь?

— Нашла, — кивнул таксист. — Я и не разглядел, что это было. Какая-то хренотень. Она подняла ее с земли и в карман сунула.

— И что было потом? — спросил я, не позволяя таксисту делать слишком большие паузы в рассказе, чтобы ему в голову не успели прийти мысли о деньгах.

— Она села в машину, и мы поехали дальше. Всю оставшуюся дорогу она молчала. Думала о чем-то и курила сигарету за сигаретой. Меня даже кашель мучить начал.

— Где она вышла?

— Напротив водонапорной башни, — нехотя ответил таксист и засопел.

Ничего не скажешь, урожайный вечер! Я еще толком не начал работать, а в моем мозгу уже царил беспорядок от свалившейся на меня информации. Мне остро захотелось побыть одному, чтобы спокойно осмыслить все то, что я услышал от водителя и учительницы, и сделать хоть какой-нибудь вывод.

— Эй, слышь, начальник! Ты мне только за информацию заплатил! А кто грозился еще и на обратную дорогу отстегнуть? — недовольным голосом крикнул таксист, когда я вышел из машины.

— Разыгрался аппетит? — спросил я, склонившись над окошком, из которого торчала его голова. Затем натянул шапочку ему на глаза, потрепал за щеку и доброжелательно предупредил: — Не вздумай прикоснуться к монтировке, которая лежит у тебя под сиденьем, ибо это будет равнозначно оказанию вооруженного сопротивления сотруднику правоохранительных органов.

За моей спиной взревел мотор, колеса заскрежетали о мокрый гравий. Таксист, не рискнув обматерить меня, выплеснул свою злость через педаль газа. «Волга» с жестяным звуком ударилась днищем о край ямы и помчалась по темной улице, оглашая ревом окрестности Кажмы.

Я стоял по щиколотку в луже и провожал взглядом два красных огонька... Директор школы знает об аварии на Мокром Перевале. Мало того, ее почему-то заинтересовало то место, где разбился Лешка. Что она искала на обочине? А что нашла? Именно то, что хотела?

В первую очередь надо заняться личностью директрисы, решил я. Серьезные выводы делать рано, но непреложной истиной является тот факт, что никто, как директор, не озабочен чистотой репутации своей школы. И ради репутации она могла совершить...

Я задумался над тем, каким бы словом закончить мысль. Моя горячая и нетерпеливая натура иногда подводила меня. Круги на воде еще не свидетельствуют о том, что это гуляет крупная рыба, и мне очень не хотелось наловить лягушек и опозориться перед самим собой.

ГЛАВА 6

Комната без окон

Ключ провернулся в замочной скважине без шума. Я воровато оглянулся, и от этого невольного движения мне стало смешно. Не взломщик, не вор,

а почему стараюсь проникнуть в школу незаметно, и озираюсь, и дышать боюсь?

Я чуть приоткрыл дверь и, быстро проскользнув внутрь, тотчас заперся на два оборота. Некоторое время неподвижно стоял в полной темноте, пока глаза не стали различать где-то впереди полосы призрачного света, налипшие на пол и стены, затем сделал несколько шагов и споткнулся о ступеньку лестницы. Поднявшись по ней, я зашел в фойе. Через окна сюда проникал скудный свет единственного в Кажме действующего фонаря, и все же я шел по играющим под ногами кафельным плиткам осторожно, не испытывая желаний споткнуться о забытую уборщицей швабру или оставленный на полу портфель. Справа от меня оцетинился крючками и вешалками гардероб. Слева светлыми пятнами выделялись двери с табличками, и блестело стекло доски объявлений.

Я дошел до конца коридора и остановился у торцевой двери. Тишина в школе царил мертвая. Я не помнил, чтобы мне еще когда-либо доводилось бродить в темноте по столь большому помещению. Уставшие от напряжения глаза видели то, чего в действительности не было: какие-то тени в конце коридора, движущиеся светлые пятна, силуэты застывших людей и животных.

Я не стал ломать глаза, пытаюсь прочитать табличку на двери, рядом с которой стоял, и надавил на ручку. Дверь открылась, и я зашел внутрь. Если в коридоре было просто темно, то здесь господствовал полный мрак. Похоже, в этой комнате отсутствовали окна. Я принялся шарить рукой по стене в поисках выключателя, но тотчас задел какой-то металлический предмет, который с ужасным грохотом упал на пол.

Ничего страшного не произошло, но внутри моего тела всколыхнулась горячая волна. Впол-

голоса выругавшись, я опять провел рукой по стене и, наконец, нащупал кнопку выключателя. Под потолком вспыхнула лампочка, показавшаяся мне ослепительной. Несколько секунд я не мог сделать ни шага и, прикрывая глаза ладонью, смотрел на лежащий у моих ног спортивный кубок в виде скрученного в трубку листа железа. Поднял его, дунул внутрь, и из кубка вылетело облачко пыли.

По всей видимости, это и была Комната славы. Окон здесь, в самом деле, не было. Точнее, их закрывал длинный стенд с множеством старых фотографий и листов с мелким печатным текстом. Посреди комнаты, разделяя ее пополам, стоял стол, покрытый красной скатертью. На нем, под толстым стеклом, тоже были фотографии.

Я пошел вдоль стенда, рассматривая их. Мутные, расплывчатые лица были худые, с ввалившимися щеками, щербатые улыбки напоминали мученический оскал. На одной из фотографий была изображена виселица, на которой, словно вяленая тарань, висели трупы в рваных одеждах. Особенно страшным мне показалось изможденное лицо небритого человека. Голый череп, выпирающие надбровные дуги, узкие губы и пронзительный взгляд больших круглых глаз. Казалось, человек с фотографии смотрел прямо на меня... Я поднял взгляд. Стенд венчала надпись: «Они боролись за Кажму».

Следующая витрина была посвящена жизни школы. Больше половины стенда занимали фотографии педагогического коллектива, наклеенные в строгом порядке. Возглавлял «иконостас» портрет немолодой женщины с подпухшими, глубоко посаженными глазами. У нее был высокий открытый лоб и почти полностью отсутствовали брови, что делало ее похожей на спящую сову. Женщина так сильно сжимала губы, что подбородок был покрыт сетью морщин, напоминая спущенный воздушный шарик. «Директор школы Крутасова Римма Федоровна».

Признаться, я представлял директрису не такой. В моем воображении она была намного моложе, бойчее и хитрее, чем эта грубоватая, нервная, уставшая от бесконечной войны со школьниками нездоровая женщина.

Я отошел от стенда на шаг, склонил голову, глядя на портрет директрисы под другим ракурсом, и теперь мне показалось, что она выглядит не столько усталой, сколько озлобленной, жестокой и коварной, и в глубоко спрятанных глазах можно разглядеть бесовский огонь. Могла она организовать автокатастрофу на Мокром Перевале? А почему бы и нет? Какой-то наглый молодой человек, представившийся журналистом, стал катить бочку на ее школу, обвинять учителя физкультуры в аморальной связи с ученицей, угрожать уголовным кодексом и серьезными последствиями. Директриса сначала пыталась его образумить, потом — запугать, но на Лешку запугивание действует как особо сильный раздражитель, и он сго-

ряча наговорил лишнего, пообещал, что директора теперь уже точно снимут с работы, а физрука безоговорочно посадят. А что такое для этой немолодой женщины остаться в Кажме без работы? Это конец жизни. Прекрасно понимая это, она пошла на преступление. Возможно, не лично вывела из строя двигатель «Нивы», кто-то сделал это за нее. Может быть, физрук. А директриса тем временем позаботилась о своем алиби (совещание в районо!), а на обратном пути на всякий случай осмотрела место происшествия. Нашла там какой-то предмет, который мог бы кинуть на нее подозрение, и подобрала его.

Я долго не сводил глаз с портрета директрисы, стараясь запомнить ее лицо в мельчайших подробностях, чтобы в любой обстановке, будь то день или ночь, безошибочно узнать ее. Затем, опустив глаза, пробежал взглядом по бесстрастным лицам учителей, отыскивая мою «куклу», с которой начал постигать обитателей Кажмы, и нашел ее без труда. Вот она, в первом ряду, крайняя слева. «Завуч, учитель химии Сомова Ольга Андреевна». Ольга Андреевна, Оленька, Олюшка... М-да, назвать Олюшкой эту своенравную даму язык не поворачивался. Хотя на снимке она выглядела довольно привлекательной. Мелкие, но правильные черты лица, выразительные глаза, умело наложенный макияж, легкая, едва заметная улыбка. Этакая кажмская Джоконда. Несмотря на наше короткое общение, Ольга Андреевна успела произвести впечатление умной женщины, которая хорошо знает себе цену и привычно выдерживает дистанцию в общении с незнакомым человеком. На фотографии она была такой же: ее спокойный и немного высокомерный взгляд, четкий рисунок волевых губ и едва заметная, чуть снисходительная улыбка красноречиво свидетельствовали о недоступности и избранности.

Ольга Андреевна мне понравилась намного больше, чем директриса, и я любовался ее портретом до тех пор, пока у меня не заняла шея.

Последняя фотография, которая привлекла мое внимание, в ряду педагогического коллектива оказалась на самом последнем месте. «Учитель физкультуры Белоносов Ярослав Николаевич».

Я пялился на подпись к снимку и не мог понять, почему же мой взгляд споткнулся на этом месте. Белоносов Ярослав Николаевич... Может, у меня были знакомые с такой фамилией?.. Нет, не было... Ярослав Николаевич... Мне казалось, что я уже где-то слышал это сочетание имени и отчества.

Пока мои мысли витали в темных лабиринтах памяти, глаза рассматривали фото учителя физкультуры, который был косвенным или непосредственным виновником печальных событий, повлекших гибель моего несчастного товарища. На вид ему лет тридцать. Голова слегка приплюснута сверху, стрижка короткая, «спортивная», губы мясистые, рот крупный, нос прямой, чуть заостренный, челюсть широкая. Мне казалось, что у него должны быть крупные и редкие зубы, а голос низкий, речь неторопливая, что гарантированно производит впечатление сильного и уверенного в себе человека. Я запросто мог поверить в то, что этот чернобровый мужчина, не лишенный обаяния, крутил шашни с десятиклассницей. Кроме того, спортивная медаль, забитая в замок ремня безопасности, — самая серьезная улика из числа тех, которые можно принимать во внимание.

В нижнем углу стенда я заметил групповой снимок. Подростки, юноши и девушки в летней одежде стояли перед памятником Ленину. На переднем плане — учителя. Между ними затесалось несколько учеников — наверное, любимчики и отличники. Я склонился над фотографией и нашел мою Ольгу Андреевну. Химичка держала под руку красивого юношу в костюме и галстуке. Если бы я не знал, что она учительница, а юноша — ее ученик, можно было подумать, что девушка стоит рядом со своим кавалером, который чуть постарше ее.

Отыскать физрука оказалось не так-то просто. Не думаю, что он был настолько наглым, что посмел бы встать рядом с девочкой, интерес к которой стал основой скандала. И все-таки мне было очень интересно взглянуть на Ярослава Николаевича, окруженного толпой, в которой могли быть и свидетели, и недоброжелатели, и... и...

Вдруг меня словно мешком пыльным по голове стукнули. Ярослав Николаевич? Учителя физкультуры зовут Ярослав Николаевич? Я.Н.! Точно такие же инициалы были выжжены на пластиковой ручке плоскогубцев, которые были найдены рядом с телом Лешки!

Я непроизвольно хлопнул себя по карманам, хотя прекрасно помнил, что положил плоскогубцы вместе с другими вещами в сумку, а она осталась в машине. Я сделал несколько шагов к двери, но тотчас остановился. Нет, мне совсем не хотелось опять брести на ощупь по темному коридору, выходить из школы в дождь, открывать машину. Зачем? Я отлично помнил, что на ручке были именно эти инициалы — «Я.Н.», и по своему опыту знал, что в подобных случаях версию о случайном совпадении можно вычеркивать, не задумываясь. Плоскогубцы явно принадлежат физруку. Но как они оказались рядом с разбитой «Нивой»? Значило ли это, что физрук был на месте аварии, пользовался там плоскогубцами и нечаянно забыл их рядом с трупом?

Я принялся бродить по комнате. Во мне кипело желание немедленно сесть в машину, поехать к физруку домой и устроить ему допрос по полной программе.

Спокойно! Не наломать бы дров! Для начала надо выспаться. Утро вечера мудренее. Сейчас в голове полный хаос.

Я кинул взгляд в угол, где стоял стол с небольшой трибуной, обшитой красной тканью. Из-за стола выглядывала алюминиевая дуга раскладушки. Я вытащил ее из-за стола, распрямил ножки, поставил на пол и несколько раз надавил ладонями на тугий брезент. Еще сегодня утром на ней спал Лешка. С нее он встал, чтобы уже больше никогда не лечь в нормальную постель. Сейчас он ночует на прозекторском столе в морге. Через пару дней его ложе станет гроб...

Мне стало нехорошо, но усталость медленно и неуклонно давила во мне волю и притупляла неприятные чувства. Махнув рукой, я снял с себя куртку, скинул ботинки и лег на раскладушку. В конце концов, на ней лежал

живой человек, а не покойник. А даже если покойник — ведь он был моим коллегой, моим товарищем, можно сказать, другом.

Кажется, я уже засыпал, как вдруг откуда-то извне, из наружного мира, разгоняя сладкую дремоту, ворвался едва уловимый звук.

Я тотчас открыл глаза и прислушался. Шарк! Будто «живая» кафельная плитка качнулась под чьей-то ногой.

Лежать я уже не мог и незамедлительно сел, вперив взгляд в дверь. Кто там ходит по темному коридору во втором часу ночи? Или мне это показалось?

Но тишина ночи ничем больше себя не проявляла. Я посидел еще немного и уже хотел, было, лечь, как вдруг увидел, что дверная ручка медленно опускается. Кто-то нажимал на нее снаружи.

Это уже был предел наглости!

— Кто здесь?! — крикнул я, вскакивая с раскладушки.

Дверная ручка тотчас вернулась в исходное положение. Обуваясь на ходу, я кинулся к двери и распахнул ее. Луч света разлился по кафельному полу коридора серым конусом. Я таращил глаза, глядя в темноту, и еще раз спросил:

— Кто здесь?

Я слышал только глухие удары собственного сердца. Ладно, звук шагов мог мне померещиться. Но ручка не могла опуститься самостоятельно! Это факт. Значит, помимо меня в школе ночует еще кто-то. И, в отличие от меня, ему не спится.

Само собой, в голову тотчас полезли идиотские мысли о привидениях и прочей муре. Я с силой захлопнул дверь, отыгрывая на ней свое раздражение. Испугался, частный детектив!

Раздосадованный и рассерженный своим поведением, я с ожесточением скинул с ног ботинки, рухнул на раскладушку, которая тотчас отозвалась жалобным скрипом, и моментально уснул.

ГЛАВА 7

Полный туман

Не знаю, сколько я проспал. Открыв глаза, я увидел над собой все ту же гудящую неоновую лампу и белый потолок. Пока я блуждал в царстве сна, здесь ничего не изменилось. Я встал с раскладушки, энергично растер ладонями лицо и почувствовал непреодолимое желание умыться холодной водой.

Распахнув дверь, с которой были связаны мои ночные переживания, я увидел, что коридор залит серым сумеречным светом. Зайдя в умываль-

ник, я сунул голову под кран, потом причесался перед мутным зеркалом и сразу почувствовал прилив сил и острое желание немедленно начать работу. Но для начала было бы неплохо выпить чашку кофе с бутербродом из ломтя ветчины и лепестка сыра.

Поиски бутерброда, тем не менее, не помешали мне обойти все школьные коридоры вдоль и поперек, заглядывая в классы, а заодно проверить входную дверь. Дверь по-прежнему была заперта, но вот окно в одной из классных комнат на первом этаже оказалось приоткрыто, а когда я выглянул из него, то увидел прислоненный к наружной стене деревянный ящик из-под овощей. Все понятно! Кто-то вчера ночью забрался в школу через окно и сделал неудачную попытку зайти в комнату славы. Кто это был? Хилый двоечник или... или...

Составить вторую часть предложения мне не удалось, и я, решив подключить к размышлениям на эту тему еще одного человека, покинул здание школы и вышел на улицу.

Кажма была покрыта сырým густым туманом. Я сразу почувствовал, как влажный холод быстро заползает мне в рукава и под куртку. Полюбоваться красотами города, видимо, мне сегодня было не суждено. Я поднял воротник и, напрягая глаза, с трудом разглядел контуры школьного двора и торчащего посреди него, словно эшафот, моего «жигуля». Машину не угнали, и на том спасибо.

Старательно обходя лужи, я пересек центральную площадь, окруженную расплывчатыми бесформенными тенями, и свернул на улочку, где среди деревьев возвышался красивый дом из бруса. Не успел я подойти к двери калитки и отыскать кнопку звонка, как дверь распахнулась, и я нос к носу столкнулся с Ольгой Андреевной.

Господи, как она испугалась!

— Это вы?! — сдавленным голосом произнесла она, глядя на меня круглыми глазами, и прижала руки в тонких черных перчатках к воротнику красного плаща. Сейчас она казалась мне куда более привлекательной, чем вчера.

— Ольга Андреевна! — строгим голосом инспектора по делам несовершеннолетних проговорил я. — Сегодня ночью по коридору вашей школы кто-то бродил!

— Кто бродил? — рассеянно пробормотала она.

— Вот это я как раз и хотел у вас узнать.

— А где бродил?

Кажется, кто-то из нас двоих еще не проснулся.

— В школе. По коридору вашей школы, — терпеливо разъяснил я.

— А вы откуда знаете? Ах, да! Я совсем забыла. Вы же там ночевали... Кстати, как вам спалось?

— Ужасно, — признался я. — Не школа, а проходной двор какой-то!

— Вы говорите, кто-то ходил по коридору? — произнесла Ольга Андреевна, и мне показалось, что в ее глазах мелькнул испуг. Она на некоторое время задумалась, словно стала мысленно перебирать фамилии школьников, чтобы определить, кто из них мог болтаться по школе ночью, потом уверенным тоном добавила: — Этого не может быть. Ночью в школе никто не мог находиться.

— Но я собственными глазами видел...

— Вам показалось, — заверила Ольга Андреевна и как-то странно, с затаенной хитростью, взглянула на меня, словно хотела сказать: не пытайтесь взять меня на пушку, я хорошо знаю, что вы лжете!

Мне оставалось лишь пожать плечами. Собственно, я пришел сюда не столько для того, чтобы сообщить о шатающихся по коридору полуночниках.

— Я хотел бы обсудить с вами некоторые детали письма, которая написала Вера Шаповалова, — сказал я, нагнав на лоб деловые морщины.

— Извините, но у меня сейчас нет времени, — резко оборвала меня Ольга Андреевна и сделала маленький шаг в мою сторону, пытаясь, видимо, вытолкнуть меня из калитки.

— Кажется, я обратился к вам не с личной просьбой, — начал злиться я. — Я выполняю свой профессиональный долг.

— Что вы от меня хотите? — поджав губы, посмотрела на меня в упор Ольга Андреевна.

— Если не ошибаюсь, вы — завуч. То есть, должностное лицо?

— Да. Что дальше?

— Вы обязаны помочь мне разобраться в этой истории с письмом.

— Раз обязана, то обязательно помогу, — усмехнулась она. — Так же, как и вашему коллеге. Я дам вам развернутое интервью, организую встречу с учениками и даже сфотографируюсь для вашей паршивой газетенки. Но это будет несколько позже. Сейчас я тороплюсь. У меня дела. Скажите, в выходной я имею право на личную жизнь?

— В таком случае, я вынужден обратиться к директору школы.

— Отличная мысль! — обрадовалась Ольга Андреевна. — Хотите, я провожу вас к ней? Мне как раз по пути.

Мне ничего не оставалось, как согласиться. Мы пошли в обратную сторону — мимо школы и центральной площади с памятником. Я с недоумением озирался по сторонам. Если не ошибаюсь, таксист отвез вчера директрису совсем в другое место. Впрочем, высказывать свои сомнения я не стал, чтобы опять не нарваться на сарказм Ольги Андреевны. Кажется, Кажма вымерла. Ни один человек не повстречался нам. В глухой тишине лишь цокали каблучки учительницы.

— Покажите-ка заодно дом, где живет Ярослав Николаевич, — попросил я.

Ольга Андреевна остановилась и взглянула на меня со сдержанным негодованием:

— А физрук вам зачем? Я же вам русским языком сказала: у Белоносова даже в мыслях никогда не было приставать с грязными намеками к девочкам! Нечего трепать нервы честному и порядочному учителю!

— А что вы так всполошились?

— Потому что с этим человеком я работаю в одном коллективе уже много лет. У нас в Кажме все люди друг у друга на виду. Это большая деревня, понимаете?

— Белоносов женат? — неожиданно спросил я.

Ольга Андреевна скривилась, словно взяла в рот кислую конфету, и выпалила:

— Господи, какие же вы, журналисты, примитивные люди! Если человек не женат, это вовсе не значит, что он начнет волочиться за малолетками!

— Спасибо, ваша точка зрения мне ясна, — ответил я. — И все-таки я намерен поговорить с Белоносовым. Если вы не дадите мне его адрес, я возьму его у директора.

Это заявление окончательно вывело Ольгу Андреевну из себя.

— Послушайте! Я уже поняла, что вы без мыла влезете в любую дырку. Но, тем не менее, с Белоносовым вы все равно не сможете встретиться, потому что его сейчас нет в Кажме. И вернется он только к обеду.

— А куда он уехал, вы случайно не знаете?

— Случайно знаю! На ваше Побережье.

— И давно?

— Вчера утром. Первым автобусным рейсом. Можете спросить об этом директора. Она подтвердит.

Мне опять вспомнились Лешкины слова на автоответчике: «Это какой-то заговор молчания!» Похоже, что я шел по его следам и бился головой в ту же непрошибаемую стену. Тем не менее, Лешке все же удалось что-то накопать, моя же лопата пока ударялась о камень.

— Вот в этом доме живет директор, — сказала Ольга Андреевна, остановившись перед двухэтажным неказистым домом. — Первый подъезд, квартира шесть. Времени вы зря не теряли, и, надеюсь, уже знаете, как ее зовут?

Я кивнул и посмотрел по сторонам. Если мне не изменяет память, таксист вчера что-то говорил про водонапорную башню. Здесь же ничего похожего не было. Видимо, башня пряталась в тумане.

Ни слова не добавив, Ольга Андреевна повернулась ко мне спиной и быстро пошла дальше.

— Но когда же вы поговорим с вами? — крикнул я ей вдогонку.

— В два часа около школы, — не оборачиваясь, ответила учительница.

Я проводил ее взглядом и зашел в пахнувший кошками подъезд. В Кажме я почти не ориентировался, и все же мне показалось, что вчера вечером я встретил Ольгу Андреевну где-то там, куда она сейчас ушла.

ГЛАВА 8

Болонка и макраме

Образ злой мегеры, который я создал вчера в Комнате славы, изучая фотографию директрисы, можно было решительно скомкать и выкинуть в

мусор. Крутасова Римма Федоровна оказалась на удивление милой и приветливой женщиной.

— Корреспондент? — переспросила она, ласково и немного устало глядя на меня. — Что ж это вас вдруг на Кажму потянуло?

Она стояла на пороге широко распахнутой двери в длинном индонезийском халате, замечательно скрывающем рельефы ее грузной фигуры, и постукивала о ладонь скрученным в трубочку журналом. Ногой она придерживала лохматую белую болонку, которая попеременно тявкала, скулила и рычала на меня. Я смотрел на директрису, с трудом находя те черты, которые вчера так тщательно запоминал. Она заметно постарела, но золотистого цвета парик на ее голове придавал ее круглому лицу какую-то особую женскую мягкость и обаяние. Глаза у нее большие и круглые, как у коровы. На белой, в многочисленных складках, шее висели крупные бусы из поддельного жемчуга.

— Ну что с тобой делать? — произнесла директриса, запросто обратившись ко мне на «ты». — Заходи, дорогой, а то все мои соседи сейчас прилипнут ушами к своим дверям... Чапа, отстань от него, он тоже голодный! — Она тотчас повернулась ко мне спиной, демонстрируя полное доверие, и прошла в комнату. — Тапочки в шкафчике! Куртку снимай, а то я не выношу, когда по моей квартире ходят в мокрой верхней одежде... Чай будешь?

Надев тапочки и погладив болонку по лохматой голове, я прошел вслед за хозяйкой в комнату. Вопрос о том, живет ли директриса одна или с кем-то еще, отпал сам собой, едва я переступил порог.

Это помещение правильнее было бы называть складом старой мебели. Диван, кресло, торшер, сервант, шифоньер, тумба с телеви-

зором, швейная машинка, круглый стол и топчан удивительным образом умещались на тринадцати квадратных метрах. Помимо мебели, в комнате висело на стенах и оконном карнизе немыслимое множество самодельных макраме с глиняными горшками. Цветы всех оттенков, кактусы, лианы наполняли тесную комнату свежестью зелени и красками лета. Я невольно застыл, любясь этой оранжереей, и стоял так до тех пор, пока Римма Федоровна не принесла поднос с тарелками и чашкой.

— Садись, дорогой, в ногах правды нет, — сказала она, кивая на диван. — Или хочешь на кухню? У меня недавно был твой коллега, так он предпочел общаться на кухне. Худенький, голодненький, он все на холодильник косился. Пока я не накормила его борщом и котлетами, разговора у нас не получилось.

Поставив на журнальный столик поднос, она налила в чашку чай и придвинула мне тарелку. Не боясь тоже показаться худеньким и голодненьким, я взялся за бутерброды, а директриса, сев напротив меня, с умилением смотрела, как я начал их поглощать. Очистив тарелку и выпив ароматный чай, я вытер губы салфеткой и сказал:

— Думаю, что вы знаете, о ком я хочу с вами поговорить.

Директриса откинулась на спинку кресла. Мягкая улыбка не сходила с ее губ.

— Представь себе, — произнесла она, не спуская с меня глаз, — понятия не имею!

Добровольного откровения не получилось. Придется вытягивать из нее правду щипцами.

— Я хочу узнать ваше мнение об учителе физкультуры.

— О Белоносове? — с естественным удивлением спросила директриса.

— А почему вас это так удивляет?

— Почему? — усмехнулась она. — Твоего коллегу, к примеру, интересовала исключительно Ольга Андреевна. И я его прекрасно понимаю. Если уж писать очерк об учительнице, то лучшую кандидатуру трудно найти. Сомова у нас девушка видная, к тому же, незамужняя, без детей. Сам Бог, как говорится, велел...

— Неужели мой коллега не задал вам ни одного вопроса о Белоносове?

— Ни единого! А зачем ему скучный физрук? Ты бы видел его глаза, когда я рассказывала ему про Ольгу Андреевну! Мой Чапа на телячью вырезку так не смотрит. А когда я дала твоему коллеге ее адрес, его как ветром сдуло из моей квартиры. И я скажу тебе, меня впечатлила его настойчивость и целеустремленность. Как минимум, две ночи подряд он брал у нее интервью.

Теперь наступила моя очередь удивиться:

— Вы хотите сказать, что Лешка был в доме у Ольги Андреевны?

— Не просто был. Он жил у нее... А что это ты так всполошился?

— А вы не ошибаетесь?

— Что ты, голубчик! В Кажме трудно что-либо утаить. Да и сама Ольга Андреевна не делала из этого большого секрета. Собственно, а что в этом предосудительного или аморального? Ей нужно думать о личной жизни. Ну, как, познакомить тебя с учительницей?

— Я с ней уже знаком, — признался я. — Она, в самом деле, произвела на меня сильное впечатление. И все-таки я хотел бы больше узнать о Белоносове.

— О Белоносове, так о Белоносове, — пожала плечами директриса. — А что конкретно тебя интересует?

— Я хочу знать ваше мнение о письме.

— О письме? — переспросила директриса и заморгала глазами. — О каком письме?

Ну, это уже слишком!

— Зачем вы делаете вид, будто не понимаете, о каком письме я говорю? Разве мой коллега не сказал вам, с какой целью он приехал в Кажму?

— Побойся Бога, голубчик! — воскликнула директриса. — Наш разговор напоминает общение африканца с эскимосом. Я действительно не понимаю, о каком письме ты говоришь! Твой коллега сказал мне, что собирается написать очерк об учителе, и остановил свой выбор на Ольге Андреевне. Вот и все!

У меня не было никаких доказательств, что директриса лжет, и я должен был ей поверить. Выходит, Лешка не раскрыл перед ней свои карты, и ничего не сказал об анонимке. Ольгу Андреевну, тем не менее, он поставил в известность. Почему он поступил именно так, а

не иначе, я уже вряд ли когда-нибудь узнаю. Как бы то ни было, теперь я был вынужден играть по его правилам.

— Извините, кажется, я запутался. Но оставим моего коллегу. У него было одно задание, у меня другое. Скажите, у Белоносова нет семьи?

— Да, человеку не повезло, — ответила директриса и, встав с дивана, подошла к окну. — Несколько лет назад, когда он работал тренером на Побережье, от него ушла жена. Точнее, он сам ее выгнал. Насколько мне известно, ее звали Ларисой, и это была легкомысленная молодая особа, которая сутки напролет проводила в каких-то притонах. Ходили слухи, что она была наркоманкой, и Белоносов несколько раз безуспешно пытался ее вылечить. Женщина стремительно деградировала. Сначала она продала все, что было в доме, а потом стала зарабатывать проституцией. Отчаявшись, Белоносов продал квартиру и приехал в Кажму.

— Почему именно сюда?

— В то время это был закрытый научный городок, а в глухомани Белоносову легче было забыть ужасы семейной жизни. И еще, наверное, он надеялся, что его женьшке никогда не взбредет в голову искать его в Кажме.

— А дети у них были?

— Про детей ничего не знаю. Да разве можно заводить детей с такой женщиной?

— И с тех пор, как Белоносов поселился здесь, он живет один?

— Ты хочешь узнать, были ли у него женщины? Не думаю, чтобы здоровый и молодой мужик не интересовался ими. Но в Кажме не особо большой выбор невест. Может, на Побережье у него есть какая-нибудь подруга. Не знаю, врать не буду. Правда, одно время он присматривался к Ольге Андреевне, но Сомова — это не лучший вариант. Зачем Ярославу второй раз наступать на те же грабли? Слава Богу, у них не сладилось. Белоносову нужна приличная девушка, я бы даже сказала, с пуританским воспитанием.

— Вы считаете, что Сомова слишком легкомысленна?

Директриса резко повернулась ко мне и взглянула на меня так, словно я произнес неприличное слово.

— Я сказала, что она не лучший вариант для Белоносова. А легкомыслие — это совсем другое.

— А как вы думаете, Белоносов мог бы совершить какой-нибудь неблагоприятный поступок? Скажем, попытаться совратить школьницу?

— Белоносов? — с удивлением переспросила директриса. — Совратить школьницу? Побойся Бога, голубчик! Ярослав Николаевич — достойнейший человек. Он прекрасный педагог. У него чистейшая репутация. Спортсмен, не пьет, не курит — а я ненавижу курящих людей! — умница, никогда не скажет глупость, за которую бы мне было стыдно.

Она ненавидит курящих людей? Но таксист сказал, что она курила! Или он что-то напутал? Я смотрел на директрису изучающе, пытаясь мысленно подогнать ее под тот образ, который создал под впечатлением рассказа таксиста. Меня начали терзать сомнения — эту ли женщину привез он вчера вечером?

— Вы так хорошо отзываетесь о Белоносове. А не было ли у вас мысли создать единственному в вашем коллективе мужчины условия для профессионального роста? Вот вы вчера были в районе — почему там не поднять этот вопрос?

— Во-первых, я вчера не была в районе, — сухо поправила меня директриса.

— Разве? — наигранно удивился я. — Значит, меня неправильно проинформировали... Постойте, кто же мне сказал, что вы ездили на Побережье...

— Не надо ломать голову, хороший ты мой, — тоном, исключающим всякие возражения, ответила директриса. — Не была я вчера на Побережье, и это такая же истина, как и то, что мне пятьдесят три года. В субботу в районе короткий день, и там нечего делать. К тому же, вчера я вела во всех классах алгебру. У нас заболела учительница, а заменить было некому... Но коль ты затронул тему профессионального роста, я скажу, что при всем моем желании Белоносов не сможет сделать себе карьеру в Кажме и заработать приличные деньги. Его выручает только тренерская работа. Сам понимаешь, что я не имею морального права запрещать Ярославу ездить в выходные дни на Побережье и вести занятия в «Юнге».

— А что такое «Юнга»?

— Детская спортивная школа.

Если бы директрису, как видеомagneфон, можно было бы отключить на некоторое время, чтобы поразмыслить над услы-

шанным! Но мне приходилось продолжать разговор, хотя самое интересное и неожиданное я уже узнал.

— Значит, и этот выходной он проведет на Побережье?

— Этот? Нет, сегодня он должен быть в Кажме, — уверенно ответила директриса. — В два часа у нас спортивный праздник, кросс на один километр. Белоносов обязательно будет. Он никогда меня не подводил.

— А мне сказали, что вчера утром он уехал.

— Да, это так, — кивнула директриса, — но наверняка уже вернулся.

— Значит, я могу с ним встретиться и поговорить?

— Конечно. Почему нет? Я дам тебе его адрес. Он живет недалеко.

Она поставила на поднос чашку и унесла его на кухню. То ли ей хотелось навести порядок на журнальном столике, то ли она дала мне понять, что пора закругляться. Чапа, оставшись со мной наедине, вскочил с кресла, в котором дремал, недоверчиво взглянул на меня и на всякий случай твякнул.

Я тоже встал. Разговор с директрисой не снял ни одного вопроса, а лишь добавил новые. Я уже не сомневался в том, что ни в какое районное директриса вчера не ездила, и что вчера она вообще не покидала пределов Кажмы. Правдивость ее слов легко было проверить, и директриса вряд ли стала бы мне лгать.

Следовательно, вчера вечером в Кажму приехала неизвестная мне женщина, которая зачем-то выдала себя за директора школы, и эта женщина знала, что случилось на Мокром Перевале. Кто она? Зачем ей надо было говорить водителю неправду, если можно было вообще ничего ему не говорить?

И второй блок вопросов: почему Лешка ни слова не сказал директрисе об анонимном письме? Это было его решение, или же его кто-то об этом попросил? Почему Сомова, завуч школы, не доложила директору о том, что корреспондент приехал в Кажму по письму Веры Шаповаловой? И кто проводил проверку по факту домогательства? Только Ольга Андреевна, или кто-то еще? Как получилось, что директор школы оказалась не в курсе этой истории? И почему Лешка даже мельком не спросил директрису о моральном облике физрука, а сразу заинтересовался очаровательной химичкой? Неужели все дело тут заключалось в обыкновенной влюбленности, которая иной раз полностью отключает мозги у мужиков?

ГЛАВА 9

Горелая каша

Я решил встретиться с физруком немедленно и, выйдя из подъезда, вынул из кармана листок, на котором директриса набросала схему маршрута к дому Белоносова. Туман, который по-прежнему был плотным и очень сы-

рым, не позволяя мне сразу найти такие отправные ориентиры, как «детский сад» и «поликлиника», и все же я понял, что идти надо в том же направлении, в каком полчаса назад ушла Ольга Андреевна, и откуда я вчера приехал.

Сунув схему в карман, я поднял воротник и, перед тем, как перепрыгнуть большую лужу, кинул взгляд на окно с макраме, которые висели за стеклом, словно тяжелые сосульки. Директриса следила за мной и, как только я обернулся, немедленно отпрянула от окна и задернула его шторой. Наверное, она хотела выяснить, в какую сторону я пойду: к химичке или к физруку.

Я шел в тумане, глядя по сторонам и стараясь не пропустить поликлинику, за которой мне надо было свернуть. Особенность Кажмы — полное отсутствие людей на улице — уже перестала меня удивлять. А густой туман укрывал от моего взгляда мрачные дома с грязными подъездами, разбитые тротуары и ржавые заборы, что уберегало психику от тяжелых впечатлений. Наконец, словно ржавая баржа, из тумана на меня выплыл длинный одноэтажный корпус поликлиники. Следуя схеме, я свернул налево. Асфальт кончился, и я пошлепал по мокрому песку, оставляя на нем свои следы. По обе стороны от дороги тянулись ряды глухих заборов. Все, что было за ними, туман надежно скрывал, и мне казалось, будто я иду по мосту, перекинутому над бездной.

Мне нужен был дом номер сорок. Вот он. Точнее, сам дом я еще не видел, ориентиром для меня стали цифры, нарисованные белой краской прямо на заборе. Я подошел к двери и стал искать кнопку звонка. Не найдя ничего подобного, пару раз стукнул по двери кула-

ком. На этот сигнал не последовало никакой реакции. Я не услышал даже лая собаки, что лишь подстегнуло мое решение двигаться дальше к намеченной цели, поэтому я просто толкнул дверь и перешагнул высокий порог.

Двор представлял собой один сплошной пожухлый газон. Возможно, летом он превратится в сочно-зеленое пятно, радующее глаз, но сейчас газон являл собой грустное зрелище. В середине его стоял весьма приличный двухэтажный особняк из красного кирпича. Архитектура без изысков, грубая и крепкая. Решетки на маленьких окнах, закрытых изнутри белыми полосками жалюзи, черная, почти плоская крыша с чердаком, в котором не встанешь в полный рост, и массивная каминная труба, прилепившаяся к торцу дома. Возможно, этот особняк отстроил для себя некий научный сотрудник или профессор, а когда институт развалился, хозяин с радостью обменял его на квартиру у моря.

Я поднялся по бетонным ступеням на крыльцо. На массивной двери с позолоченной ручкой висела латунная табличка, которая подтвердила мое предположение о прежнем хозяине особняка. На ней было выгравировано: «Мераковский А.И. Профессор, член АН РФ». Подняв голову, я взглянул на окно первого этажа. Еще минуту назад оно было наглухо закрыто и завешено жалюзи, теперь же реечная шторка была приподнята, а форточка распахнута настежь. Именно из нее шел тяжелый запах подгоревшей каши.

— Не ори! — вдруг услышал я нервный окрик. — Несу! Уже несу!.. Господи, когда же это кончится...

Не веря своим глазам, я увидел в окне Ольгу Андреевну в коротком зеленом платье. Учительница стояла у чадающей плиты и скребла ложкой по дну кастрюли. Вот как! В то время как директриса думает, что у физрука и химички «не сладилось», Ольга Андреевна готовит Белонососу кашу, да еще и прикрикивает на него, как жена с большим стажем супружеской жизни.

Ее присутствие здесь не входило в мои планы. Я надеялся поговорить с Белонососовым с глазу на глаз, без свидетелей. Моя рука замерла перед кнопкой звонка. Отложить встречу на то время, когда Белонососов будет один? Но это может быть не скоро. В два часа он проводит кросс, который, с учетом подведения итогов и награждения победителей, закончится в три. А что мне делать до этого часа? Полдня коту под хвост!

Я решил сразу же с порога жестко предупредить Белонососова, что в его же интересах поговорить со мной тет-а-тет. А Ольгу Андреевну желательно на это время изолировать, заперев в одной из комнат, либо вообще выпроводить из дома.

Я громко постучал в дверь и тут же услышал частый стук каблуков. А вот это плохо, что Белонососов поручил открыть дверь Ольге Андреевне. Теперь мне придется объясняться с ней.

Решив свести общение с учительницей до минимума и вломиться внутрь при первых же признаках сопротивления, я прислонился плечом к дверному косяку и выставил вперед одну ногу. Лязгнул замок, дверь широко распахнулась, и Ольга Андреевна, замерев у порога, сдавленно вскрикнула.

— Это... это вы?! — в ужасе произнесла она и попыталась захлопнуть дверь перед моим носом, но я предусмотрительно подставил ногу. Крепкая дубовая дверь наехала на мой ботинок и сдавила его, словно я угодил ногой в капкан.

— Ольга Андреевна! — грозным голосом выкрикнул я. — Вы напрасно это делаете! Я должен поговорить с Белоносовым!

— Отпустите дверь! — пискнула учительница, глядя на меня через щель круглыми от страха глазами.

— Немедленно позовите его сюда, иначе я из двери сейчас сделаю дрова! — пообещал я.

— Его нет!

— Вы говорите неправду! Я собственными ушами слышал, как вы с ним разговаривали!

— Уберите ногу... вы не имеете права...

Она кряхтела и задыхалась от усердия, с которым налегала на дверь, и я не мог не удивиться, сколько сил оказалось у этой хрупкой на вид женщины. Тем не менее, я был уверен, что этот поединок учительница проиграла, и через несколько секунд на крыльцо выйдет Белоносов, потому как шум нашей борьбы невозможно было не услышать даже на втором этаже.

Я стоически терпел боль, хотя мне казалось, что дверь сжимает мою ногу с силой акульих челюстей. Из-за моих плотно сжатых зубов не вырвался стон даже тогда, ког-

да Ольга Андреевна наступила мне на ногу своим острым каблуком, а потом еще и подпрыгнула. Наверное, она придумала бы еще более изощренную пытку, если бы вдруг откуда-то из недр дома не докатилась серия глухих ударов.

Ольга Андреевна вдруг побледнела и сделала то, чего я менее всего мог от нее ожидать. Коротким и сильным толчком она послала свой маленький кулачок прямо мне в нос. Удар был не столько болезненным, сколько оскорбительным для моего мужского самолюбия, и я с позором отошел от двери на шаг. Учительница немедленно захлопнула дверь и щелкнула замком.

Вне себя от негодования, я спустился на газон, задрал голову и громко крикнул:

— Белоносов! Мне надо с вами поговорить как мужчина с женщиной! Поверьте, это в ваших же интересах! Белоносо-о-ов! Вы слышите меня?

Дом возвышался передо мной как крепость и смотрел слепыми окнами. В одном из окон второго этажа качнулись жалюзи, и вновь все стало статичным и безмолвным.

Я сплюнул и пошел к калитке. Толкнув ее ногой, вышел на улицу и решительно зашагал по лужам сквозь туман.

Лешка говорил, что наткнулся на заговор молчания. Нет, это не заговор. Это саркофаг из бетона, в котором кто-то прячется. И ничем его не пробьешь.

Никуда Белоносов не денется, думал я, разбрызгивая воду во все стороны. В два часа в школе начнется спортивный праздник. Он обязательно придет. Вот там мы и поговорим.

ГЛАВА 10

Гордость школы

Удар по носу все же вывел меня из равновесия. Я довольно долго брел в неизвестном мне направлении среди неясных очертаний домов и деревьев, пока путь мне не преградила убогая пивнушка, «стекляшка» с мутными окнами и металлической дверью.

Я зашел внутрь, с удивлением увидев не только продавщицу за прилавком, но и одного посетителя, сосущего пиво из литровой банки. Я смотрел на этих людей с таким же восторгом, как если бы видел тигров или слонов на воле, в их естественной среде обитания. Всюду жизнь!

— Отпускаю только в свою посуду! Вы что, первый раз здесь? — не слишком вежливо буркнула продавщица, когда я попросил бокал пива.

Впрочем, она не испортила мне настроения, так как ее грубость я воспринял как уникальный местный колорит. Тем более что одинокий посетитель в облезлой шапке-ушанке и замасленном армейском бушлате махнул мне рукой и достал откуда-то из-под стола круглую пластиковую коробку из-под филе сельди.

Я махнул рукой на условности и предрассудки. Продавщица с невозмутимым лицом наполнила мою тару до краев. Отхлебывая пиво из коробки, словно чай с блюдца, я сел рядом с мужиком в бушлате и битый час слушал его бредни о политике, олигархах и бандитах на джипе, которых недавно расстреляли и сожгли в лесу под Кажмой.

Тут я вспомнил, что нечто похожее уже слышал от Стасова, когда брал у него командировочное удостоверение, но тогда эту информацию пропустил мимо ушей. Я попытался расспросить своего собеседника подробнее об этом происшествии, но он уже здорово набрался и начал бессвязно мычать.

— Слушайте вы его больше! — громко и агрессивно вмешалась в нашу беседу продавщица. — Во-первых, это было не на Лесной, а на Объездной. Если вы не здешний, то я поясню: из Кажмы на трассу ведут две дороги. Лесная — это главная, по которой автобус ходит. А Объездная — это грунтовка. Там в дождь можно запросто увязнуть, и по ней мало кто ездит. Вот там этот джип и нашли. Сгорел дотла! Два трупа чернее негров! Бандитские разборки. Группировка приморская против группировки горной. Раздел сфер влияния. Понятно?

Я по привычке попытался мысленно пристегнуть происшествие на Объездной дороге к гибели Лешки, но эти два события не сходились никаким боком. И все же в голове

у меня отложилось: неплохо бы побывать на этом месте и посмотреть на обгоревшую машину. Чем черт не шутит! А вдруг я замечу признаки того же «почерка»?

Очутьившись на улице, я вдохнул полной грудью и вдруг услышал, что за моей спиной, совсем рядом, тихо треснула ветка. Обернувшись, я успел увидеть лишь расплывчатый силуэт человека, который, с треском ломая кусты, ринулся от меня прочь.

— Эй, стой! — крикнул я, теряя темное пятно из виду.

Но остановиться пришлось самому. Я прислушался. Туман приглушал все звуки, и вокруг меня царил мертвая тишина. Ветки деревьев сплелись, словно гигантская паутина. Я больше не видел ничего, что могло бы вызвать у меня любопытство. Кто это был? Этот человек следил за мной? Подслушивал разговоры в пивной?

Вопросы остались без ответа. Я опустил на корточки и стал рассматривать мягкую, словно пластилин, землю. Хотя и похож был беглец на бесплотное привидение, все же должен был оставить следы... А вот он, родимый, отпечаток его обуви! Протектор глубокий, напоминающий легкомысленные завитки. Явно спортивная обувь. Я приложил рядом со следом ладонь, по ней определяя размер обуви. Тридцать седьмой, от силы тридцать восьмой. Подросток или женщина...

Кто же, черт возьми, за мной следил?

Я пошел дальше и вскоре обратил внимание на то, что невольно обращаюсь. Навязчивое чувство, что за мной постоянно следят, не проходило и стало меня уже раздражать. Молочная завеса окружала меня со всех сторон, и тишина была такой, что у меня даже зазвенело в ушах. Затрудняясь выбрать какое-либо конкретное направление, я поплелся наугад, в надежде уткнуться либо в забор, либо в дом, и с таким напряжением всматривался вперед, что у меня заболели глаза, и начало мерещиться, что из тумана надвигается плетень с торчащими на колышках банками и чугунками. Я пошел медленнее, уже не сводя глаз с этого странного плетня. С каждым шагом неясные контуры прорисовывались все более отчетливо. И вот, наконец, я понял, что иду прямо на застывший в безмолвии строй подростков. Не меньше полусотни мальчиков и девочек в спортивной форме при гробовом молчании смотрели, как я выплываю из тумана. Я уже привык к безлюдью Кажмы, и огромная толпа меня буквально потрясла. Шокированный этим зрелищем, я остановился прямо посреди лужи.

— Нет, это не он! — произнес кто-то, и строй, как по команде, одновременно охнул, ожил и зашевелился. Ко мне быстро подошла женщина в сером плаще, схватила за локоть и раздраженно произнесла:

— Ну?! Где же он?!

Я с трудом узнал директрису. Черная вязаная шапочка, похожая на парик, сильно изменила ее облик.

— Кто? — уточнил я.

— Белоносов! Почему он опаздывает? Уже третий час! Школьники замерзли! Безобразия! — Она строго посмотрела на меня: — Ты с ним встречался?

Я отрицательно покрутил головой.

— А что у тебя с носом? И где же ты болтался все это время? — спросила директриса, и вдруг, резко повернувшись к строю, крикнула кому-то: — Не будем ждать! Раздавайте номера!

Тут я увидел Ольгу Андреевну. Химичка со спортивной сумкой на плече подошла к нам, приветливо, как старому знакомому, кивнула мне и обратилась к директрисе:

— Будем начинать без него?

— Да! А что делать? Это совсем на него не похоже! Он никогда еще меня не подводил! Где он, я вас спрашиваю!

— Без понятия, — ответила Ольга Андреевна, пожимая плечами.

— Вот видите, все без понятия, а важное мероприятие срывается, — проворчала директриса. — А потом корреспондент напишет в своей газете, что в нашей школе спортивно-массовые мероприятия проводятся на низком организационном уровне. Напишешь, голубчик, так ведь?

— Зачем ему писать плохо о нашей школе? — за меня ответила Ольга Андреевна. Я уже раскрыл рот, чтобы спросить у нее, не ушибла ли она свой кулак о мой нос, как она доверительно коснулась моей руки и с мягкой улыбкой заглянула мне в глаза: — Я обещала, что мы побеседуем с вами. Вы подождете до конца соревнований, так ведь?

Я решил, что наступил очень удобный момент для выжимания правды и, забыв про свой нос, спросил:

— Почему Белоносов скрывается у себя в доме? Все равно директриса потребует от него вразумительных объяснений. Он что — пьян? Или болен?

Ольга Андреевна воровато оглянулась и, едва не коснувшись губами моего уха, торопливо произнесла:

— Я вам клянусь, что его нет дома. Я сама волнуюсь. Он должен был приехать сегодня утром... Потом договорим...

Она быстро повернулась и пошла к директрисе, которая уже крикнула несколько нелестных слов в ее адрес. Школьники, наступая друг другу на пятки, толкаясь и громко ругаясь, изображали колонны. Низкорослый и крупноголовый мальчик, встав во главе строя, пытался командовать одноклассниками, но те, назло ему, все делали наоборот и поочередно «одаривали» своего командира пинками в спину.

Я решил дождаться конца мероприятия в машине. Хоть там и не работал отопитель, зато было сухо, тихо, и царила знакомая мне обстановка.

Обойдя возбужденную предстоящим забегом толпу, я зашел на школьный двор, посреди которого сиротливо торчал мой «жигуль». Когда я приблизился к нему, у меня неприятно екнуло сердце. Дверь со стороны водителя была закрыта не плотно, а кнопка выключения замка поднята, хотя я отчетливо помнил, что закрывал дверь на ключ. Похоже, что школьники, скучая в ожидании Белоносова, решили исследовать внутренность моей машины. Возможно, они даже тайно покатались по школьному двору, пользуясь туманом.

Я открыл дверь, сел за руль и взглянул на панель. Магнитола на месте, встроенные часы на месте, японский антирадар по-прежнему прилеплен к лобовому стеклу. Значит, в машину залезал не воришка, иначе он обязательно унес бы эти вещи. Ручник был затянут, рычаг скорости стоял на первой передаче — все в том же положении, в каком я оставил. Наверное, детишки хотели покататься, да не подобрали ключ к замку зажигания... А это что?

Я только сейчас обратил внимание на сложенный тетрадный лист, который лежал под рычагом передач, и интуиция сразу завопила, что взломщик внедрился в мою машину только ради того, чтобы оставить здесь этот листок. Я развернул его и прочел несколько слов, торопливо написанных простым карандашом: «Уезжайте из Кажмы немедленно, иначе вас убьют!»

Я тотчас торопливо сунул листок в карман, так как перед капотом машины вдруг выросла фигура директрисы. Она вытянула руку с красным флажком и постучала дровком по лобовому стеклу. Я вышел из машины и услышал ее безапелляционный приказ:

— Тебя можно на секундочку? У меня к тебе маленькая просьба! Ты же видишь, как меня подвел Белоносов! Но я ему устрою разбор полетов по

полной программе! На старте будет Сомова, а на финише я. Но на месте поворота ученики часто срезают. Пойдешь вниз по Обьездной и увидишь красный флажок. Там стой и отмечай все номера, которые мимо тебя пробегут! Тогда мы всех «сокращенцев» выйдем и вклеим им двойки по физкультуре! Никому поблажки не будет! Ни медалистам, ни хорошистам, ни хренистам! Давай, поторопись, а то уже пора старт объявлять!

У меня даже не нашлось слов, чтобы как-то возразить ей. Сунув тетрадку под мышку, я решительно пошел вперед, чтобы опять погрузиться в туман, и вскоре оказался на лесной грунтовой дороге, настолько узкой, что встречные машины могли бы здесь разъехаться лишь при наличии крепких навыков у водителей. Она полого спускалась вниз и при этом плавно выгибалась вправо. Чем ниже я опускался, тем реже становился туман.

То, что директриса назвала красным флажком, на деле оказалось врытой в землю трубой с жестяным указателем в виде стрелки, выкрашенным в красный цвет, отчего вся конструкция здорово смахивала на пограничный столб. На стрелке, указывающей в глубь леса, было написано «Продолжение дистанции».

Я занял позицию, прислонившись к столбу, и, чтобы не тратить время зря, вытащил листок и стал внимательно его рассматривать. Он был неровный, с косым краем отрыва. Почерк, вроде бы, мужской, торопливый, в нескольких местах карандаш прорвал бумагу насквозь, значит, человек писал на чем-то мягком, возможно, на колене. Можно предположить, что он не собирался писать записку, но неожиданно выпал удобный момент, и его осенило предупредить меня. Он выдрал из первой попавшейся тетради лист, нашел огрызок карандаша и тут же, на колене, написал.

Неприятно, конечно, получать подобного рода предупреждения, особенно, когда понятия не имеешь, откуда исходит угроза. И что значит «Уезжайте из Кажмы немедленно...»? Немедленно, то есть сию минуту? Значит, убить меня могут в этом лесу, около этого столба и прямо сейчас?

Размышляя о том, что хорошо бы выловить автора этой записки и вытряхнуть из него побольше информации, я еще не знал, что совсем скоро у меня появится такая возможность. Тут на изгибе дороги показался первый бегун, и я, сунув записку в карман, раскрыл тетрадь, чтобы записать номер. И тут мой взгляд окаменел. Я смотрел на первый лист тетради, точнее, на его жалкий остаток с неровным краем. Было ясно, что лист неаккуратно вырвали, отчего в тетради остался лишь обрывок размером с пачку сигарет. Забыв про бегуна, я снова вынул из кармана записку, развернул ее и приложил к месту отрыва. Края сошлись! Черт подери! Значит ли это, что записку написала мне директриса?! Но зачем она это сделала? Не проще ли было шепнуть мне об опасности? Проще, но она не смогла это сделать, ей кто-то помешал. А кто стоял рядом с нами? Ольга Андреевна!

Я не успел прийти к какому-либо определенному выводу, так как в конце дороги показался следующий бегун. Это был молодой человек в дорогом ярко-синем спортивном костюме. Волнистые волосы, не по моде длинные, развевались от ветра, губы были стиснуты, взгляд направлен под ноги. Он шумно дышал носом, что создавало впечатление упрямого и сильного характера. Быстро сократив расстояние до столба, парень уже хотел свернуть на тропу, но тут кинул взгляд на меня.

И тут случилось нечто трудно объяснимое. Едва наши взгляды встретились, как на разгоряченном лице юноши отразился испуг... Нет, даже не испуг, а скорее досада и недоумение, будто он допустил оплошность и за это мысленно обозвал себя каким-нибудь дурным словом. Сдавленно буркнув нечто нечленораздельное, юноша резко свернул с дороги и, ломая кусты, кинулся в лесную чащу.

Я частенько сначала делаю, а потом думаю, но эта моя особенность иногда дает положительные результаты. Так и в этот раз. Я помчался вдогонку за убегающим парнем. Надо признать, что бегал он неплохо, и его крепкое тело с легкостью ломало кусты и низко свисающие сучья деревьев. Я доламывал за ним то, что уцелело. Парень начал постепенно сбавлять темп, я же, наоборот, прибавил и, догнав его, быстро подсек ему ногу.

Мой бегун рухнул на пропитанный влагой мох, тотчас попытался вскочить, но я свалил его во второй раз. Немедленно склонился над ним, схватил его за лодыжку и повернул ногу так, чтобы хорошо рассмотреть протектор кроссовок. Нет, рисунок не тот, что я видел в кустах у пивной. И размер явно больше.

— Ты не туда свернул, — сказал я ему, протягивая руку, чтобы помочь подняться. — Трасса не здесь! От столба надо сворачивать налево, а ты направо... Не ушибся?

— Не твое дело! — вдруг агрессивно ответил парень и, не воспользовавшись моей рукой, поднялся на ноги.

— А чего так грубо?

— А как я еще должен с тобой разговаривать?!

— Не ори, я хорошо слышу.

— Если хорошо слышишь, тогда я дам тебе один добрый совет...

Я не выдержал и схватил его за плечо так, что мой локоть уперся ему в подбородок. Парень сделал попытку увернуться, и тогда я толкнул его спиной на замшелый кленовый ствол, чуть надавил локтем ему на горло и миролюбиво произнес:

— Успокойся, давай поговорим нормально.

— Я тебе больше ничего не скажу! — выпалил он. — Мое дело предупредить, а твое — делать выводы.

И тут меня словно дубовой ветвью по голове шарахнуло! Так вот же он, автор записки! Родной мой, а я даже и не мечтал о такой скорой встрече!

Я немедленно убрал руку, сунул ее в карман и поднес записку к глазам парня:

— Значит, это ты писал?

Парень понял, что допустил промашку, когда начал убежать от меня. Он думал, что я каким-то образом вычислил его и устроил ему засаду около столба. Теперь, вдобавок, он еще и проболтался. Вся его анонимность растаяла, как туман.

— вспомнил! — вдруг хлопнул я себя по лбу. — вспомнил, где я тебя видел! На фотографии около памятника Ленину! Тебя Ольга Андреевна держала под руку.

— А какая тебе разница, кого она держала! — с вызовом ответил парень, глядя на меня исподлобья.

— Ты чего такой ершистый и нервный? — усмехнулся я. — Это ведь я рискованно жизнью, а не ты. Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься, — сквозь зубы процедил парень. — И скажи спасибо, что я тебя предупредил! Сваливай из Кажмы, у тебя нет выбора! Я всего лишь хотел помочь...

— Так помоги!

— Уже помог! Тебе мало одного предупреждения?

— Кто мне угрожает?

— Я не знаю этого человека!

— Послушай, ведь я врунишек в два счета раскалываю!

— Я всего лишь предположил, что тебе может быть хреново!

— Предположил? А на основе чего предположил?

— Да что ты мне допрос устроил? Я, между прочим, тоже должен о своей безопасности подумать. Ты свалишь отсюда, а мне здесь жить!

— Давай я побеспокоюсь о твоей безопасности!

— Спасибо, лучше о своей побеспокойся. А я обойдусь без медвежьей услуги.

— Ну, ты можешь хотя бы сказать, откуда мне ждать опасности?

— Не знаю!

— От Белоносова?

— Все! Интервью закончено! — отворачивая от меня лицо, выкрикнул парень и посмотрел на часы: — И какое я теперь время покажу?

— Это для тебя так важно? — спросил я.

— Важно!

— Ты что, кандидат на золотую медаль?

— Допустим. А тебе не все равно?

Я почувствовал себя виноватым. Но неужели директриса вlepит кандидату на «золото» двойку? Да она сама при первом удобном случае завысит ему оценку. Он же гордость школы! Объект для подражания!

— Не переживай, я что-нибудь придумаю, — пообещал я, но парень лишь махнул рукой и побежал по тропе.

Я записал его номер — «56» — в тетрадь и терпеливо простоял на своем посту еще полчаса...

ГЛАВА 11

Конфетка

Будем рассуждать логически. Почему кто-то хочет меня прибить? Потому что я кому-то мешаю или для кого-то представляю опасность. Вероятнее

всего, этот «кто-то» прямо или косвенно виновен в гибели Лешки. Убийца догадался, что нравственные проблемы учителя физкультуры мне ровным счетом по барабану, что я ищу того, кто испортил движок в «Ниве» и забил медальку в замок ремня безопасности. Убийца понимает, что рано или поздно я докопаюсь до истины, и тогда придется либо подаваться в бега, либо опять идти на «мокруху».

Мысленно поблагодарив директрису, которая вольно или невольно помогла мне найти автора анонимки, чем избавила от лишней головной боли, я неторопливо поднимался в поселок. С каждым шагом туман становился плотнее. С чувством тоски я снова погружался в душное и сырое облако, где становился полуслепым, полуглухим, где предметы и люди виделись отчетливо лишь на близком расстоянии, что делало меня более уязвимым. Время от времени я останавливался и, затаив дыхание, прислушивался, надеясь вовремя уловить крадущиеся шаги убийцы. Какое, однако, гадкое это чувство — ожидание выстрела в затылок!

Каким-то чудом я вышел на школьный двор с первого раза. Учеников уже и след простыл, рядом с моей машиной стояли директриса с ведомостями в руках и Ольга Андреевна со стопкой влажных нагрудных номеров.

— Явился, не запылелся! — с недоброй иронией встретила меня директриса. — Ну, что у тебя тут? — Она протянула руку, выхватила у меня тетрадь и, глянув на короткий перечень номеров, усмехнулась: — Пять человек! А остальные, выходит, срезали?

Я, чувствуя себя подленьким стукачом, кивнул. Директриса только вздохнула и раз-

вела руками. Стоявшая рядом Ольга Андреевна заглянула в тетрадь, и ее взгляд остановился на номере «56».

— Обратите внимание, Римма Федоровна, — сказала она, — что Рябцев не срезал.

— Ваш Рябцев, милочка, едва уложился в тройку! — отпарировала директриса и, вырвав список из тетради, смяла лист в кулаке.

— Этого не может быть, — холодно ответила Ольга Андреевна. — Рябцев лучше всех в школе бегают кросс!

— Это правда, — подтвердил я. — Он бежал так быстро, что мне пришлось довольно долго гоняться за ним, чтобы разглядеть его номер.

Очень недовольная качеством проведения спортивного праздника, директриса распорядилась отнести номера в тренерскую и, не попрощавшись с нами, ушла. Мы остались с Ольгой Андреевной одни и молча подошли к моей машине.

— Ольга Андреевна, может быть, теперь вы все-таки признаетесь, что Белоносов дома? — первым нарушил я молчание.

— А вы, я вижу, приобрели союзника в лице нашего директора? Теперь вы будете разыскивать физрука на пару? — краешком губ улыбнулась она.

— Боюсь, что директриса разочаровалась во мне как в союзнике. И все-таки я принимаю ее мнение. Она считает, что Белоносов — очень надежный человек и без видимой причины не мог пропустить мероприятие.

— Я тоже так считаю.

— Скажите, он не пришел к школе потому, что здесь был я?

— Послушайте, а с чего вы вообще взяли, что он в Кажме? И вообще, если вам очень хочется, продолжим наш разговор чуть позже. Сейчас я должна отнести номера в тренерскую и закрыть школу.

— А я вас здесь подожду, — сказал я и, сев в машину, тут же набрал номер Сергеича.

— Ты все еще в Кажме? — крикнул он в трубку. — Все не уgomонился? Ну, и как? Накопал чего-нибудь?

— Сергеич, нужна твоя помощь, — без всяких вступлений сказал я.

— Всем нужна помощь старого больного Сергеича, — вздохнул он. — Но хоть бы кто-нибудь предложил мне свою помощь!

— Запиши, пожалуйста, — продолжал я, не отреагировав на его замечание. — Ярослав Николаевич Белоносов. Постоянно проживает в Кажме, учитель физкультуры в средней школе номер один. На Побережье, в детской спортивной школе «Юнга», подрабатывает тренером карате. Где-то там же проживает его жена Лариса Белоносова. Она на учете в наркодиспансере... Ты записываешь?

— Да записываю, записываю, хотя мне больше делать нечего, как про твоих наркоманов писать. Давай суть просьбы! Чего ты от меня хочешь?

— Сергеич, этот Белоносов вчера вечером или сегодня утром должен был вернуться в Кажму, но не вернулся. Мне очень нужно узнать, где он сейчас.

— Грузишь ты меня своими проблемами, Кирюша, — вздохнул Сергеич, но я понял, что он поможет мне. — Ладно, попробую.

За окном машины темно, и туман стал приобретать грязно-серый оттенок. Я опустил голову на спинку сидения и прикрыл глаза. Пошли вторые сутки с того момента, как я узнал о гибели Лешки на Мокром Перевале. Голова распухает от избытка информации. Хотя, по большому счету, вся эта информация, за исключением одной, яйца выеденного не стоит. Разгадка тайны гибели Лешки совсем рядом, она кроется за упрямым молчанием Рябцева. Этот парень знает все, и мне надо просто вытряхнуть из него правду. Заставить его говорить. Выбить из него признание.

Запиликал мобильник. Я взглянул на дисплей, где высветилось имя звонившего: «Sergeitsh», и удивился. Так быстро?

— Значит, слушай! — начал Сергеич. — Ни вчера, ни сегодня твой Белоносов в «Юнге» не появлялся, хотя его там ждали. Ничего о нем не знает и его жена, которая в настоящее время сожительствует с гражданином Арутюняном и проживает на его квартире. В морги, больницы и вытрезвители Белоносов не попадал, неопознанных трупов в городе не выявлено. Его никто не задерживал. Так что, твой Белоносов, скорее всего, загулял у друзей или любовницы.

— Он не мог загулять, — ответил я. — Он очень обязательный человек, и сегодня должен был проводить спортивный праздник.

— Я тоже обязательный человек, — вздохнул Сергеич. — Но мне иногда так хочется послать всех куда подальше, не выйти на службу, не отвечать на звонки, крепко запить, и чтобы добросовестные дюдики, вроде тебя, сутками напролет искали меня в подвалах, чердаках и канализационных шахтах!

— Тебе пора на пенсию, Сергеич.

— Да пошел ты! — огрызнулся опер. — А кто будет ловить хулиганов, наркоманов и воришек? Ты? Кстати, фамилия Белоносова как-то раз попала в протокол. Месяца два назад он был задержан в кафе «Лотус» вместе с бандой наркоторговцев, но его причастность к наркоте не была доказана, и его отпустили.

— Он случайно оказался рядом с ними?

— Случайно или нет, но свидетели утверждали, что он сидел с ними за одним столом... Ладно, я на оперативку опаздываю. Пока!

Некоторое время я еще прижимал онемевшую трубку к уху и думал над тем, что услышал. Белоносова на Побережье нет. Во всяком случае, Сергеич с его возможностями его не нашел. Значит, никуда не пропал Белоносов, а сидит, подлый трус, в своем кирпичном особняке с решетками, похожем на комфортабельную тюрьму. И Ольга Андреевна распускает слух, что его нет, что он исчез, словно сквозь землю провалился. А для чего это делается? Для того, чтобы потом иметь железное алиби.

Я повернул голову и посмотрел на туман. Или, если говорить точнее, в туман, так как это была бесплотная субстанция, не имеющая ни формы, ни объема... И тут же у меня в сознании всплыл разговор с таксистом, который привез некую женщину, назвавшуюся директором школы. Сегодня утром я узнал, что это была вовсе не директор школы. А сейчас я был готов прийти к выводу, что... что это вообще была не женщина. Это был Белоносов, одетый в женское платье! И он нарочно попросил таксиста высадить его не рядом с домом, а рядом с водонапорной башней. Правильно! Это, бесспорно, умное решение! Белоносов предвидел, что таксиста могут допросить, и вернулся в Кажму инкогнито. И теперь он может натворить что угодно, а потом сказать следствию, что в этот день его вообще не было в городе. Кто его здесь видел? Никто не видел! Белоносов Ярослав Николаевич в это время был на Побережье и в сильно пьяном состоянии спал на пустынном пляже под навесом. Иди, проверяй, обнюхивай топчаны!

Самым дурным оказался последний вывод, к которому я пришел с удивительной легкостью — для чего Белоносову понадобилось алиби, точнее, для какого преступления. Думать об этом оказалось мучительнее

всего. А тут еще записка с предупреждением. Черт возьми, меня могут «замочить» в любую секунду! Да хоть сейчас! И свидетелей нет, и туман что надо...

Я оглянулся по сторонам и почувствовал себя в западне. Нет, в машине сидеть невыносимо. Прочь отсюда! В туман! Сейчас он мой друг. Он прикроет меня как бронжилетом.

Но где же Ольга Андреевна? Почему ее нет так долго? Мне показалось это подозрительным, и я, касаясь рукой стены, как слепой, пошел к входной двери школы. Заходя внутрь, я невольно старался не шуметь и, на цыпочках взбежав по лестнице на второй этаж, свернул по коридору налево. Кабинет химии, кабинет физики, кабинет биологии... Ага, вот распашная дверь с табличкой «Спортзал». Значит, тренерская должна быть рядом. В стене я заметил темный проем. В нем — короткая и крутая металлическая лестница. Я подошел к ней, взялся за отполированный поручень и вдруг услышал приглушенный голос. Нет, даже не голос. Мне показалось, кто-то всхлипывал...

Я даже дышать перестал и очень осторожно стал подниматься по лестнице. Всего семь ступеней — и я оказался в темном небольшом помещении с низким потолком. Дверь с табличкой «Тренерская» была приоткрыта. Я спрятался за выступом в самом темном углу и прижался спиной к стене. Но что это? Мне трудно было поверить своим глазам! Ольга Андреевна стояла у стола, освещенного настольной лампой, и опиралась на него рукой. Рядом с ней, стоя на коленях и обнимая ноги учительницы, дрожал и всхлипывал Рябцев.

— Ольга Андреевна... Ольга Андреевна... — бормотал он, прижимаясь лицом к ногам учительницы. — Я не могу так больше... я не могу...

— Сашенька, милый, так нельзя... — сдержанно говорила она, пытаясь оттолкнуть его от себя. — Ты должен взять себя в руки... Перестань, прошу тебя... Я твой учитель... Ну, что ты делаешь!

— Я люблю вас, Ольга Андреевна! — шмыгая носом, плаксиво гундосил Рябцев. — Я по вам с ума схожу... День и ночь, день и ночь думаю только о вас...

— Саша, тебе надо думать об учебе, тебе надо получить «золото» и поступить в институт, — ласково приговаривала Ольга Андреевна, не то глядя ученика по взъерошенным волосам, не то пытаясь оттащить его голову от своих ног. — Перестань... Не заводись... Успокойся! Настоящий мужчина не должен так делать...

Рябцев вдруг поднял лицо и со слезами в голосе воскликнул:

— А как мне еще быть?! Что мне делать, если я вижу, как вы идете с ним под ручку?! Я убью этого журналиста! Я придушу его собственными руками!

Батюшки! И он тоже собирается меня убить? Да еще и придушить?

Мужество окончательно покинуло юношу, и он, отпустив ноги учительницы и схватившись за лицо, заплакал навзрыд. Воспользовавшись моментом, Ольга Андреевна немедленно отошла от него.

— Ты сейчас слишком возбужден, — сказала она, наливая из графина воду в стакан. — Вытри слезы, прогуляйся на свежем воздухе, и все пройдет. И перестань ревновать меня, к кому попало! При чем здесь журналист? Ну, посмотри мне в глаза! Разве ты не понял, как я относилась к первому журналисту? Ты же все понял, так ведь?.. А этот второй меня тем более не интересует! Это случайные люди. Ничего, кроме вреда, от них нельзя ждать! Мальчик мой! Ты же знаешь, как я дорожу тобой!

— Дорожите! — выкрикнул Рябцев. — Да вам нужны только мои мозги! А ведь я не компьютер! И не какой-нибудь дряхлый академик! У меня есть сердце, и оно наполнено любовью к вам! Ольга Андреевна, пожалуйста, пожалуйста! Я больше не могу...

— Ну, вот что, Саша! Хватит! — строго сказала она. — Мне это уже не нравится. Встань немедленно! У нас с тобой будет очень напряженная неделя. Предстоит много работы. Ты не должен расслабляться! Иначе... иначе я не смогу тебе помочь, и ты останешься без «золота» и без института! И уж, конечно, без меня...

— Ольга Андреевна, да конечно... Да я ради вас все сделаю!.. Я сутками из лаборатории выходить не буду!.. Да я... да я... — торопливо залепетал Рябцев.

Мне показалось, что он сейчас грохнется в обморок. Но он устоял и даже попытался снова схватить руку Ольги Андреевны. Она решительно отдернула ее и властно приказала:

— Все. Иди!

Рябцев молча кивнул и бегом выскочил из тренерской. Он пролетел мимо меня на таком расстоянии, что едва не задел меня локтем, и с грохотом скатился по металлической лестнице. Вскоре его шаги затихли в конце коридора.

Я продолжал наблюдать из своей засады за Ольгой Андреевной. Блестящая игра! Учитель химии в два счета вылепила себе такого раба, который ради нее теперь готов на все. С такими данными химичка всех мальчишек класса может в медалисты вывести! Если, конечно, они не перебьют друг друга на почве ревности.

Ольга Андреевна села за стол, придвинула к себе ближе настольную лампу и стала выдвигать ящики. Что она ищет в столе Белоносова? Впрочем, сейчас не об этом! Нельзя разбрасываться мыслями. Моя конструкция еще не готова. Я еще не знаю, куда пристроить Белоносова с его переодеванием в женскую одежду, с его мнимым исчезновением. Почему он боится показаться на людях? Вчера утром Белоносов поехал на Побережье, чтобы провести занятия в «Юнге». В городе он каким-то образом узнал об аварии на Мокром Перевале, и это его взволновало. Как же! Ведь журналист приезжал по его душу! И вдруг разбился насмерть при странных обстоятельствах! Тут любой человек почувствует себя неуютно, боясь, что кто-то может заподозрить его. И что делает Белоносов? Он начинает выяснять, насколько велики шансы получить повестку от следователя. Физрук бежит буквально по моим следам: сначала в морг, потом в автосервис, где стоит разбитая «Нива». За небольшие деньги запросто получает информацию о плоскогубцах и медали и

понимает, что уже крепко вляпался, что его подставили и теперь наверняка упручат за решетку. Он взволнован, мысли его путаются. Бежать! Но куда? В Кажме его сразу найдут. К жене нельзя, она уже живет с другим мужиком. И тогда его осеняет несколько странная, но вполне оригинальная идея. Он возвращается в Кажму под видом женщины и прячется в своем доме. А что же Ольга Андреевна? Она распускает слух о его исчезновении, следит за всеми моими передвижениями (ночью в школе и около пивной) и тайно приносит Белоносову в дом еду. Все!

Все детали сошлись. Конструкция сложилась... Я перевел дух и мысленно пожал себе руку. Поздравляю, Кирилл Вацура! Чуть больше суток тебе понадобилось, чтобы распутать весьма непростое дельце!

Но радость триумфа тотчас отравила горечь от жалости к Лешке. Бедный парень! Он так мечтал влюбиться, быть любимым и создать семью. Нашел очаровательную женщину, и кинулся в любовь с головой как в омут, но так и не узнал, что нашел в Кажме вовсе не свою половинку, а свою смерть.

Я стоял в своей темной засаде и уже не понимал, зачем я это делаю. Тайно следить за Ольгой Андреевной теперь не было никакого смысла. Меня уже не интересовало, что она искала в столе Белоносова. Какая разница, если ответ на главный вопрос уже получен.

Я решительно двинулся к ней. Ольга Андреевна тихо вскрикнула, со стуком задвинула ящик и вскочила со стула.

— Что вы здесь делаете?! — нетвердым голосом произнесла она. — Как вы посмели?!

— Тихо, тихо! — сказал я, приложив палец к губам и закрыв за собой дверь. — Не пытайтесь меня напугать. Единственное, кого я немножко боюсь как бешеного ежика, так это Рябцева. Но он, кажется, уже выбежал из школы.

Ольга Андреевна на удивление быстро совладала с собой. Медленно опустившись на стул, она взяла стакан с водой и поднесла его к губам. Готов был поклясться, что она не сделала ни глотка, просто ей нужен был короткий тайм-аут, чтобы собраться с мыслями.

— Подглядывали? — спросила она, опуская стакан на стол.

— А что мне оставалось делать? Если бы я вовремя не спрятался, то юный Отелло кинулся бы на меня, как дикий кот на котлету. Скажите, Ольга Андреевна, это такая маленькая забавная особенность Кажмы — любовные интрижки между учителями и учениками?

— Кирилл, — рассмеялась она, впервые назвав меня по имени. — Вы внимательно следили за тем, что здесь происходило? Какая любовь? Ка-

кие интриги? Мальчик достиг пика полового созревания, у него просто гормональный взрыв.

— И часто у вас здесь случаются эти самые взрывы?

— Вы, когда были школьником, разве никогда не влюблялись в молоденьких учительниц? — насмешливо посмотрела на меня Ольга Андреевна.

— Влюблялся, — признался я и кинул взгляд на дверь — плотно ли она закрыта. — Причем не только тогда, когда был школьником, но и после. Можно сказать, что молоденькие учительницы меня до сих пор волнуют. Скажите правду, Ольга Андреевна, я в самом деле вас совершенно не интересую? Или вы это сказали лишь для того, чтобы успокоить Рябцева?

— Вы пришли сюда только за тем, чтобы это узнать?

— Нет, не только за этим. Я не могу понять, зачем вам нужна власть над этим мальчиком?

— Власть? — удивленно протянула учительница. — Разве это власть? Это стимул, дорогой товарищ журналист. Элементарный педагогический прием. Я очень хочу, чтобы мальчик окончил школу с золотой медалью и поступил в Менделеевский институт. Он способен сделать блестящую карьеру. У него светлая голова. К сожалению, иногда ее посещают глупые, даже вредные мысли.

— Вот с этим я с вами полностью согласен. Исключительно вредные и глупые! Причем настолько глупые, что ни золотой медали, ни Менделеевского института ему не видать, как своих ушей.

— Что вы несете? — нахмурилась Ольга Андреевна.

— Очень скоро узнаете. А теперь я вас прошу проводить меня к Белоносову.

— Вы мне надоели! — жестко проговорила она. — Последний раз повторяю: его нет в Кажме!

— Он скажет вам спасибо, когда вы приведете меня к нему, — заверил я. — Я его только успокою, и у него отпадет необходимость прятаться. Он снова начнет радоваться жизни и уже открыто будет волочиться за вами.

— А вы, оказывается, хам, — произнесла Ольга Андреевна, глядя на меня, как мне показалось, с обнадеживающим интересом.

— Значит, вы не хотите проводить меня к Белоносову? — уточнил я.

— Скажите, а вы случайно не страдаете синдромом навязчивых идей?

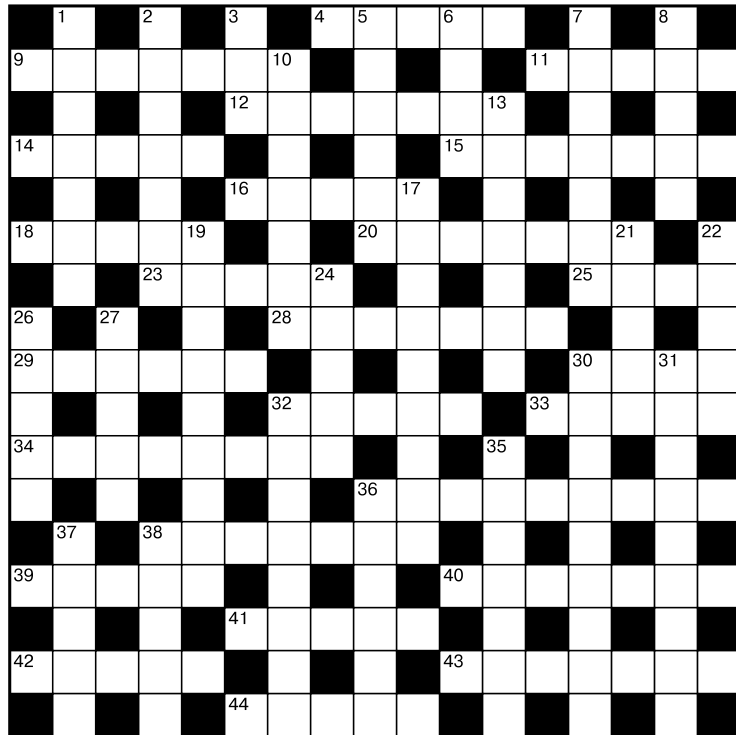
Я улыбнулся. У Ольги Андреевны хорошее чувство юмора, и она замечательно владела собой, но я, как Сергеич, не мог избавиться от набившего оскомину чувства долга, дело надо было довести до конца. Как любят говорить журналисты, расставить все точки над «i».

Повернувшись, я вышел из тренерской и с силой захлопнул за собой дверь. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какое единоробство исключили из Олимпийских игр в Мехико? **9.** На каком убеждении до последнего стоят? **11.** Рыба, иссохшая под пиво. **12.** Преподаватель колледжа, придумавший баскетбол. **14.** Что в 1853 году называли «саратогскими стружками»? **15.** Какую ягду Александр Пушкин кушал последней в своей жизни? **16.** Американский военный вертолет. **18.** Киргизский академик, ставший президентом страны. **20.** В ка-

ком немецком городе 14 октября 1843 года впервые прозвучал знаменитый «Свадебный марш»? **23.** «Мертвая петля» в фигурном катании на коньках. **25.** «... нищему не помеха» (русская пословица). **28.** Весенний гриб, чья шляпка идет на настойку от ревматизма. **29.** Чем Наполеон опавивал своих маршалов? **30.** «Винновник» того, что в средневековой Голландии контракт, подписанный после трех часов дня, не имел юридической силы. **32.** «Японская Вене-

ция». **33.** Шеф факультета. **34.** На чем ездит Владимир Гостюхин в фильме «Автостоп» Никиты Михалкова? **36.** Дерево, поставляющее цветы для свадебного наряда французской невесты. **38.** «Тореро на коне». **39.** «Винный рай» на карте Венгрии. **40.** Желудочный недуг, при котором лучше не налегать на черноплодную рябину. **41.** «Народное собрание» на сайтах в Интернете. **42.** «Опять скрипит потертое ...!». **43.** Вермут для «бандито-гангстерито». **44.** Парижский ... месье Сансон стал героем книги Эдварда Радзинского.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Не испортят нам обедни злые ... врагов». **2.** За какой парламент голосуют израильтяне? **3.** Ранг бюрократа. **5.** Нарушение при игре в боулинг. **6.** Чьей лапы просил Сергей Есенин? **7.** Как прозвали гиганта Алкиноя, после того, как он угнал стадо быков Гелиоса? **8.** Находка сыщика. **10.** Какая собака помогла Эркюлю Пуаро раскрыть преступление в рассказе «Немойский лев» Агаты Кристи? **13.** «Советский граф» среди классиков нашей лите-

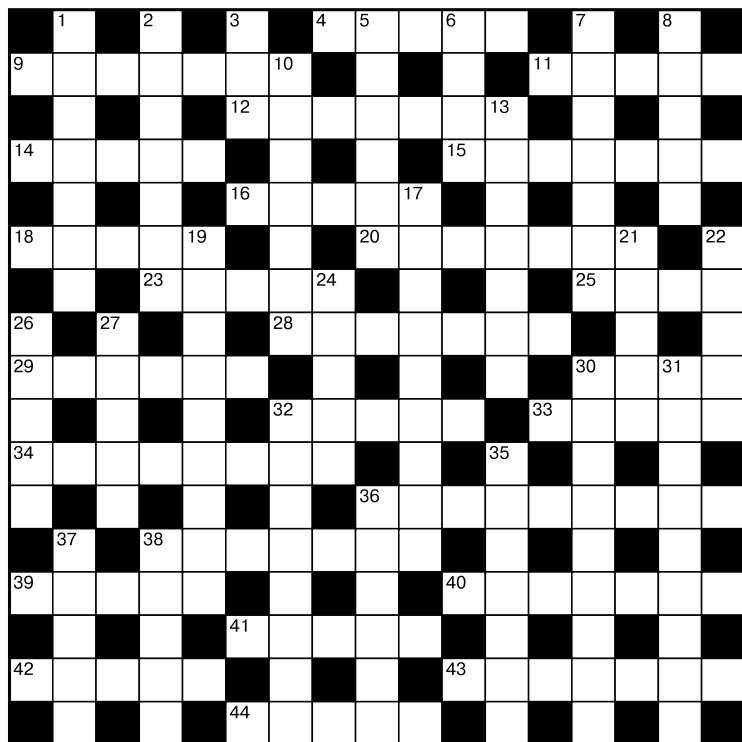
ратуры. **17.** Кто в редакции отвечает за работу над ошибками? **19.** Чеховский «дядя Ваня». **21.** Кормилец двух генералов у Михаила Салтыкова-Щедрина. **22.** Знаменитого гонщика Михаэля Шумахера за глаза прозвали «Красный ...». **24.** «Здравый ... возобладал». **26.** Головной убор, в честь которого вроде как называли тюльпан. **27.** Какую рыбу в Древнем Риме подавали только к столу императора? **30.** «Мелочная принципиальность». **31.** Какое растение прежде на Руси называли «кошачий ладан»? **32.** В каком американском штате оштрафуют, если откусить от чужого гамбургера? **35.** Основа оболочки шариков для пейнтбола. **36.** Писательница Агата Кристи считала, что «разбитая ... приносит счастье, только археологам». **37.** Какие состязания проводят среди заключенных в тexasском городке Хантсвилле каждое пятое воскресенье сентября? **38.** К какому слову так и не придумал рифму Незнайка из Цветочного города в сказочной повести Николая Носова?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Ягуар. **10.** Воробьянинов. **11.** Франций. **12.** Аттракцион. **13.** Бобслей. **16.** София. **18.** Тир. **19.** Шалаш. **21.** Ария. **24.** Буян. **25.** Вашингтон. **27.** Пиаф. **29.** Теолог. **30.** Жонглер. **34.** Косоглазие. **35.** Дубонос. **37.** Караваджо. **40.** Суаре. **41.** Ершов. **42.** Клаксон. **43.** Крофт. **44.** Шляпа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Горшок. **3.** Амнистия. **4.** Бой. **5.** Почта. **6.** Пьеро. **7.** Анекдот. **8.** Индивидуализм. **9.** Звено. **10.** Винер. **14.** Василек. **15.** Танго. **17.** Марпл. **18.** Тираж. **20.** Книгоед. **22.** Бангкок. **23.** Мот. **26.** Неглиже. **28.** Фотограф. **31.** Рогатка. **32.** Подарок. **33.** Будуар. **36.** Сабля. **38.** Орел. **39.** «Хоуп».

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Что Аристотель ставил на первое место среди трех основных причин, двигающих человеческими поступками? **9.** Австралийская рыба, у которой, кроме жабр, есть еще и одно легкое. **11.** Рисовый суп у армян. **12.** Расширитель проблем. **14.** Кому посвящена песня «Король сочиняет танго» от Лаймы Вайкуле? **15.** Какая трава «выросла у подножия креста», на котором распяли Спасителя? **16.** Корма курицы. **18.** «Фи-

гурное катание» велосипедистов. **20.** Озеро со входом в Аид. **23.** Какой британский математик первым обозначил число пи греческой буквой? **25.** Какого французского писателя цитирует герой рассказа «После бала» Льва Толстого? **28.** Христианское имя князя Ярослава Мудрого. **29.** Виноградное сусло, придающее характерный тон малаге. **30.** Китайский заяц, который толчет снадобье бессмертия. **32.** Карбонат калия для производства хрусталя.

33. Перо, украшающее дамскую шляпку. **34.** Подножие древнегреческого храма. **36.** Где родился Тамерлан? **38.** Испанский трактир, попавший на многие полотна великого Диего Веласкеса. **39.** Индонезийский танец «злого духа». **40.** Осминог научного звучания. **41.** «... Фролова» среди фигур высшего пилотажа. **42.** Африканская страна с озером, чья вода может заменить чернила. **43.** «Каждый ведь совершенно точно знает, как надо жить на свете» (культовый роман). **44.** Чье имя носит принцип, удаляющий «бритвой» из науки несущественные знания?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Головной убор на матадоре. **2.** Чем «лечила печаль» Марина Цветаева? **3.** Спрессованный пепел. **5.** Любимая цифра «железного канцлера» Отто фон Бисмарка. **6.** Первый русский корабль, награжденный Георгиевским флагом. **7.** Норвежский Дед Мороз. **8.** Народ, чья армия проиграла в битве на Каталунских полях. **10.** Самый маленький медведь. **13.** Из какого древнего праздника получился нынешний Хэллоуин? **17.** Абхазская

гармоника. **19.** Каждый из тех, кто, как считал польский писатель Ежи Лец, сам реализовывает свои предсказания. **21.** В какой крепости король Генрих VIII обручился с первой женой и казнил вторую и пятую? **22.** Английский сребреник. **24.** Подводная пещера, привлекающая дайверов со всего мира в Мексику. **26.** Сторожевой пес из Японии. **27.** Какая аквариумная рыбка берет корм только со дна? Если еда плавает на поверхности, то она остается голодной! **30.** Страна, чьи награды тщательно «выводили» с портретов Иосифа Сталина в конце сороковых годов прошлого века. **31.** Какого вещества не содержит белый шоколад в отличие от черного? **32.** Неожиданная смена ног танцором. **35.** Какой литературный герой по популярности в кино стоит на втором месте после Шерлока Холмса? **36.** Фаршированное филе из дичи по-французски. **37.** Какой «исконно русский» народный промысел «завезли» в петровские времена из Голландии как копию делфтского фарфора с голубым рисунком? **38.** Божественный бык у древних египтян.

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Юдина. **10.** Новочеркасск. **11.** Цветоед. **12.** Гауптвахта. **13.** Негрито. **16.** Алмаз. **18.** Эло. **19.** Целий. **21.** Тюль. **24.** Гаун. **25.** Ландсберг. **27.** Смог. **29.** Кебияр. **30.** Таиланд. **34.** Гамбринизм. **35.** Ачамгур. **37.** Демисезон. **40.** Глина. **41.** Нурми. **42.** Амилоид. **43.** Мальяр. **44.** Крусе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Девиер. **3.** Натураль. **4.** Под. **5.** Токаш. **6.** Шерпы. **7.** Сковилл. **8.** Психоаналитик. **9.** Скрад. **10.** Нефть. **14.** Вендинг. **15.** Филби. **17.** «Штосс». **18.** Элиот. **20.** Антреме. **22.** Маклауд. **23.** Орк. **26.** Геликон. **28.** Гармония. **31.** Дариоль. **32.** Убиение. **33.** Пчелка. **36.** Реймс. **38.** Нуар. **39.** Юмис.

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на **1 месяц** с учетом доставки стоит **79 руб. 20 коп.** Подписка на **3 месяца** с учетом доставки стоит **237 руб. 60 коп.** Подписка на **6 месяцев** с учетом доставки стоит **475 руб. 20 коп.** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф. И. О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись платателя			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись платателя			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 01 апреля открыта каталожная подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2013 года через любое отделение связи. Примерные образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Вся пресса в одном месте!

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

